

Япония: классика и современность

МОЙ ДЕДУШКА — ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Кониси Масатеру

Annotation

Школьная учительница Каэдэ ухаживает за больным деменцией дедушкой – единственным близким человеком на свете. Он страдает галлюцинациями и потерей памяти, но разум старика проясняется, стоит только Каэдэ поставить перед ним кажущуюся неразрешимой загадку. Изучив все известные ему факты, дедушка каждый раз сплетает их в увлекательную историю, которая раз за разом оказывается правдивой. Рассуждения деда помогают девушке разгадать тайну пропавшей коллеги и уберечь друга от обвинений в убийстве, но спасут ли они саму Каэдэ от загадочного преследователя, который с каждым днем подбирается все ближе?

Написанная в легком и цепляющем стиле, книга полна тайн, юмора, искрометных диалогов и отсылок к лучшим образцам детективного жанра от Агаты Кристи до Рекса Стаута. Права на уютный роман «Мой дедушка – частный детектив» купили больше 10 стран, среди которых Франция, Германия, Италия и другие.

-
- [Кониси Масатеру](#)
 -
 - [Глава 1. Красные клеточки](#)
 - [Глава 2. «Закрытая комната» в идзакае](#)
 - [Глава 3. Исчезновение в бассейне](#)
 - [Глава 4. Их тридцать три!](#)
 - [Глава 5. Призрачная женщина](#)
 - [Эпилог. Загадка преследователя](#)
 - [Библиография](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- 8
 - 9
 - 10
 - 11
 - 12
 - 13
-

Кониси Масатеру

Мой дедушка – частный детектив

Masateru Konishi
Meitantei no Mama de Ite

© Masateru Konishi, 2023

© Перевод. У. Сапцина, 2024

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

* * *

Глава 1. Красные клеточки

1

– Сегодня утром синий тигр приходил, – сказал Каэдэ ее дед. – И как только дверную ручку повернул?! Ловкий какой.

Похоже, деда удивило не столько появление в кабинете тигра, да еще с синей шерстью, сколько то, что тигр умудрился открыть входную дверь.

– Хорошо еще, что не слопал, – решила пошутить Каэдэ.

Но на самом деле повторение все той же истории расстроило ее. Деда она навещала раз в неделю, и обычно в это время он дремал. А если она изредка заставала его бодрствующим, опять начинались рассказы о том, что ему привиделось. Теперь разговор будет продолжаться в том же духе, пока Каэдэ не уйдет домой, и как следует побеседовать о чем-нибудь серьезном им уже не удастся.

Но все равно она делала вид, будто вежливо и внимательно слушает историю о синем тигре, и то и дело кивала и поддакивала. Потому что ничем другим не дорожила так, как временем, проведенным в этом доме, который принадлежал не только деду, но и ее родителям.

– ...А тигр тогда... – продолжал дед, изобразив, как тигр шагает, ставя передние лапы крест-накрест. – И когда уходил, на морде у него в самом деле играла улыбка.

– Тигр улыбался?

«Эх, ну вот опять», – подавила она невеселую усмешку. Речь шла о зрительной галлюцинации, маловероятной в реальности, однако не заслушаться было невозможно. Так что, если поначалу Каэдэ лишь притворялась внимательной, рассказчиком дед был настолько искусным, что всякий раз мир его историй незаметно увлекал и затягивал ее. Вот и сегодня ей даже почудилось, что синий тигр и впрямь выскакивал из какой-нибудь иллюстрации в одной из книг на стеллажах.

Лишь выговорившись, дед, кажется, успокоился. Его веки медленно опустились.

В этой комнате, устроившись в кресле-реклайнере с электроприводом, дед просиживал целыми днями. Для него, рослого и худощавого, намеренно было выбрано кресло размером побольше, и все же избежать досадного просчета не удалось: реклайнер оказался гораздо удобнее, чем ожидалось, поэтому дед с него почти не вставал. К столику сбоку от кресла он прислонял деревянную трость, передвигаться без которой был не в состоянии. Но от помощницы по уходу, по совету которой и была приобретена трость, Каэдэ приходилось выслушивать жалобы вперемешку со вздохами – мол, если дед, когда ему надо в туалет, тростью еще пользуется, то напрочь забывает про нее и явно тяготится ею, когда встает, чтобы взять с полки книгу, вот она, помощница, и тревожится, как бы он не упал.

«Книги-то он по-прежнему любит, но вряд ли за содержание... Как будто он почти не в состоянии удержать его в голове», – мелькнула у Каэдэ тоскливая мысль.

В кабинете, битком набитом книгами, до сих пор витал застарелый запах типографской краски. Он вызывал у Каэдэ воспоминания о ее излюбленной улице в квартале Дзимботё, где размещались лавки букинистов.

Она и не заметила, как солнечный свет, пробившись сквозь листву и заглянув в окно, лег на лицо спящего деда пятнистым маскировочным рисунком. На этом лице, в возрасте семидесяти одного года, почему-то без каких-либо признаков пигментации, крупный гордый нос и обозначившиеся в углах глаз морщинки образовали сложную светотень. По сравнению с прежними временами щеки похудели, подбородок заострился, и это лишь усиливало впечатление глубоких складок на лице. Довольно густые длинные волосы, разделенные на прямой пробор над широким лбом, были седыми почти на три четверти, остальные же были все еще черными. Переход оттенков придавал этому лицу сходство с чеканным императорским профилем на древнеримской монете.

Вид у старика был внушительный, причем не только на благосклонный взгляд внучки.

«Наверняка он многим нравился», – Каэдэ тихонько подтянула сбившийся плед, прикрывая худую шею деда.

Закончить уборку и разбрызгать антибактериальный спрей с запахом мыла, стараясь не попадать на стеллажи с книгами, она успела как раз к приходу физиотерапевта и сеансу реабилитации. Этот спрей не только способствовал поддержанию чистоты в комнате. Деду часто мерещились мелкие насекомые вроде комаров. В таких случаях спрей служил заменой инсектициду.

«Пока, дедушка. До свидания».

У двери кабинета стоял туалетный столик с зеркалом, доставшийся Каэдэ от покойной бабушки.

«Интересно, существует ли в отличие от возрастного регресса еще и возрастная прогресс?»

Особую изысканность туалетному столику придавала косметика сложных оттенков, которая скопилась в рельефном рисунке древесины за все время, пока за ним красились.

Каэдэ вынула из выдвижного ящика щетку, наскоро пригладила волосы, посмотрелась в зеркало и состроила гримасу.

«Улыбнись».

Прежнюю дверь кабинета, сделанную из прочного дуба, во время ремонта заменили на раздвижную, готовясь к тому, что рано или поздно дед не сможет обходиться без инвалидного кресла.

Прежде чем покинуть дом деда в Химонъя, Каэдэ постаралась прикрыть дверь как можно осторожнее, чтобы не издать ни звука.

На обратном пути, пока Каэдэ тряслась в поезде, идущем по линии Тоёко, она случайно бросила взгляд на свое отражение в вагонном окне и увидела совершенно отрешенное лицо. От улыбки, которую она с таким трудом изобразила, даже воспоминаний не осталось.

Уже смеркалось, небо будто выкрасили бледной губной помадой. С началом осени кучевые облака, грозящие дождем, пропали, и повсюду виднелись облака других всевозможных видов и форм.

В памяти Каэдэ вдруг всплыло одно воспоминание, связанное с дедом.

Это случилось двадцать три года назад, когда Каэдэ исполнилось четыре. Устроившись на коленях у деда, сидящего со скрещенными ногами на открытой веранде-энгава, она не сводила глаз с неба, окрашенного в яркий мареновый цвет. Взгляд ясных, исполненных интеллекта глаз деда был направлен на пол рядом с его коленями.

– Каэдэ, ну-ка, на что похоже каждое из вон тех облаков? Попробуй сочинить историю про все эти облака сразу.

Сейчас она сказала бы, что это было, как сандайбанаси в ракуго – импровизация на три темы, заданные зрителями искусному рассказчику.

Рассчитывал ли он, что воображение Каэдэ расправит крылья? Видимо, таким образом дедушка старался помочь ее эмоциональному развитию.

Она отозвалась сразу же, не раздумывая:

– Вон то облако – Маленький дедушка. А вон там – Плоский дедушка. А там... м-м... самое большое облако – это дедушка, который толще моего.

И хоть дедушка и сказал, что так истории не сочиняют, он все же расплылся в улыбке. А потом, к удивлению Каэдэ, взял и сам вместо нее сочинил экспромтом детскую сказку под названием «Три дедушки». Подробности этой истории уже забылись. Однако ненасытный Толстый дедушка слопал все лекарство от простуды в мире, перепутав его с сахаром, над ним немилосердно потешались, а он в итоге прожил дольше всех – вот таким остался в памяти Каэдэ финал.

Возможно, сказка должна была послужить уроком Каэдэ, которая не терпела горькие порошки от простуды. Так или иначе, рассказ получился настолько увлекательным, что девочка хлопала в ладоши от радости.

– Смотри, Каэдэ! Ты только погляди!

Подняв глаза к небу, она увидела, что на нем осталось только самое большое облако, то есть Толстый дедушка, а Маленький и Плоский дедушки рассеялись прямо как туман. Значит, недаром у сказки такое окончание?

Ошеломленная Каэдэ раз за разом переводила беспокойный взгляд с деда на небесного Толстого дедушку и обратно. Если так подумать, дед наверняка в тот раз украдкой поглядывал на небо, проверяя, как

там дела у облаков, пока продолжал сочинять сказку. И если бы Маленький и Плоский дедушки продержались до самого конца, сюжет, несомненно, изменился бы до неузнаваемости.

– Дедушка, а расскажи мне еще сказку, а не то...

Малышка Каэдэ, глядя на деда снизу вверх, дернула его за волосок, растущий из родинки на кадыке. Ей отчетливо помнилось, как волосок неожиданно легко выпал, позабавив ее, и как весело она смеялась.

«А вдруг это сделала я еще в тот раз? – задумалась Каэдэ. – Может, так я и отняла у дедушки его здоровый ум?»

Странности в поведении деда стали очевидными лишь полгода назад. Когда Каэдэ водила его на прогулку, то заметила, что его шаги стали короткими, семенящими.

– Дедушка, ты что же это, растолстел сильнее, чем кажется? Если ноги еле тащишь?

Дед склонил голову набок и с горькой улыбкой, полной насмешки над собой, ответил, что состарился.

Поначалу и Каэдэ считала – нет, надеялась, – что все дело в избыточном весе или солидном возрасте. Но с тех пор прогрессирование ускорилось. Когда дед пил любимый кофе, рука, в которой он держал чашку, мелко и непрестанно тряслась. Заходя к нему в гости, Каэдэ всякий раз заставляла его в кабинете, сонно клюющим носом в кресле. Он постоянно сутулился, и что бы ни делал, движения его были вялыми и замедленными.

Но нет, и это было еще не самое худшее.

Худшим, что Каэдэ, наверное, ни в жизнь не смогла бы забыть, стало потрясение, которое она испытала однажды.

Поздно ночью зазвонил ее телефон. Когда Каэдэ, протирая заспанные глаза, ответила на звонок, ее собеседник, судя по голосу, молодой мужчина, неловким почему-то тоном представился: «Э-эм, это из службы экстренной медицинской помощи». И продолжал в том же духе, смущаясь и то и дело запинаясь:

– Можно поговорить с Каэдэ-сан лично?.. А, ну да, конечно. Видите ли, ваше имя и номер значатся в памятке с контактной информацией для экстренных случаев, которая приклеена к стене, потому и звоню. Вообще-то это ваш дедушка обратился в экстренную службу по номеру 119. Так что... э-э-э... ну и вот.

- Извините, да что случилось?
- Он сказал: «Каэдэ лежит здесь вся в крови».

В клинике, куда обычно ходила Каэдэ, предположили, что это болезнь Паркинсона, но поскольку не были уверены в диагнозе, то порекомендовали обратиться в крупное медицинское учреждение.

В больнице при университете деда тщательно обследовали, в том числе сделали компьютерную томографию.

И выдали результат, не обращая внимания на деда, который крепко уснул в кресле, молодая женщина-врач как ни в чем не бывало объявила:

- Итак, это деменция с тельцами Леви.

С тем, что у ее деда, такого умного и эрудированного, не успевшего даже отпраздновать семидесятилетие, развилась деменция, Каэдэ просто не могла смириться легко и сразу. Но самостоятельный поиск и в Интернете, и в специально заказанных материалах дал полное совпадение всех проявлений дедовой болезни с симптомами именно этой деменции. Так Каэдэ впервые узнала о том, что в одной только Японии численность больных деменцией, по-видимому, превышает четыре с половиной миллиона человек, а также что «деменция» – лишь общий термин, но на самом деле существуют разные формы этого заболевания.

Так называемую деменцию приблизительно разделяют на три вида. Самый распространенный, численность пациентов с которым составляет примерно 70 % от общей, – это деменция по типу болезни Альцгеймера: предположительно, ее вызывает отложение в тканях мозга белка определенного типа, известного как бета-амилоид. Большинству людей в мире при слове «деменция» первым сразу же представляется именно этот тип заболевания.

Следующий по распространенности тип – сосудистая деменция, возникающая вследствие мозгового инфаркта или инсульта; пациенты с такой деменцией составляют 20 % от общего количества.

При обоих типах деменции наблюдаются нарушения памяти, когда одни и те же рассказы повторяют по многу раз, дезориентация в результате затуманенного восприятия времени и пространства, и,

кроме того, часто возникают такие симптомы, как бесцельные выходы из дома и блуждания.

А на долю деменции с тельцами Леви, выявленной у деда и известной также под сокращенным названием ДТЛ, приходится примерно 10 % всех случаев.

Название эта деменция получила лишь в 1995 году, так что это один из недугов, открытых сравнительно недавно, если вспомнить, насколько продолжительна в целом история болезней человечества. В последние годы ДТЛ, как деменция третьего типа, привлекла пристальное внимание, в итоге, насколько известно, представления об этой болезни в сфере клинических исследований стали уточняться быстрыми темпами, не говоря уже об условиях лечебных учреждений.

В тканях головного мозга и его ствола у пациентов с ДТЛ неизменно обнаруживаются рубиново-красные структуры, похожие на миниатюрную яичницу-глазунью, – тельца Леви. Вот эти-то «мини-глазуньи» и вызывают такие симптомы болезни Паркинсона, как тремор конечностей и нарушения походки, разговоры во сне или состояние сонливости в дневное время при расстройствах поведения в фазе быстрого сна, или же не дают чувствовать расстояния при нарушениях пространственных когнитивных функций.

Но наиболее характерным для ДТЛ является симптом другого рода, а именно – зрительные галлюцинации. Какими бы ни видел их пациент, цветными или монохромными, объединяет эти галлюцинации одно: яркость и отчетливость, «как в жизни». К примеру, открыв глаза сразу после пробуждения, видишь в комнате с десятков человек, которые молча и бесстрастно стоят и глаз с тебя не сводят. Или обнаруживаешь, что на обеденном столе вольготно разложила кольца гигантская змея. А иногда, куда бы ни пошел, весь день следом ходит девочка с косичками.

Нередко случаются и совершенно нереалистичные галлюцинации. Прямо перед глазами торопливо проходит на задних ногах свинья. На тарелке грациозно резвится фея. А дед видел синего тигра – как ни странно, в большинстве случаев такие зрительные галлюцинации не сопровождаются слуховыми.

«Мельтешня» перед глазами во время галлюцинации – не что иное, как чисто визуальные феномены, и с пациентами они не заговаривают. Но, как известно, в действительности из всех пяти

чувств девять десятых информации об окружающем мире человеку обеспечивает зрение. Иначе говоря, для большей части пациентов с ДТЛ эта «мельтешня» определенно существует в реальности.

Наверное, у людей с таким заболеванием самой ходовой могла бы стать поговорка «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Ведь они же отчетливо и явно видят то, что у них перед глазами. Сколько бы окружающих ни отрицало якобы увиденное, убедить пациентов с ДТЛ, что на самом деле этого не существует, – задача из наитруднейших. Вдобавок их порой раздражают заявления вроде «ничего такого здесь нет», «неоткуда ему взяться» и «очнись», напрасно заостряющие внимание на ситуации. Потому и считается, что ухаживать за больными с ДТЛ нелегко.

В руководстве для опекающих лиц, которое прочла Каэдэ, говорилось следующее: «Когда подопечный пациент жалуется на появление гигантских насекомых, которых боится, или на другие галлюцинации, вместо того чтобы все отрицать (“тебе только кажется”) или отмахиваться от него (“это из-за болезни, не приставай ко мне”), хлопните в ладоши со словами: “Смотри, больше ничего нет. Теперь все в порядке”, обращаясь к подопечному мягким тоном. Эффективной оказывается также смена темы...»

«Должно быть, в этом дело», – думала она.

Вдобавок, поскольку дед никогда не сердился на нее, Каэдэ во что бы то ни стало стремилась избежать ссор с ним. Потому-то она и не обсуждала подробно его болезнь, а когда он рассказывал о своих галлюцинациях, старательно сдерживалась, чтобы не отрицать реальность того, что он «видел своими глазами». Заставить больного осознать, что у него деменция, почти невозможно, а если бы такое и было возможно, даже думать об этом казалось слишком жестоким.

Но она все же думала.

Собственные представления и поведение вызывали у нее ощущение такого странного дискомфорта, как будто то, в чем должна была возникнуть раздвоенность, почему-то в итоге осталось целым. Эти ощущения несколько отличались от мыслей о том, что у деда не может быть деменции, или других, эскапистских, – вернее, отдающих самообольщением, – болезней, о том, что он не должен теми же темпами продолжать терять рассудок.

«Да. Это не то...»

Но в чем же тогда суть этого дискомфорта?
Никакого хоть сколько-нибудь определенного ответа Каэдэ дать не могла.

От станции Гумёдзи еще пятнадцать минут тряски в автобусе.

К возвращению Каэдэ домой, в квартиру с единственной комнатой в многоквартирном доме, доставили и книгу. Это было собрание статей известного поклонника детективов Сэтогавы Такэси. В выходных данных указывалась дата первого издания – 1 апреля 1998 года. Если Каэдэ не подводила память, Сэтогава-сан умер еще молодым, в возрасте чуть за пятьдесят. Так что эта книга была не чем иным, как посмертной публикацией автора.

С малых лет находясь под влиянием деда, Каэдэ буквально помешалась на детективах, и когда романов ей стало мало, взяла у деда с полки сборник статей Сэтогавы Такэси и стала читать.

И не столько удивилась, сколько испытала потрясение.

Автор предлагал для обсуждения всевозможные произведения, рассматривал их притягательность с точки зрения самобытности и естественности, и его статьи порой – нет, почти без исключения – оказывались увлекательнее сюжета книг, о которых рассказывали. Так, для тематического сборника «Паломничество к шедеврам» он выделил у большой тройки мастеров канонического детектива – Эллери Куина, Агаты Кристи и Диксона Карра – наиболее показательные произведения и подверг их всесторонней критике, задаваясь в том числе вопросом: «А такой ли уж это шедевр?». Его рассуждения выглядели более логично и увлекательно, чем сюжеты самих книг, к приведенным доводам придаться было невозможно, но независимо от того, знал об этом сам Сэтогава-сан или нет, переполняющая его любовь к этим книгам проступала между строк, *приятно согревая* Каэдэ всякий раз во время чтения.

Божеством, которое привило Каэдэ любовь к зарубежному классическому детективу, был он.

«Сэтогава Такэси».

Этого имени, произнесенного мысленно, хватило, чтобы у Каэдэ дрогнуло сердце.

В семидесятых годах молодой Сэтогава Такэси стоял во главе Детективного клуба Васэда – легендарного университетского общества, во множестве порождавшего авторов детективов и литературных критиков. В районе Нисивасэда, в кофейне «Мон шерри», между студентами, состоявшими в Детективном клубе Васэда, изо дня в день разворачивались азартные обсуждения детективов, и в самой гуще этих событий неизменно находился Сэтогава Такэси с улыбкой на выразительном лице с густыми бровями.

По-видимому, и дед был одним из видных членов клуба Васэда.

С классическими детективами прекрасно сочетается кофе.

Ориентированная по вертикали вывеска кофейни, белым психоделическим шрифтом по красному гласящая: «Мон шерри. Кофе экспертов», словно преграждала доступ всем посетителям, кроме экспертов, сведущих в детективах.

Вскипал шапкой пены кофе – насыщенный, с горчинкой, темный, как загадка, в которой не разглядишь дна. Облицованные желтым кафелем наружные стены наводили на мысли о «Тайне желтой комнаты» Леру. Из маленького театра на втором этаже доносились шаги актеров, как в «Странных шагах» у Честертона или «Наблюдателе на чердаке» у Рампо.

Теперь, когда кофейни «Мон шерри» больше не было, не оставалось ничего другого, кроме как дать волю воображению. Заведение, где в роли рассказчиков выступали Сэтогава Такэси и дед, наверняка должно было излучать тепло и свет, подобно общежитию художников «Токивасо» в мире манги или Ляншаньбо в «Речных заводах».

«Послушать, как эти двое рассуждают о классических детективах... я бы не отказалась».

То, что знаменитой кофейни больше не существовало, лишь разжигало желание Каэдэ.

Увы, век «Мон шерри» миновал. Зато имелась книга – вот эта.

Желание держать под рукой книгу, которую особенно любишь, возникает само собой. К тому же в доме у деда книги хранились бережно завернутыми в полупрозрачную кальку, в них не было ни единой загнутой страницы, поэтому Каэдэ стеснялась брать их

почитать. По всем этим причинам она решила скупить все сборники статей Сэтогавы Такэси.

«Хорошо, что книга как новенькая. Даже бумажный поясок цел».

Каэдэ обрадовалась, увидев, что книга в хорошем состоянии. Если уж начистоту, ей как раз и хотелось, чтобы все книги любимого автора были новыми, никем еще не читанными. Но поскольку это посмертное издание больше не печатали, пришлось приобрести его в букинистическом интернет-магазине. И вот теперь произведения Сэтогавы Такэси были собраны полностью.

«Что же это за женщина двадцати семи лет от роду, если собирает такие коллекции?»

Чувствуя, как на лице сама собой возникает улыбка, Каэдэ принялась было пролистывать страницы, прижимая их большим пальцем.

И тут...

Четыре листочка бумаги выпали из книги и плавно опустились на ковер, словно листья гинкго.

«Хм. Это еще что такое?»

Каэдэ осторожно подняла четыре листочка и разложила их на столе. И задумалась, уставившись на эти прямоугольники разного размера.

«Для закладок великоваты. Но все же... Вряд ли они для заметок – слишком... мрачные».

Листочки оказались статьями, вырезанными из газет и журналов. И всеми этими статьями были некрологи, извещавшие о смерти Сэтогавы Такэси.

По случаю праздников Каэдэ впервые за три дня прошлась до Химонъя в районе Мэгуро пешком.

В тихом уголке жилого района близ святилища местного покровителя, бога войны Хатимана, приютился дедов дом – двухэтажный, деревянный и почти опустевший. Из-за ограды садика чисто символических размеров тянулись ветки сакуры и японской фатсии. Деревянная табличка на столбе садовой калитки содержала

искусно выведенную тушью фамилию деда. Его почерк был знаком Каэдэ с детства.

Говорят, табличка с именем на дверях – лицо дома. Снаружи дом все еще имел солидный вид, и, возможно, по-прежнему исходившим от него ощущением значимости был обязан написанному хорошим почерком имени на табличке.

Но стоило войти в калитку, как возникало отчетливое чувство, что вспыхнувший было интерес к этому месту ослабевает. Раньше путь к входной двери указывали круглые камни, разбросанные там и сям, но с тех пор, как у деда обнаружили деменцию, их заменила бетонная дорожка с присущей ей безликостью.

Каэдэ повернула ручку двери в прихожей, с переделкой которой было решено повременить, и ей в нос сразу же ударил мыльный запах антибактериального спрея. «Это вы, госпожа помощница?» – чуть было не позвала Каэдэ, но тут же спохватилась. Потому что не заметила в прихожей чужой обуви. Видимо, приходящая помощница, ухаживающая за дедом, уже закончила уборку и стирку и ушла только что, буквально несколько минут назад.

По всему коридору вдоль стен были установлены новые поручни. Для передвижения по дому деду с его неуверенной походкой многочисленные поручни стали необходимыми.

Оформление субсидии на вспомогательные средства такого рода зачастую оказывается сложной и запутанной процедурой, отнимающей уйму времени. Так что фактически расходы, связанные с дедом, Каэдэ пришлось взять на себя.

Она прошла в гостиную, расположенную по коридору слева.

Случайно взглянув на почти утративший полировку центральный столб, подпиравший потолок, она увидела на нем несколько горизонтальных карандашных линий. Ими дед отмечал сначала рост матери Каэдэ, когда та была маленькой, а потом – своей единственной внучки. Цифры роста и дат рядом с линиями уже почти стерлись, но и они свидетельствовали о красоте дедова почерка. Однако при виде крепежной стойки поручней, словно вонзившейся в надписи и застрявшей в них, у Каэдэ защемило сердце.

Бросив взгляд в сторону окна, она увидела развешанные для просушки в комнате белые футболки.

«Ох, ну и рассеянная эта помощница».

В доме, где есть больной с ДТЛ, одежду в комнатах лучше не сушить: когда она висит для просушки, ее можно принять за человека. Особенно часто пациентам с ДТЛ «чистым холстом», на который накладываются яркие галлюцинации, служат белые футболки. Услышав, что по той же причине на глаза таким пациентам не стоит попадаться изображениям людей и семейным фотографиям, Каэдэ сразу же убрала поглубже в ящик комода снимки в рамках, стоявшие раньше на письменном столе.

Она взялась было впопыхах снимать с вешалок футболки, как вдруг за спиной прозвучал сравнительно бодрый голос деда:

– Извини, это Канаэ развесила. А пятна, похоже, так и не отстирались.

Появившийся в гостиной дед медленно уселся на постель, не выпуская из рук кофейной чашки. Поскольку в его спальне на втором этаже к тому времени уже устроили кладовку, ареал обитания деда теперь был ограничен преимущественно гостиной, где стояла его кровать, и кабинетом, расположенным в глубине дома. Судя по походке, по сравнению с прошлыми визитами сегодня его самочувствие существенно улучшилось. Значительная переменчивость состояния в разные дни характерна для пациентов с ДТЛ.

– Эм-м, да я просто складки расправляю, – нашлась Каэдэ, оставив футболки в покое.

– Это ведь не помощница приходила, а твоя мать, да?

– Наверное, у нее какие-то дела, вот она и ушла так спешно. Как жаль, что мы с ней разминулись.

Мысленно Каэдэ вздохнула с облегчением.

Уже лучше...

По крайней мере сегодня он додумался спросить. Да и вообще в последнее время ей редко случалось видеть деда в настолько хорошем состоянии. Сегодня шанс все-таки есть.

– Кофе, который варит Канаэ, вкусный, даже когда остынет, – продолжая улыбаться и нахваливать кофе, дед неторопливо поерзал, усаживаясь поудобнее. Потом лишь слегка трясущейся рукой поднес чашку к открытому рту и сделал глоток.

– Видимо, пролить кофе сегодня можно не бояться. Со стороны виднее, но, кажется, состояние приличное, верно? Так что неплохо

было бы в этом удостовериться. Но это, возможно, не более чем догадки.

Сделав еще глоток кофе, дед уставился на Каэдэ в упор.

– По-моему, у тебя ко мне важный разговор. Я вижу это по твоему лицу.

Каэдэ чуть не прослезилась. Дед заговорил о себе в первом лице, употребив форму слова «я», которой пользовался раньше. Ясные черные глаза смотрели ласково. Как будто вернулся дедушка из прежних времен.

Его речь звучала отчетливо – вероятно, потому что улетучилась сонливость. Если вдуматься, последние полгода Каэдэ так тревожило состояние деда, что ей было не до серьезных разговоров с ним.

Все-таки сейчас – или никогда.

Собравшись с духом, Каэдэ отважилась:

– Вообще-то да. Дедушка, я вот хочу спросить...

– О чем?

– Дедушка...

Она изо всех сил старалась сдержать слезы.

– Послушай, дедушка... неужели ты сам не понимаешь, что болен? И не отдаешь себе отчет, что постоянно видишь иллюзии, а не реальность?

Бесполезно.

У нее задрожал голос.

– Но потому, что ты не хочешь расстраивать меня...

Слезы все-таки навернулись. А ведь она решила, что не расплчется ни в коем случае.

– Ты не хочешь расстраивать меня, потому и делаешь вид, будто не понимаешь?

По-прежнему мягко улыбаясь, дед отпил еще кофе. Потом осторожным движением руки медленно поставил чашку на обеденный стол сбоку от кровати.

– Да, Каэдэ, ты верно говоришь. Нет никаких сомнений, что у меня деменция с тельцами Леви.

Все-таки чутье не подвело ее.

Черные глаза деда с радужками, напоминающими стеклянные вещицы филигранной работы, словно вбирали Каэдэ в свои глубины. Да, блеск ума в них ничуть не отличался от прежнего. В этом-то и

заключался истинный характер дискомфорта, который сама она не сознавала.

Последние два дня Каэдэ продолжала изучать ДТЛ и узнала о ней много подробностей разного рода.

Даже у пациентов с одинаковым диагнозом ДТЛ наблюдается значительная разница в нарушении памяти и пространственных когнитивных функций в зависимости от локализации телец Леви. Одни пациенты всякий раз пугаются зрительных галлюцинаций, другие, по-видимому, легко свыкаются с ними. Симптомы проявляются у каждого пациента по-своему, и, само собой, таких вариантов насчитывается великое множество. По-видимому, нередки случаи, когда при идеально подобранном сочетании различных медикаментов, в число которых входит допа, зрительные галлюцинации «рассеиваются, как туман», и прекращаются полностью. На практике, в зависимости от физического состояния, пациент чаще всего не создает впечатления какого-либо упадка интеллекта.

Больше всего Каэдэ удивило то, как много существует пациентов, *отчетливо сознающих*, что «их видения на самом деле не реальность, а порождения их болезни». Некоторые из них настроены настолько позитивно, что, просыпаясь каждый день, предвкушают появление галлюцинаций, а потом с увлечением рисуют увиденное.

Поскольку научных сведений о ДТЛ все еще недостаточно, на этой почве легко возникают заблуждения. Даже в лечебных учреждениях немало врачей относятся к интенсивному опыту зрительных галлюцинаций у пациентов поверхностно и делают поспешные выводы о «прогрессировании деменции».

Выявление ДТЛ не обязательно означает упадок интеллекта. Узнав об этом, Каэдэ вдруг обнаружила, что ее странное ощущение дискомфорта само собой «рассеялось, как туман».

Дед смотрел на свои руки, которые дрожали лишь слегка, а не как при болезни Паркинсона.

– Уже довольно давно я заметил, что мое душевное состояние весьма отличается от состояния человека, которого принято называть здоровым. Да, так и есть: к примеру, если посмотреть на этот книжный стеллаж, кажется, будто искусный храмовый плотник покрыл его

стенку тонкой резьбой, как на «божественном паланкине» микоси. Но если потрогать ее, никаких неровностей резьбы нет. Стенка совершенно гладкая. В таком случае, какому из чувств следует доверять – зрению или осязанию? Покрыть всю стенку стеллажа сложной резьбой за одну ночь, не привлекая моего внимания, совершенно невозможно. И потом, никто в этом мире не станет прокрадываться в комнату к старику только затем, чтобы покрыть резьбой его стеллаж. То есть доверять, к сожалению, следует осязанию. Или, если взглянуть с другой стороны, полагаться на мое зрение ни в коем случае нельзя.

Каэдэ просто слушала признания деда, ничего не говоря в ответ.

– А чем же тогда объясняются эти казусы? Мой компьютер неисправен, пользоваться им нельзя. Я думал было поискать в смартфоне, но, как видишь, нет никакой уверенности, что руки не подведут меня. Точнее, после того, как я увидел якобы твой труп и позвонил в службу спасения, Канаэ конфисковала мой смартфон, поэтому о поиске в нем с самого начала не стоило и думать, – дед с проказливым видом надул красиво очерченные губы. – Так что я уговорил помощницу вызвать социальное такси и отправился в библиотеку, чтобы что-нибудь разузнать. Вот только в глазах, которыми я водил по иероглифам, сразу помутнело, они осоловели, работа заняла целый день... Но я выяснил-таки, что у меня за болезнь. Кстати, смотри, что вспомнил: есть же выражение «серые клеточки», – приводя излюбленные слова знаменитого бельгийского детектива Эркюля Пуаро, дед посмеивался над собой. – Стало быть, если в моем случае по поверхности мозга распространяются тельца Леви цвета красного апельсина, то я, получается, обладатель «красных клеточек».

Тогда-то Каэдэ и задала вопрос. И сама заметила, что ее голос звучит чуть хрипло.

– Ты что же, нарочно изводил меня рассказами о своих галлюцинациях?

– Так и есть.

Дед лишь слегка запнулся.

– Это потому, что когда я рассказывал о галлюцинациях, выражение твоего лица менялось особенно стремительно. И я видел тебя то удивленной, то улыбающейся. И главное – слышал твой голос,

когда ты откликалась или поддакивала. Тогда я со всей уверенностью уяснял себе, что ты, Каэдэ, – объективная реальность.

– Эм-м... то есть? Дедушка, я же всегда рядом.

– Даже не знаю, поймешь ли ты меня. Раньше я уже рассказывал тебе со всей откровенностью, что намерен делать со своей жизнью в дальнейшем, которое, если уж начистоту, для меня вряд ли будет слишком долгим «дальнейшим», и неизвестно, как их назвать, эти, как говорится, «последние приготовления», – это выражение звучит сравнительно неплохо, но за равнодушие я его не люблю и по возможности им не пользуюсь. В то время я возомнил, что мое состояние безупречно. И даже считал, что если и вести такие разговоры, то сейчас или никогда. Так что... проговорил чуть ли не целый час. Однако почему-то ты все время слушала меня молча, с лишенным всякого выражения лицом.

Дед наконец умолк и опустил взгляд.

– И вдруг прямо у меня на глазах ты взяла и исчезла. Это была не ты, а галлюцинация.

Всего на миг на лице деда мелькнула горечь, а может, кофе попался пережаренный.

– Пожалуй, еще никогда я не чувствовал себя таким расстроенным и несчастным. С тех пор я принял решение ни в коем случае не говорить о моей болезни, пока ты сама не поднимешь этот вопрос. «Даже если меня будут принимать за старика с деменцией, с которым не поговорить толком, ничего не поделаешь», – думал я.

«Дедушка, – и она снова повторила мысленно: – Дедушка».

Ее дед не мог – нет, не осмеливался! – заговорить с единственной внучкой о своих планах на оставшуюся жизнь. И как только ее угораздило до сих пор не замечать, как он мучается!

Наверняка из-за галлюцинаций.

И такое бывает. Среди когнитивных нарушений встречаются самые разные, в том числе потеря памяти. При болезни Паркинсона движения даются с огромным трудом. Однако базовый интеллект деда не ухудшился нисколько.

Видимо, в соседнем детском учреждении, работающем при миссии, наступило время распустить подопечных по домам. До гостинной доносились голоса проходивших мимо дома детей – они пели какую-то детскую песенку. Даже фальшивили они и то мило. Лицо деда смягчилось.

– «Осенний день сменяет тьма, упав ведром в колодце...»

Впрочем, до наступления темноты еще оставалось время.

– Вообще-то, дедушка, я хочу показать тебе кое-что, – и Каэдэ вынула из своей черной сумочки сборник Сэтогавы Такэси.

Если бы дед, как обычно, задремал в кресле, она укрыла бы его свежевystиранным пледом, с удовольствием почитала бы, устроившись рядом, и ушла домой.

Но...

Теперешний ли это дед, или же...

Дед водрузил на нос вынутые из кармана халата очки без оправы, предназначенные для чтения, и, все еще держа книгу на некотором расстоянии, растроганно произнес:

– Неужто посмертная публикация Сэтогава-сэмпая? Не стоило специально покупать, я отдал бы тебе свою.

«Я бы не взяла. Повезло книге, которую так ценят».

Каэдэ внутренне заулыбалась.

– Ее же наверняка больше не издают, как хорошо, что она тебе досталась!

– Сейчас есть интернет-магазины, специализирующиеся на букинистике, так что даже редкие книги зачастую приобрести довольно легко. Так что вот... собственно, дело в том, что в книгу было вложено вот это.

Каэдэ открыла книгу и снова, как у себя дома, разложила на столе четыре вырезки с некрологами.

«Скончался Сэтогава Такэси, игравший активную роль в сфере критики кино и детективов».

«Сэтогава Такэси: кончина незабвенного таланта».

«Эпоха многоплановой критики. Наследие Сэтогавы Такэси».

«Удачная встреча детективной литературы и кино в работах Сэтогавы Такэси».

– М-да. Все это я прочел еще тогда.

Одного беглого взгляда, брошенного на эти заголовки издалека, хватило деду, чтобы ощутить тоску и одиночество.

– Кажется, были еще две публикации. Разумеется, я вырезал их все.

– Вот как.

Уже в который раз Каэдэ поразились дедовой памяти. Из-за болезни самые недавние события полностью выпадали из нее, а когда речь заходила о прошлом, в памяти как будто сам собой открывался выдвижной ящичек.

– Ну вот, дедушка, в них-то и загодка. По-моему, это и подразумевается под «загадками повседневной жизни» и встречается нечасто.

– Действительно, – подтвердил кивком дед.

– Короче говоря, суть загадки в следующем: собственно говоря, кто, где и с какой целью вложил в эту книгу четыре вырезки с некрологами?

– Правильно. Прежде всего для закладок эти листочки слишком велики, так? А в качестве бумаги для заметок разве они не вгоняли бы в уныние?

– Прямо как у Гарри Кемельмана, – снимая очки, дед произнес имя давнего автора детективов.

Типичное для Кемельмана произведение «Девятимильная прогулка»^[1] – построенный исключительно на логике шедевр детективного жанра, в котором на основании единственной реплики, проскользнувшей в разговоре соседей по пабу – «пройти девять миль пешком – не шутка, а тем более в дождь», – стремительно, кратко и исчерпывающе раскрывается убийство, совершенное днем ранее.

В этот момент дед вдруг просительно произнес:

– Каэдэ, можно мне сигарету?

Сочетание некоторых слогов каким-то образом действует как заклинание – вероятно, в том и заключается одно из достоинств японской поэзии.

Каэдэ принесла синюю пачку сигарет, вынув ее из выдвижного ящичка туалетного столика с зеркалом, стоявшего в кабинете. Французские «голуаз». Не самые дорогие сигареты, но такие, которые не раздобудешь где угодно. Обычно Каэдэ покупала их в известной

лишь посвященным лавчонке, торгующей всякой всячиной, когда бродила по букинистическим магазинам Дзимботё.

– Буду признателен, если сможешь прикурить... да, вот так. У меня ведь руки трясутся. Когда я один, употреблять не решаюсь.

Вместо «курить» дед говорил «употреблять». Должно быть, как пережиток тех времен, когда, в отличие от нынешнего общества противников курения, сигареты наряду с алкоголем считались само собой разумеющейся роскошью, которую ценят за вкус и стимулирующее действие, а не за питательность. С молодых лет дед ограничивался определенным количеством сигарет в неделю, а в последнее время курил крайне редко. Поэтому даже Каэдэ не считала нужным лишать его этого удовольствия.

Дед затянулся сигаретой, и некоторое время у него на лице отражалось упоение. Запах дыма от «голуаз» не вызывал у Каэдэ неприязни, но она опасалась, что им пропитаются сохнувшие футболки, поэтому слегка приоткрыла окно. Выпуская сиреневый дымок, дед произнес: «Итак...» – отчетливее, чем прежде. Сигарета как будто включила в нем кнопку усиления интеллекта.

– В какие же сюжеты складываются имеющиеся у нас факты, Каэдэ?

У Каэдэ взволнованно заколотилось сердце. С давних времен ее дед излагал гипотезы в виде «сюжетов».

Теперь он в самом деле вернулся. Тот, прежний дед.

– Вот что у меня сложилось, – выкладывая обдуманную гипотезу, Каэдэ изо всех сил изображала невозмутимость. – Сюжет первый. Некрологи в книге появились благодаря ее бывшему владельцу – или владелице. Для того, чтобы чувство опустошенности, вызванное смертью Сэтогавы Такэси, испытали и другие поклонники знаменитого критика, этот владелец решил вложить в книгу вырезки.

Судя по лицу деда, услышанное соответствовало его собственному мнению. Как обычно, Каэдэ держалась напряженно, рассказывая деду свои «сюжеты».

И все-таки...

«И все-таки я рада».

– Эм-м... Сюжет второй, – спохватившись, продолжала она. – Тот, кто вложил в книгу вырезки с некрологами, имел некое отношение к букинистическому магазину. И был – или была – поклонником

Сэтогавы Такэси. А по прошествии нескольких десятков лет ему заказали книгу этого автора, которую уже давно не печатали. На радостях он или она решил сделать приятное незнакомому, но живущему теми же интересами человеку, то есть мне, вот и вложил в книгу вырезки.

Наверное, от мыслительного возбуждения у нее пересохло в горле.

– Ну, не знаю. Эти два сюжета – все, что я придумала.

Дед отозвался:

– Угу, не так уж плохо. В каждом из них более-менее есть смысл, их даже не назовешь надуманными. Но и в том и в другом имеются существенные неувязки.

– Вот как...

Каэдэ прикусила губу.

– Как бы это объяснить... прежде всего в первом сюжете неувязка вот в чем. А продаст ли хоть когда-нибудь любимую книгу поклонник, который настолько увлечен личностью Сэтогавы Такэси, что даже хранит вырезки с его некрологами? Тем более книгу, изданную посмертно. Владелец среднестатистического здравомыслия будет бережно хранить ее вместе с вырезками в личной библиотеке.

Каэдэ осталось лишь кивнуть.

– И то правда. Исходя из психологии библиофила, с моим предположением, пожалуй, трудно согласиться.

– Второй сюжет выглядит лучше первого. Однако и в нем неувязки бесспорны. Если вырезки с некрологами в книгу вложил человек, как-то связанный с книжным магазином, почему он не сопроводил их пусть даже самой краткой запиской? Приложив старания, чтобы дополнить книгу вырезками, неужели он не написал бы что-нибудь вроде: «Меня как любителя книг несказанно порадовал Ваш заказ. Пользуясь случаем, прошу Вас принять в память о Сэтогаве Такэси вырезки, извещающие о его кончине, которые я взял на себя смелость предоставить»? Почему он или она, приложив старания, так поскупились на них, если уж на то пошло? – без обиняков заключил дед. – Это значит, что версии, лежащие в основе и первого, и второго сюжета, оказались провальными. Однако существуют и другие сюжеты «икс».

– В таком случае... – осипшим голосом выговорила Каэдэ, – дедушка, ты не мог бы изложить их?

Дед ничего не ответил, но, словно дорожка укоротившейся сигаретой, взял ее как-то щепотью, зажав между большим и указательным пальцем, затянулся и выпустил последнее облачко дыма. Его веки медленно, но верно опускались. Каэдэ встревожилась, не засыпает ли он.

Но ее опасения оказались напрасными.

Дед открыл ничуть не сонные глаза и объявил:

– Я только что видел «картину». Увы, мужчина, которому раньше принадлежала эта книга, уже скончался.

– А?..

– Да ты сама посмотри. Он ведь прямо здесь, этот человек с безмятежным лицом.

Галлюцинация.

Однако галлюцинация, основанная на точной логике, – это чувствовалось интуитивно.

– Сюжет «икс» состоит в следующем. Перед смертью этот человек из чувства скорби и в память о любимом авторе Сэтогаве Такэси вложил в его книгу, которой так дорожил, вырезки с некрологами. Однако, разбирая его имущество после смерти, его супруга, не имеющая ни малейшего представления о ценности этой книги, продала ее букинисту вместе со всевозможными другими.

«А ведь действительно!» – пришлось согласиться Каэдэ. Как раз то, что надо, – совершенно лишенный изъянов, сразу же понятный и убедительный сюжет, верно?

Но Каэдэ упорствовала:

– Откуда ты знаешь, что раньше эта книга принадлежала мужчине? Разве все то же самое не может относиться к женщине?

– Не может, – коротко и просто отмел ее предположение дед. – Когда один из супругов умирает, если кому и удастся действовать рассудительно, не поддаваясь скорби, так это жене. От мужей в таких случаях нет никакого толку. В сущности, как и от меня, – дед потупился. – Ведь с тех пор, как жена умерла, опередив меня, я ни на что не гожусь.

На мгновение перед мысленным взором Каэдэ возник зыбкий образ покойной бабушки.

Некоторое время оба молчали. А потом дед заговорил, будто вдруг развеселившись и пристально вглядываясь в сиреневый табачный дым:

– Ха-ха-ха, прямо сейчас за столиком в «Мон шерн» прежний владелец книги увлечен разговором со своим кумиром Сэтогавой Такэси. Похоже, сегодняшний вечер он намерен посвятить всестороннему обсуждению детективов.

Опять галлюцинация.

Но что, собственно, эта странная галлюцинация означает? У Каэдэ перехватило дыхание.

– Все как в былые времена. Стены, обшитые древесиной криптомерии и пропитанные ароматом кофе, дышат не только им, но и новыми тайнами. У стойки хозяин заведения, свободного времени у которого хоть отбавляй, не на шутку разошелся, сражаясь в сёги со студентом. Э, тут парнишка, подрабатывающий в кофейне, вдруг вскочил как ужаленный. Интересно, что стряслось.

Дед насторожился всего на миг, выражение его лица тут же снова смягчилось.

– А, ясно, почему вскочил: только что пожаловали Куин и Кристи. Ого, да это же сам Карр незаметно вступил в дискуссию! Так это чаепитие с участием «большой тройки» авторов классического детектива. Нет, поскольку Куин – это дуэт соавторов, полагаю, их следовало бы назвать «четырьмя небесными царями». А Кристи воспользовалась кухней и начала заваривать гордость Девоншира – традиционный черный чай. Сэтогава-сэмпай и его собеседники в восторге. Карр и есть Карр: с серьезным видом, ни на кого не глядя, уставился на чайник так пристально, что вот-вот дырку в нем просверлит, – не иначе как придумал новую уловку с отравлением. Надо же, как будто все в самом деле довольны.

«Чем? Что это значит, дедушка?»

Неужели это результат его безотчетной доброты, стремления к счастливым финалам сюжетов? На глаза Каэдэ снова навернулись слезы. Но теперь это были слезы радости, которым сопутствовала слабая улыбка.

«То, что видит дедушка сейчас, – несомненная «реальность».

И хотя совершенно никаких подтверждений этому не было, она считала именно так.

А в это время...

Сигарета с тихим шипением упала в пепельницу с водой. В приоткрытое окно влетел ласковый осенний ветерок. На сквозняке закачались так и не снятые футболки.

Дед принялся кланяться им.

– Пожалуйста, прошу вас, вы из Общества заботы о стариках? Спасибо, что специально пришли, да вас еще так много!

Как только «голуаз» догорел и сигаретный дым рассеялся в воздухе, дед снова впал в блаженное старческое забытие.

Глава 2. «Закрытая комната» в идзакае

1

Учитель муниципальной школы считается государственным служащим, однако это не та работа, с которой можно уйти в определенное время. Пока в учительской шла проверка маленькой контрольной и выставление оценок, стрелки часов приблизились к шести вечера.

«Да что это вообще?..»

Пока Каэдэ занималась своим несложным делом, у нее вдруг мелькнула мысль о запомнившейся удивительной галлюцинации. Что это за образ мышления, если он порождает способность видеть «картины», которые можно назвать правдоподобными? А может... рука Каэдэ с красной ручкой в ней замерла. Возможно, благодаря своему выдающемуся интеллекту и накопленным знаниям дед способен осознанно видеть галлюцинации, в основе которых лежат логические заключения. А сигаретный дым, наверное, сделал нечеткой окружающую реальность, окутал ее, как туман, более того – помог деду яснее видеть, как он это назвал, «картину»...

«Разумеется, это лишь предположение... э-э, нет. “Сюжет”, верно?»

Каэдэ криво усмехнулась, не поднимая головы, чтобы не заметили другие учителя вокруг нее. Кстати, как раз вспомнилось – дед часто повторял: «Все события, которые происходят в мире, – это и есть сюжеты».

С тех пор, как Каэдэ помнила себя, дед был директором начальной школы. А когда пошла учиться сама, то узнала, что ее дедушку прозвали Мадофуки-сэнсэй^[2] и что среди учителей этой школы он считается самым популярным. За исключением торжественных случаев, вроде церемонии в первый день учебы или выпускной церемонии, встречать деда одетым в строгий костюм не доводилось никому. Всегда в белой рубашке с закатанными рукавами, его видели повсюду в школе – или протирающим окна в коридоре, или

поливающим цветы во дворе, или от души надраивающим унитаз в туалете.

Торчащие из рукавов рубашки руки были тонкими, но на них бугрились мышцы, создавая впечатление человека, имеющего подготовку в спорте или боевых искусствах. Однако к категории учителей-физкультурников он не относился.

При каждой встрече с кем-нибудь из учеников он, обязательно назвав его по имени, спрашивал, какую книгу тот сейчас читает. Еще больше, чем то, что дед помнил всех детей по именам, Каэдэ удивляло, что ему в общих чертах известно содержание всех книг, которые читали дети, и то, с каким жаром он рассуждал о достоинствах сюжетов.

На выпускной церемонии дед вместе с аттестатом вручал каждому ученику книгу. По жанру книги бывали самыми разными, в соответствии с индивидуальностью ребенка: от современной серьезной литературы до детективов, научной фантастики и комиксов.

Нет, вручал он не только книги. Некоторым детям, как ни странно, доставались видеоигры-боевики в жанре хоррора. Видимо, в понимании деда даже игры представляли собой «сюжеты», важные для формирования личности. Он был твердо убежден, что детям иногда необходимы страшные истории, после которых не уснешь, душераздирающие или таинственные сюжеты, способствующие развитию восприимчивости и воображения. И действительно, как и предполагал дед, один из его учеников в дальнейшем основал компанию видеоигр, выпускающую хиты один за другим.

В год выпуска Каэдэ напутственная речь, произнесенная дедом на церемонии, также отличалась оригинальностью. Неожиданно он достал из кармана книгу и звучно, с выразительностью актера принялся читать по ней:

– «Есть слово, которое в последнее время услышишь нечасто...»

Внезапно начавшееся театрализованное представление «Речь директора», баритон которого сделал бы честь оперному певцу, ошеломило как детей, так и присутствующих на церемонии их взрослых близких.

– «...и даже если им пользуются, то произносят не слишком серьезным тоном. Теперь оно не в чести, и когда употребляешь его, приходится напоминать себе делать это чуть насмешливо, чтобы не

испытывать неловкости. Вы знаете, что это за слово?.. Да, так и есть...»

Дед на трибуне сделал паузу на миг лишь затем, чтобы окинуть взглядом Каэдэ и других, и так же звучно и выразительно закончил:

– «Это слово – “приключение”», – и он умолк чуть ли не на минуту. А потом, дождавшись, когда утихнет гул в зале, продолжал своим обычным бодрым тоном: – Это известные строки из романа «Нападение на “Куин Мэри”» автора фантастики и триллеров Джека Финнея. Слово, которое кажется устаревшим, на самом деле новое, и, услышав его, никто не в силах сдержать в душе трепет волнения. Это слово «приключение» – всего два иероглифа. Ах да, если записать азбукой, тогда все четыре? Тому, кто так считает, следует лучше учить кандзи.

По залу прокатились смешки.

В ожидании, пока они утихнут, дед посерьезнел.

– Выпускники, вас ждет отнюдь не бесконечное будущее, – продолжал он. – Все конечно. У всего есть завершение. Такое оружие, как молодость, в мгновение ока становится ржавым. Если вы хотите, чтобы желанное будущее оказалось в ваших руках, прошу, пускайтесь в приключения. На этом все.

Таким «приключением» для Каэдэ стала поставленная перед собой цель пойти по стопам деда, которым она восхищалась, и стать профессиональным преподавателем начальной школы, как и он.

«Да уж, как сейчас помню».

Книгой, которую она получила от деда на выпускной церемонии, стал сборник рассказов Роберта Ф. Янга «Девушка-одуванчик». В давшем сборнику название проникновенном научно-фантастическом рассказе, уже ставшем классикой, была изложена печальная история любви девушки с волосами цвета одуванчика, преодолевшей пространство и время. Даже сейчас Каэдэ могла процитировать наизусть все самые известные реплики героини, начиная с «позавчера я увидела кролика».

Каэдэ, как и ее мать Канаэ, была светлой шатенкой, так что в этом отношении на Девушку-одуванчика она не то чтобы совсем не походила. Наверное, дед подарил эту книгу единственной внучке, желая ей прекрасной любви.

«Извини, дедушка. Вот с любовью... как-то не сложилось».

Вновь невесело усмехнувшись этим мыслям, она услышала:

– Над чем смеетесь, Каэдэ-сэнсэй?

Вздвогнув от неожиданности и обернувшись, она увидела, что рядом стоит с блюдцем в руках ее одноклассник и товарищ по работе, – учитель Ивата.

– Стало быть, угощение унюхали.

Ничего подобного, чуть было не возразила Каэдэ и покрепче перехватила красную ручку. Несмотря на то, что осень уже началась, Ивата все еще был в тенниске с коротким рукавом. Видно, не желал упускать случай щегольнуть мускулистыми руками, пусть даже лишнюю секунду в году.

– Сегодня я приготовил на пробу «гато-о-шоколя». Но, возможно, оно слишком сладкое на ваш вкус, Каэдэ-сэнсэй.

– О, замечательно. С удовольствием попробую.

Вопреки впечатлению, которое производила на первый взгляд крепкая и коренастая фигура Иваты, увлекался он кулинарией и приготовлением сладостей.

Пирожное прямо-таки таяло во рту. Как обычно, оно казалось слишком сладким, но физически уставшей Каэдэ этот вкус был приятен. А детям он понравился бы наверняка.

– Спасибо, очень вкусно.

Ивата улыбнулся так, что по всему лицу разбежались морщинки, смущенно провел пятерней по курчавым от природы волосам и вернулся на свое место прямо напротив Каэдэ. Пышные волосы выглядели прекрасно, словно он специально делал завивку в салоне красоты.

Каэдэ смутно сознавала, что Ивата, кажется, слегка равнодушен к ней. И что он, безусловно, хороший человек. Однако его порядочность, безобидность и живость, внушая симпатию, почему-то казались ей слишком ярко выраженными, затмевающими. Саму себя она причисляла к вдумчивым и самоуглубленным натурам, и, возможно, эта яркость Иваты, располагающая к нему всех вокруг, вызывала в ней чувство собственной неполноценности.

Ей вспомнилось, сколько раз еще с давних времен она выслушивала упреки и придирки от подруг: «Каэдэ, ты же такая

хорошенькая, вот и говори попроще, без трудных слов. Так будет легче ладить со всеми, разве нет?»

Вдобавок некоторые относились к ней откровенно неприязненно, и это еще слабо сказано.

«Книги лучше читать со смартфона, что же тут непонятного? В наше время тот, кто не отказался раз и навсегда от томиков в мягких обложках, выглядит, если уж начистоту, будто уловками привлекает к себе внимание».

Сверстники поддразнивали ее, хоть и не напрямую, за равнодушие к моде на яркие цвета.

«И что это Каэдэ вечно ходит в одном только темном? Кое-кто считает, что одежду надо подбирать под цвет волос. Нет, по-моему, у Каэдэ это проявление свободы».

Отплатить за все эти нападки Каэдэ ничем не могла. И даже считала себя в двадцать с небольшим лет уже слишком старой для женщины. В итоге у нее развился комплекс, который стал помехой в личной жизни. Или же вред причинило множество прочитанных книг, от которых у нее развилась зависимость? Нет, если уж добираться до самой сути, то...

Возможно, именно из-за «того случая» она, повзрослев, с трудом строила с другими людьми даже обычные отношения, не говоря уже о любовных. Видимо, по наследству от деда ей передалась способность уверенно общаться только с детьми.

– Вы слушаете, Каэдэ-сэнсэй?

– Ой, простите.

Кажется, Ивата со своего места за столом напротив о чем-то заговорил с ней.

– Вот я и подумал... ну, так как?

– Что как? О чем вы вообще?

Ивата обиделся.

– Как всегда, вынуждаете меня снова рассказывать такую жуть?

– Какую жуть?

– Так я и знал. Помните идзакаю, куда мы ходили примерно год назад? «Харуно» в северной части Химонья?

– Помню, конечно.

Само собой, она помнила. В то время дед постоянно бывал в этом заведении с японской кухней, и поскольку Каэдэ стеснялась пить

только вдвоем с Иватой, она выбрала «Харуно». Она помнила, как, забыв про Ивату, который в тот раз выпил столько, что свалился лицом в стол, сидела у стойки с пришедшим ранее дедом и неторопливо потягивала вторую порцию.

– Вот в этом «Харуно», – с серьезным видом продолжал Ивата, – вчера ночью, видимо, произошло убийство.

В идзакае с японской кухней, где постоянным посетителем был дед, кого-то убили? Более того, если верить Ивате, его младший товарищ по временам учебы в старшей школе сообщил, что как раз находился там.

– Мы сейчас с ним созванивались, договаривались сходить выпить. Может, и вы с нами, если не возражаете?

– Что?.. А я никого не напугаю, если нагрюну вот так?

– Не беспокойтесь. Слушайте, я же в старших классах в бейсбол играл.

– Впервые слышу.

– Забыли просто. Ну так вот, а в бейсбольной команде слово старшего товарища – закон, и неважно, сколько лет прошло после выпуска. В общем, если я неожиданно приведу вас с собой, никаких проблем не возникнет. Вот только...

– Только что?

– Есть проблема с этим малым, и нешуточная. Ведь как-никак странностей у него хватает.

В итальянский бар, отделанный под бревенчатый дом, она прибыла минут за пять до условленного времени.

«Похоже на кофейню “Мон шерри”», – мелькнуло в голове Каэдэ при виде внутренних стен, обшитых сосной в скандинавском стиле. Маленькое уютное помещение бара вмещало стойку и пару столиков, за дальним из которых молодая пара откупоривала вино. И поскольку на ближнем столике стояла табличка «резерв», вероятно, адресом она не ошиблась.

В углу посетитель, пышная шапка волос одинаковой длины которого, в отличие от курчавой шевелюры Иваты, пребывала в

полном беспорядке, одиноко читал книгу в мягкой обложке. Не зная его половую принадлежность, по шуршащей голубой рубашке с застёжкой на правую сторону можно было предположить, что это мужчина. Пожалуй, будь он женщиной, его стрижку можно было бы назвать удлинённым каре: концы волос доходили точно до резкой линии челюсти.

Лицо скрывала упавшая на лоб челка. Но... Каэдэ обратила внимание, что пальцы у него длинные и тонкие.

– Эм-м... – нерешительно обратилась Каэдэ к незнакомцу. В таких вопросах опыта ей не доставало, но по возрасту она явно была старше. – Прошу прощения, это вы младший товарищ Иваты-сэнсэя?

Не поднимая глаз, обладатель удлинённого каре ответил кратким «да». Он стукнул по экрану смартфона длинным безымянным пальцем и мельком взглянул на Каэдэ.

– До назначенного времени ещё четыре минуты сорок пять секунд. Тут до конца немного, так что я дочитаю, ладно?

Так и продолжалось четыре с лишним минуты: Каэдэ осталось только молча слушать, как Человек-Каре шуршит страницами книги.

Но, как ни странно, такое пренебрежение её не возмутило. Возможно, все дело было в том, как бережно листал книгу Человек-Каре, словно боялся повредить бумагу.

Сова на стене заухала, возвещая наступление восьми часов. Человек-Каре сразу же откинул длинные волосы со лба одним движением. В этом жесте Каэдэ привиделось что-то театральное. Ох уж этот парень. И нос такой гордый.

– Приятно познакомиться, пожалуйста, зовите меня по имени. Я Сики, пишется теми же иероглифами, что и «четыре времени года».

– Что ж, Сики-кун... эм-м... мне тоже очень приятно.

Разрешить ему и её звать просто по имени?

– Я Каэдэ. Листья с кленов ярко-алых осенью срывает ветер: пишем «дерево» и «ветер» и читаем их «Каэдэ».

Сики фыркнул.

– Это стихи?

– М-м...

– Знаете... можно понять, почему на вас так подействовало то, как я представился. Вы всегда упоминаете об осенних листьях, когда

объясните, как пишется ваше имя? Ну вот, значит, уверены, что даже красота листьев не затмит вашу.

– Нет, совсем не поэтому.

Она через силу улыбнулась, приподнимая уголки губ, но, видимо, улыбка получилась неловкой. Да что этот парень напридумывал?.. Вот это да, про длину его ресниц лучше промолчать.

Каэдэ не хватило ни уверенности в себе, ни присутствия духа, чтобы остроумно парировать реплику собеседника. Когда она общалась с детьми, объяснение про клены и ветер вылетало само собой.

– Да еще Ивата-сэмпай задерживается. Но ведь опаздывать на попойку вроде бы допустимо тому, кто ее организовал?

– Угу, так и есть. Правда, он предупредил, что на работе у него небольшой завал.

Подошел официант. Человек-Каре... нет, Сики, явно здесь уже бывал.

– Так, с нами будет еще один человек, а я пока сделаю заказ... нет, общий. Первым делом – два бочковых. От такого угощения не откажетесь? Вы же прямо с разбега угостили меня странными стихами.

– Что?..

Надо же было так выразиться. Но она лишь помолчала, потупившись и досадуя на себя за подавленные эмоции.

– А, да. Только немножко.

– Один капрезе. И ветчину-ассорти, пожалуйста. С остальным определимся, когда наш товарищ подойдет. Будьте любезны.

– Эм-м... простите.

– Что такое?

Снова постаравшись изобразить улыбку, она все-таки высказалась:

– Если уж делать заказ, хотелось бы, чтобы выслушали и мое мнение.

По-прежнему не встречаясь с ней глазами, Сики издал приглушенный смешок.

– Думаете, я не заметил? Вы же бросили на соседское капрезе два – нет, аж три взгляда.

Вот уж враки. Каэдэ поняла, что ее лицо вдруг вспыхнуло.

– Нет-нет-нет, хоть вы и покраснели, по помидорам, моцарелле и базилику было видно, что им тоже совестно оттого, что на них глазают.

– Ну, а ветчина-ассорти?

– Ее хочу съесть я, а что?

– Ничего.

И когда она ощутила, что краснеет еще сильнее, Сики с возгласом указал пальцем на выглядывающую из кармана ее пальто книгу удлиненного формата, большую часть обложки которой занимала репродукция картины маслом.

– Мастер невозможных преступлений Диксон Карр? В рамках жанра стильно, да?

«Надо же, разговорился».

– Да, «Четыре орудия убийства». Развязка уже близко, но вообще весьма неплохо.

– Хм... – Сики выглядел удивленным до глубины души. – И вы носите ее напоказ в кармане не потому, что это модно, а в самом деле читаете? В наши дни – раннюю вещь Карра? Неловко об этом говорить, но для осовремененных визуалов вроде вас... Вы извините, вообще-то это комплимент.

– Минутку, что-то я плохо вас понимаю.

– А вот и пиво.

– Может,ждемся, когда Ивата-сэнсэй придет, и выпьем? Все лучше, чем это.

«М-да? Наверное, это я от волнения. Но все же я разговариваю вот так с человеком, которого вижу в первый раз».

– Если я читаю Карра, чем это плохо?

– Да дело не в том, что Карр чем-то плох.

Сики почесал сбоку свой гордый нос.

– По-моему, переводные классические, серьезные и так далее детективы нечитабельны.

– И что это значит?

– Если я буду перечислять все причины, уйдет целая ночь, так что расскажу в общих чертах. Прежде всего выбранные декорации, в которых происходит действие, устарели. Рассудите здраво, стали бы вы строить роскошный особняк, в котором неизвестно сколько комнат, на уединенном острове далеко в море? Пожалуй, в этом случае смерть от голода страшнее, чем от руки серийного убийцы. Далее, персонажи

выбираются тоже устаревшие и шаблонные. Среди подозреваемых – военный, вышедший в отставку, которого почему-то до сих пор называют полковником, и его белокурая красавица-жена, которая ему в дочери годится. Тут бы забеспокоиться, «не умрешь ли ты от рук собственной жены». И уж во всяком случае, устарели переводы. Стоит войти в комнату пожилому человеку, как начинаются разговоры о том, как он «пережил две мировые войны и спасся чудом». Ладно еще, если речь о Лондоне, а когда местом действия становится Окаяма или Хиросима? И еще одно, тоже в карму переводчикам: имена персонажей не запоминаются ни в какую. Помнить полные имена каждого из членов семьи Фортескью – труднейшее из испытаний, и даже когда по ходу действия появляется какая-нибудь «Ренисенб, дочь Имхотепа», то и она не задерживается в памяти. Интересно, в чем дело: именами как будто чрезмерно увлекаются, делают их до неестественности вычурными, и этого нельзя не заметить. По-моему, вместо мудреных фамилий можно давать персонажам просто имена или прозвища, а еще лучше, чтобы было понятнее, называть их «бабушка» или «старший брат», или даже пользоваться личными местоимениями. Короче говоря, переводным классическим серьезным детективом называется в итоге не что иное, как штампованная заготовка, внутри которой помещается еще несколько других заготовок. Я так и называю его: «детектив-матрешка».

«Минутку. Давай уже, выскажи, что хотела».

В самом деле, с тем, что в старых зарубежных детективах устарели и место действия, и персонажи, не поспоришь. Каэдэ помнила, как тот же Сэтогава Такэси особо упоминал старомодность литературного стиля, присущего Карру. Но все же она по-прежнему питала пристрастие к книгам Карра, как и сам критик.

Хорошая книга оставляет ощущение приятной ласки, какое возникает, когда проводишь ладонью по качественной деревянной мебели. К тому же переводные произведения со временем приобретают изысканность и насыщенность, становясь отражением своего времени. Как бы ни хотелось ей возразить напрямую, она сдержалась, не желая конфликтов... и вместо этого попробовала выбрать обходной путь.

– Тогда какие же детективы читаете вы... Сики-кун?

– Исключительно детективы японских авторов, – твердо заявил Сики. – Ни в одной другой стране нет такого множества литературных премий, предназначенных для начинающих авторов детективов. Без удачного места действия и персонажей этот этап отбора не пройти. Естественно, общий уровень становится выше. Такая трагедия, как падение качества по вине переводчика, произойти не может. Что же касается подлинного многообразия, то как раз оно и демонстрирует буйное цветение. Пожалуй, можно сказать, что современная Япония лидирует в сфере детектива среди великих держав, верно?

– Интересно, что это, Сики-кун: ваши личные вкусы или твердая уверенность?

– Ну уж нет. Если приводишь доводы, почему бы не перестать ссылаться на личные вкусы?

«Ого... это что-то. Любитель поспорить ради самого спора».

Каэдэ непроизвольно пожала плечами.

– Вот видите.

– А?.. А что, что такое?

– Вы ведь только что пожали плечами, да? У обычных японок не увидишь жестов наподобие этого, когда они в замешательстве. Вы что, прикатившая на курортный юг Франции праздная мадам? Когда читаешь только что-нибудь вроде Кристи, такая жестикуляция усваивается сама собой. Вот я и называю это явление «синдром детектива-матрешки».

«Наверняка только что придумал!»

Каэдэ уже была готова выпалить это вслух, но тут вмешался наконец появившийся Ивата:

– А вот и я! Слушайте, Каэдэ-сэнсэй, этот малый – чудаков из чудаков.

«Успокойся. Улыбнись».

– Ничего, я ведь тоже не без странностей. Вы извините, Ивата-сэнсэй, но можно попросить вашего младшего товарища сказать мне кое-что?

Наверное, несколько лет прошло с тех пор, как она в последний раз напрямую возражала человеку, с которым только что познакомилась, а тем более мужчине. Собравшись с духом, она повернулась к Сики.

– Семья Фортескью – из «Кармана, полного ржи». Ренисенб, дочь Имхотепа, – персонаж книги «Смерть приходит в конце». То есть и вы читаете Агату Кристи, так?

– И что, Каэдэ-тян?

После заказанного графина с вином Ивата начал называть ее запросто, но Каэдэ решила не обращать на это внимания.

– Занятный он, этот малый. Когда с нами в бейсбол играл, почему-то хотел стать не то спортивным судьей, не то менеджером команды, а иной раз – состоять в группе поддержки. Ну, а в итоге входит в труппу прогорающего театра... что-то я тут не совсем понимаю.

Значит, он из театральной труппы. Но Каэдэ казалось, что это-то как раз понятно.

– И вдобавок у него странное мировоззрение. Эй, что не так?

Сики по-детски расплылся в улыбке.

– Все так и есть, Каэдэ-сэнсэй. Я убежден, что все события, которые происходят в мире, – это сюжеты.

Каэдэ была потрясена. Испытала чувство дежавю – нет, пожалуй, его следовало бы назвать «чувством Сики»^[3]. Хоть он и раздражал ее, в нем ощущалось что-то знакомое и близкое.

– Один знаменитый японский актер перед смертью сказал: «Все, что происходит, правильно». Эти слова я понимаю как «все происходящее – это сюжеты, вдобавок со счастливым концом». Если так, тогда, думаю, в своей жизни я должен попасть во столько этих сюжетов со счастливым концом, во сколько возможно, какими бы несущественными они ни были.

И Сики снова откинул со лба длинную челку. Но, как ни странно, на этот раз его жест не вызвал у Каэдэ неприязни.

В этот момент принесли болоньезе, и Ивата с довольным видом потер руки.

– Лучшее блюдо заведения, настоятельно рекомендую! От такого зрелища поговорить про «Папу-кулинара» не захотелось? Вот у меня есть все выпуски^[4].

Каэдэ со смехом переспросила: «Все?», Сики в тот же момент слегка хохотнул.

После съеденной с большим удовольствием отбивной помилански, послеобеденный капучино принесли как раз вовремя, чтобы

вернуть Каэдэ хорошее настроение. Даже Ивата, которого обычно развозило быстро, все еще держался.

– Может, пора обсудить тот случай? – спросил Сики.

Убийство, совершенное в столичной идзакае с японской кухней. Неудивительно в принципе, если бы в таком случае поднялся грандиозный шум в новостях, но, видимо, из-за матча футбольной сборной Японии, к случившемуся как к второстепенному известию отнеслись и обычная пресса, и новостные сайты в Интернете, почти не упоминавшие о нем.

– А большой переполох не поднялся, скорее всего, потому, что все случилось только вчера. – Сики привстал со стула и придвинулся к Каэдэ и Ивате. – Видимо, у полиции почему-то еще нет подробного заявления.

Пара, сидевшая по соседству, уже ушла, во всем заведении из посетителей оставались они трое. И все же Сики пусть и слегка, но понизил голос, словно из опасения, что сказанное дойдет до ушей кухонных работников.

– Но это несомненное убийство. И я хочу, чтобы вы поняли, почему я рассказываю вам о нем. Потому что... в это убийство втянут мой друг.

– Я же говорил, Каэдэ-сэнсэй! – подхватил Ивата.

Стоило ей только глотнуть капучино, как к ней снова стали обращаться, как раньше. Таких, как она, обхаживают лишь под действием спиртного. Неприятной неловкости это не вызывало, но...

– Когда Сики попросил совета, вы как раз оказались рядом, помните, Каэдэ-сэнсэй? Тут я подумал, что вы же без ума от детективов, вот и пригласил вас.

Сики переслал им на смартфоны схему помещения идзакаи, нарисованную в графическом приложении.

– Прежде всего посмотрите вот что: это упрощенный план зала «Харуно». Как и в заведении, где мы сейчас находимся, там два столика и еще несколько мест у стойки, где обычно устраиваются завсегдатаи, то есть идзакая небольшая и уютная.

Каэдэ подтвердила, глядя на план:

– Да. Я бывала там всего несколько раз, но помню, что именно такое ощущение она и вызывала.

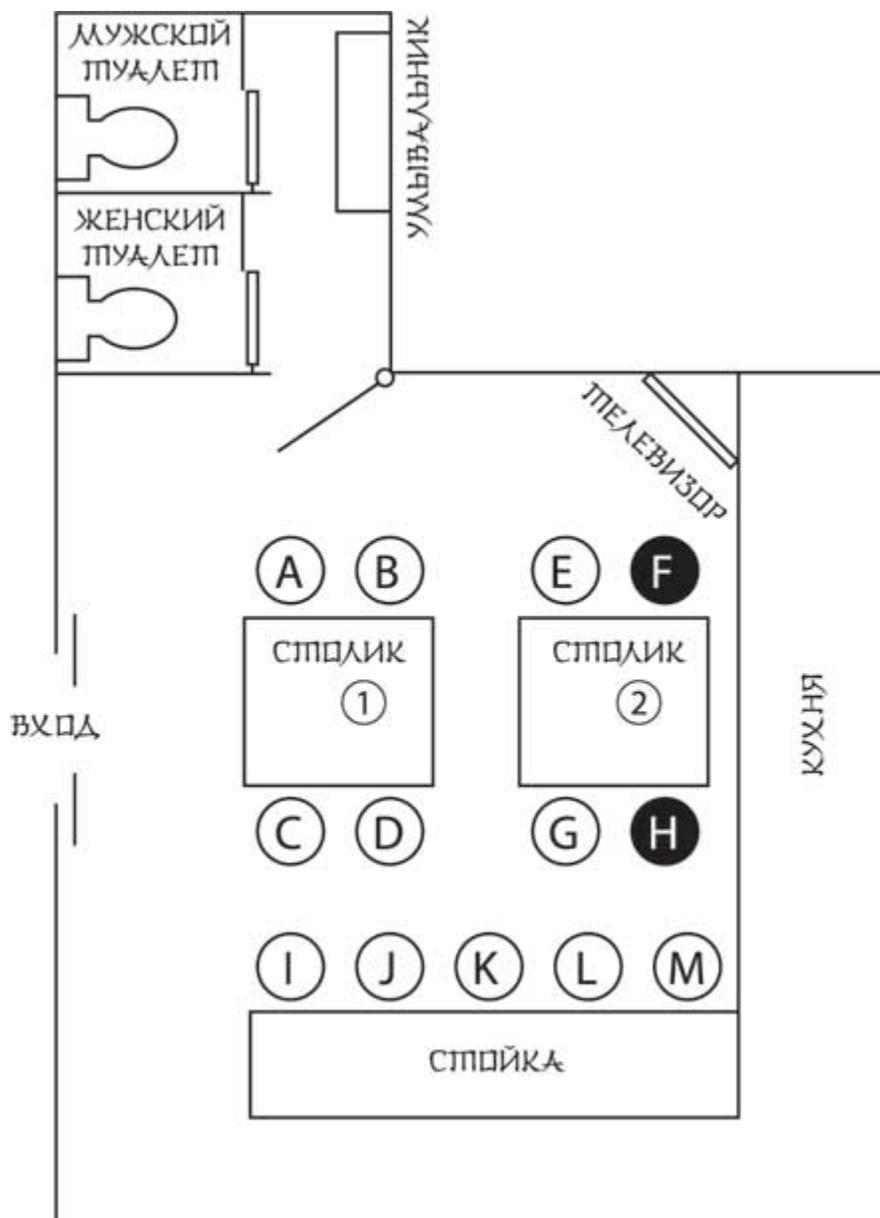
Идзакая находилась в отдельно стоящем, возведенном в старинном японском стиле здании, в нескольких минутах ходьбы по улице Мэгуро-дори, пересекающей север Химонъя. Хоть она и называлась «идзакаей с японской кухней», это было не заведение высокого класса, куда не решится заглянуть случайный посетитель без рекомендации, а вполне демократичное по атмосфере и ценам, умело управляемое жизнерадостной хозяйкой, выходящей к гостям в свободных джинсах.

У Каэдэ в голове мелькнули воспоминания о неожиданно изысканных для своей цены закусках-отооси, коронном блюде заведения – никоми и сорокалетней хозяйке с чистой кожей на улыбочивом лице, в опрятном белоснежном переднике.

– Да, по размеру она как раз такая. Раньше там был неплохой выбор местного сакэ, – подтвердил Ивата.

«Так я и знала! Не успела распробовать японское спиртное, как производство свернули», – подумала Каэдэ, но промолчала об этом и спросила Сики:

– Буквами от «А» до «М» обозначены посетители?

– Верно. Слева, то есть с западной стороны, за Столиком 1 обозначены буквами от «А» до «D» четверо: двое мужчин и две женщины, видимо, заглянувшие туда по пути с работы. А за Столиком 2 с восточной стороны сидела обозначенная буквами от «Е» до «Н» компания из четырех членов театральной труппы, в том числе и я. Помнится, все места у стойки тоже были заняты мужчинами. По сути дела, выходит, зал был полон и в нем бурлило оживление. Поскольку хозяйка управлялась в одиночку, можно представить себе, в какой она была запарке. Пока все ясно?

Каэдэ и Ивата одновременно кивнули.

– Так, сидящий за Столиком 2 посетитель, обозначенный буквой «F», – не кто иной, как я. По телевизору за моей спиной шел матч японской футбольной сборной, так что большинство посетителей под это дело увлеклись выпивкой. Из-за этого мы были не в состоянии заваливать хозяйку заказами, так что, наверное, она смогла слегка перевести дух.

«Ясно», – подумала Каэдэ.

– Заведение напоминало, так сказать, спортивный бар, хоть и называлось идзакаей.

– Вот именно. Если честно, футболом я совсем не интересуюсь, и вспыхивающая временами кричалка «Ниппон!» меня раздражала. Ведь игрокам же все равно ничего не слышно. Во мне пробудился дух противоречия, и в общем шуме я несколько раз выкрикнул: «Саудовская Аравия!»

– Да быть того не может, – отозвался Ивата голосом, в котором слегка сквозило недовольство. – Всегда чувствуется, когда болельщики кричат, подбадривая команду, даже если не на стадионе. В итоге у команды прибавляется сил.

– Ха! Чтобы кричалки посетителей, жующих в идзакае жирное брюшко лосося, долетали до Национального стадиона? Если так, тогда японская сборная давным-давно бы уже выиграла десять мировых чемпионатов подряд!

– Ну ты!.. – Ивата переменялся в лице. – И это говорит бывший игрок бейсбольной команды? Если играешь в театре, надо же уметь сопереживать самым разным человеческим чувствам, так? Неужели не случалось, чтобы тебе требовалось сыграть роль болельщика, который хочет пойти на стадион, не может, но все равно стремится поддержать сборную? А ведь это полностью противоречит тому, что ты недавно сказал.

Логично.

После мгновенной неловкой паузы Сики вдруг вскочил, объявил, что ему нет оправданий, и низко поклонился.

– Речь идет о моих товарищах по труппе, может, поэтому я немного не в себе. Сэмпай, простите меня, я угощаю.

– Нет-нет, что ты. Нельзя же заставляя младшего товарища платить за меня, – и Ивата, с растерянным видом почесывая курчавую

от природы шевелюру, сказал, что сам наговорил лишнего, на этот раз прощает Сики, так что пусть он сядет.

Каэдэ, не имевшей опыта общения в клубах, от увиденных краем глаза взаимоотношений этих двоих стало немного завидно.

– Я отклонился от темы. Так... позднее я сверился со спортивными новостями, чтобы уточнить время, – продолжал Сики. – Без десяти десять, вскоре после начала второго тайма, счет все еще был равным: три – три. После чего японская сборная провела три яростных атаки подряд. Великолепный удар со средней дистанции, разметавший толпу защитников. Прямой из угла. Прямой свободный удар, назначенный после фола в идеальной позиции. Увы, все эти мячи, либо отраженные плотной защитой вратаря, либо отскочившие от перекладины, очков не принесли, но при виде непрерывной серии головокружительных атак все как один посетители взбудораженно вскочили.

– Да, в эти десять минут было вложено немало усилий. Вскочил, конечно, и ты.

– Нет, я так и остался сидеть и грызть орешки.

– Тогда не говорил бы, что вскочили «все как один».

– «Япония провела три яростных удара подряд! Только что пробило десять часов, но никто не покинул своих мест!» Когда я услышал эти слова комментатора, было как раз ровно десять, атаки закончились, и противник наконец завладел мячом. Помнится, посетители устали оказывать команде поддержку, поэтому напряжение в зале слегка рассеялось. Итак... вот этот момент. Сидевший напротив меня ровесник из нашей театральной труппы – в этом заведении он постоянный посетитель, но его имя я скрою и буду называть его «Н», – отлучился в туалет и вернулся на свое место минуты через три. Это важно, поэтому я прибегну к инсценировке. Прошу, послушайте внимательно. – Сики вдруг сосредоточенно посерьезнел.

– Ой, минутку, Сики-кун! Можно, я включу запись?

Дождавшись согласия, Каэдэ запустила на смартфоне голосовые заметки. Это наверняка поможет, когда придется обращаться за помощью к деду, а то, что обращаться придется, ей подсказывала интуиция.

– Можно? Так вот... – всецело преобразившись в актера, Сики приступил к инсценировке событий. – Посетитель «Н» возвращается

из туалета на свое место и закуривает. Тут к нему обращаюсь я, то есть посетитель «F»: «Туалет не занят?» «H» отвечает: «Да, прошу... не занят». «F» встает и направляется в туалет. Бросив взгляд в сторону женского туалета, он проходит в глубину помещения, к мужскому, но дверь кабинки почему-то не открывается. Оказывается, замок с вращающейся ручкой заперт изнутри. На стук никто не отвечает. Случайно посмотрев под ноги, «F» испуганно вскрикивает: «Ай!». Почему «F», то есть я, не удержался от крика? Потому что из-под двери кабинки вытекает жидкость, имеющая явный вид крови. «Что-то случилось? Как вы там?» – спрашивает «F», но ему не отвечают. Тогда «F» влезает на стол, в который вделана раковина, и заглядывает в кабинку сверху. И видит, что на унитазе сидит, ссутулясь и сильно наклонившись вперед, мужчина средних лет – стройного телосложения, с татуировками на бритой голове и пирсингом в обоих ушах. Похожий на нож предмет торчит у него из спины, рана продолжает выплескивать прерывистые струйки крови. Пол уже залит ею. Неизвестный средних лет, украшенная вышивкой спина спортивной куртки-сукадзян которого окрасилась в ярко-красный цвет, сидит не шелохнувшись. Так что я, то есть «F», твердо убежден: «Этот человек уже мертв. И его убили вот только что, прямо здесь». Стоп.

Каэдэ молчала, зажав рот ладонью. Она никак не ожидала, что тело обнаружил Сики. И тогда... если нож торчал в спине, значит, точно произошло не самоубийство, а убийство.

Ивата, который тоже услышал все это в первый раз, сидел молча, скрестив руки на груди. Немного погодя он спросил:

– Так что же случилось? Полицию, конечно, вызвали.

– Да. Далее первым делом я, стараясь шуметь как можно меньше, огибаю стойку и прохожу позади нее в кухню. Хозяйка заведения, устроившись у кухонного стола в непринужденной позе и подпирая голову рукой, составляет, кажется, новое меню блюд из острой курятины, но, едва заметив, в каком я состоянии, останавливает зажатый в руке маркер и рвет лист, на котором писала. Возможно, она допустила ошибку, напуганная моим поспешным и взволнованным появлением. В полицию по моему настоянию она сообщает, но ее обычно уверенный голос дрожит, возможно, от полной растерянности. Закончив телефонный разговор, она безвольно никнет на месте.

– Как я ей сочувствую... – произнесла Каэдэ.

Эта картина отчетливо встала у нее перед глазами, тем более что она хорошо знала много натерпевшуюся в жизни трудолюбивую хозяйку заведения.

– Прибывают три патрульных машины. Место преступления временно оцепляют, сразу же приступают к опросам свидетелей. Вот еще важный, по-моему, момент, – пожалуйста, не упустите его.

Каэдэ и Ивата вновь подались к нему.

– Полицейский в штатском: «Не заметил ли кто-нибудь – перед тем, как был обнаружен убитый и поднялась суматоха, – в туалет никто не выходил?»

Столик 1. Показания посетителей, в поле зрения которых находился путь к туалетам.

Посетитель «С», мужчина: «Ну, примерно до половины десятого все мы сходили туда по несколько раз, а чтобы потом – не припоминаю, чтобы видел. Еще помню, что сразу после десяти, когда наши завелись и пробили три раза подряд, отходил мужчина из-за соседнего столика». Под «мужчиной из-за соседнего столика» он подразумевал, конечно, посетителя «Н».

Посетительница «D»: «И я не видела. Но я смотрела футбол по телевизору, так что если бы кто-нибудь прошел туда, я бы, наверное, заметила».

Все посетители, сидевшие за стойкой, подтвердили эти показания: «С половины десятого и примерно до десяти часов в туалет никто не ходил».

«Ага, честно, не было ничего такого. Все в зале оставались на своих местах».

«Так ведь счет был три – три. Схватка жаркая, глаз не оторвешь».

Посетители, сидевшие за Столиком 2, дали такие же показания. Иначе говоря, последним – не считая «F», то есть меня, – кто заходил в мужской туалет непосредственно перед тем, как в одиннадцатом часу там обнаружили труп, оказался посетитель «Н». И этим проблема не исчерпывалась.

На миг в глазах Сики мелькнул оттенок чувства, подобного боли, словно он забыл о своем актерском долге.

– Посетитель «Н» отказался давать показания: «Я буду молчать». Вот потому-то его и препроводили в полицию... Стоп.

«Неужели товарища Сики-куна еще и в полицию забрали...»

Каэдэ решительно нарушила очередное минутное молчание:

– Личность убитого выяснили? Насколько я слышала, это не кто-то из посетителей.

– Да, вряд ли, но думаю, пока о нем ничего не известно. Хозяйка говорит, что прежде его не видела, а от полицейского в штатском я слышал, что у него не нашли «ни водительских прав, ни других документов».

– Знать бы, кому принадлежит оружие убийства, тот самый «предмет, похожий на нож».

– А это выяснилось сразу же, – сказал Сики. – Я услышал от криминалистов, что у найденного мужчины к ремню были подвешены кожаные ножны для ножа-балисонга.

Ивата почесал в курчавых волосах.

– Выходит, преступник схватил с пояса убитого нож и заколол его.

– Вот именно.

– Если так, разве не ясно, как день, что отсюда следует? Ты уж извини, Сики, но не было ли у «Н» какой-нибудь причины для импульсивного убийства? Для того чтобы его совершить, достаточно и трех минут. Во всяком случае, этот отказ давать показания выглядит нелепо и подозрительно, разве нет? Если вдуматься, этого «Н» по любым меркам не назовешь честным малым.

– Вообще-то, сэмпай, малый «Н» на удивление честный. И для него, как для актера, это фатально.

– Фатально?

– Да, – твердо заявил Сики, глядя Ивате прямо в глаза. – Человеку театра быть слишком хорошим никуда не годится. А «Н» совершенно лишен тщеславия и не станет расталкивать других локтями, чтобы заполучить роль. И если я за что-то поручусь, так это за достоинства его характера. Он ни в коем случае не относится к тем, кто способен на убийство. Серьезный, добрый, с обостренным чувством справедливости – он лучший. В этом смысле он, пожалуй, немного похож на вас, сэмпай.

– Да брось, – перебил Ивата, но по всему его лицу разбежались морщинки от широкой, явно довольной улыбки. – Я что, правда такой?

– Нет, я о прежних временах. За что могу поручиться, так только за ваш хороший характер.

– Э-э!

– Простите.

– На этот раз прощаю.

– И потом, если принять, что «Н» преступник, разве не остановил бы он меня со всей решимостью, узнав, что я направляюсь в туалет?

– Наверняка. Тогда почему «Н» продолжает запирается? Нет, это все перевешивает. – Ивата снова запустил пальцы в свои кудри.

– Полагаю, суть дела в следующем: выяснить, кто, где и как убил татуированного мужчину.

– Здесь сплошные загадки, в том числе и место.

– Разберем еще раз спорные моменты в хронологическом порядке событий, – предложил Сики. – Начнем с того, что после половины десятого в туалет никто не ходил. Ровно в десять «Н» направляется в мужской туалет. Проходит каких-нибудь три минуты. «Н» возвращается на место, слышит от меня вопрос, *свободен ли* мужской туалет, и *недвусмысленно* отвечает, что свободен. Я сразу же иду туда, а дверь там почему-то заперта изнутри. На мой стук и зов ответа нет. Я поспешно влезая на столик с раковиной, заглядываю поверх двери и вижу, в чем дело: там мертвый человек, явно убитый ударом в спину.

– И окна в туалете нет. А то кто-нибудь мог бы влезть в него.

– Окна нет. Как видно на схеме.

– Тогда как насчет вот такой версии? Раненный возле заведения человек мог забрести в туалет и умереть.

– Этого не могло быть, понимаете? Когда я увидел неизвестного, кровь все еще так бурно вытекала из раны, что он наверняка умер на месте почти только что. И потом, если бы в идзакаю ввалился умирающий, кто-нибудь из посетителей заметил бы его, несмотря на весь шум футбольного матча.

– В таком случае, спорными моментами остаются...

– Да, вы верно сказали, сэмпай. Суть дела в следующем: выяснить, кто, где и как убил татуированного мужчину.

– И вдобавок еще одно: куда девался убийца?

Тишину, установившуюся на некоторое время, нарушила сова на стене, снова подав голос.

Каэдэ, до тех пор молча слушавшая разговор двоих друзей, высказалась:

– По-моему, в этом деле полным-полно довольно-таки запутанных загадок.

Именно это подсказывала ей интуиция.

– Вот потому Сики-кун и обратился к нам за советом.

Сики пожал плечами. Ага!

«Так плечами, значит, и ты пожимаешь».

– Послушайте, Сики-кун, а нельзя повременить до завтра? Может, вдруг случайно выяснится в разговорах что-нибудь полезное.

Завтра у нее выходной, она могла бы сходить к деду.

Незаметным движением Каэдэ отключила запись в голосовых заметках.

3

Дождь хлынул в тот самый момент, когда Каэдэ подошла к дому деда.

Неизвестно почему, но ей казалось, что дед сегодня в добром здравии. Проходя по садику, где там и сям поблескивали мокрые от дождя опавшие листья, она услышала голос из окна кабинета:

– А-а... э-э... и-и... у-у... э-э... о-о... а-а... о-о... А-а... э-э... и-и... у-у... э-э... о-о... а-а... о-о...

Сегодня, видимо, выполнялись восстанавливающие упражнения для голоса. В нынешних условиях ухода за престарелыми редко случалось, чтобы за все реабилитационные мероприятия отвечал один и тот же человек, более распространенным явлением были команды, которые в зависимости от назначений составляли специалисты самого разного профиля. Специализация на нарушениях речи, когда помощь оказывалась в таких сферах поведения, как речевая, слуховая и глотательная, была сравнительно новой в реабилитационном комплексе.

Каэдэ постучалась в дверь кабинета, сообщила, что это она, и в ответ ей разрешил войти приветливый и жизнерадостный голос.

– А вот и ваша внучка пришла. И вы держитесь молодцом, Химонья-сан.

Как искусных рассказчиков ракуго в древности называли по месту их жительства, прибавляя «наставник», так и дед, большой любитель ракуго, давно удостоился ласкового прозвища «Химонья».

С медленным поклоном войдя в кабинет, Каэдэ увидела, что худой и гибкий пожилой мужчина с чисто выбритой головой, в медицинских резиновых перчатках, приступает к массажу дедовой шеи. Ростом он был такой же, как Каэдэ с ее ста шестьюдесятью сантиметрами, – нет, даже чуть ниже.

– У некоторых людей в возрасте мышцы шеи обвислые, как у верблюда. Мускулатура горла у них ослаблена. Естественно, снижается и способность глотать. При регулярном массаже шеи картина существенно меняется.

– А-ах, до чего приятно. Спасибо вам, как всегда.

– Но какие же у вас, Химонъя-сан, великолепные волосы! Как я вам завидую! – массажист со смехом завертел головой, показывая деду и Каэдэ гладкую голую макушку. – Хотя какими бы великолепными ни были ваши волосы, а у моей дочери они хороши по-своему. Во всяком случае, и длина другая, и гладкость, и, что ни говори, впечатление совсем иное.

– Само собой. Как же можно сравнивать вашу дочь со стариком вроде меня? – дед громко рассмеялся. – И раз вы то и дело упоминаете о ней, прямо хоть зови вас «Глупапашей»!

Дед любил давать прозвища общительным окружающим. И в годы работы директором наверняка неплохо ладил с «глупапашами и мамашами». Эти двое вели разговор азартно, даже слушать его со стороны доставляло удовольствие – пожалуй, было в нем что-то от атмосферы старых парикмахерских и тамошних традиционных бесед с примесью политики. И некоторое сходство с известным эссе Эдогавы Рампо «Карр в вопросах и ответах».

– Дедушка не надоедает вам с его бесконечными разговорами?

Услышав это, Глупапаша отрицательно замахал перед Каэдэ руками – так усердно, словно никак не ожидал подобного вопроса.

– Эрудиция Химонъя-сан неизменно внушает мне восхищение, – желобок под носом у него выпятился, придавая лицу потешный, какой-то обезьяний вид. – Если прибегнуть к спортивным сравнениям, я назвал бы его чемпионом в десятиборье. Поскольку он известен обширными познаниями во всех областях, даже просто слушать его поистине поучительно. Поэтому возникает желание воздать должное за лекцию.

Каэдэ поняла, что это сказано отнюдь не из вежливости. Казалось, большие круглые глаза ее собеседника, окруженные морщинками, переполняют любознательность.

– О, какое удачное сравнение с десятиборьем, – дед проказливо приподнял угол рта. – Не задать ли вам вопрос по такому случаю? Сможете перечислить все дисциплины десятиборья?

– Я пас. Прошу меня простить, – выразительно, с кривой усмешкой посмотрев на Каэдэ, Глупапаша погладил себя по голой макушке. – Знаете, Каэдэ-сэнсэй, вот так всегда все и происходит, и меня всякий раз загоняют в угол.

– Ну, тогда вместо вас отвечу я. Во-первых, бег на сто метров. Потом прыжки в длину, толкание ядра...

– Ясно, ясно! И сегодня победил опять Химонья-сан.

Завуалированное чувство такта, как у хорошего комика-цуккоми, подействовало на Каэдэ, вызвав у нее невольную улыбку.

Словно подстроившись к концу процедур, в саду застрекотали сверчки-судзумуси. В последнее время в садах частных домов они водились редко, потому служили деду предметом гордости.

– Что ж, мне пора, с вашего позволения.

Дед поблагодарил его, протянув руку, но, явно не желая расставаться, в последнюю минуту спохватился, будто решил наговориться впрок:

– Так вы тогда сумели сделать удачную запись пения сверчков?

– Бесподобную. Когда я дал дочери послушать, она была в восторге.

– Вот и хорошо. Ведь нечасто случается, чтобы на одном листочке стрекотали сразу три сверчка.

– Так что не зря я купил дорогое цифровое устройство для записи. Представить себе не мог такой исцеляющий эффект.

– Вот видите! Для Сэй-Сёнагон «насекомые – сверчок-колокольчик». В такой мере, что его пение упоминается первым.

– Нет, извините, я о другом. – Глупапаша нарочито забавно склонил голову набок. – Меня исцеляло то, как улыбалась моя дочь, слушая сверчков.

– Ах-ха-ха! Все-таки я попался.

– Ну, Каэдэ-сэнсэй, хорошего вам дня.

Глупапаша, глаза которого находились почти на одном уровне с глазами Каэдэ, несколько раз поклонился, выходя из кабинета.

«Везет дедушке».

Как же она была благодарна за то, что его поддерживали не только в хорошей физической форме, но и смешили так, как сейчас!

Когда она только составляла программу по уходу за дедом, от консультанта услышала, что «в этом деле важны улыбки всех окружающих, в том числе специалистов и членов семьи», и эти слова глубоко тронули ее.

Начиная краткий рассказ о том, что случилось в идзакае, Каэдэ мысленно взяла за руки специалистов, помогающих ей ухаживать за дедом. Своим слухом, совершенно не ухудшившимся с возрастом, он очень гордился. Выслушав суть дела в изложении Каэдэ и запись с ее смартфона, дед, устремив взгляд вдаль, забормотал словно самому себе:

– Хм-м, «Харуно»? Давно там не бывал, с тех пор, как ноги слушаться перестали. Знаешь, лучшее тамошнее блюдо – никоми из потрохов. Изумительно приправлено, тарэ и даси положено как раз в меру, за одно это заведение уже достойно похвалы, такого чудесного вкуса там добиваются.

Дед отпил глоток кофе из любимой коричневатой-зеленой чашки. Каэдэ казалось, что с прошлого вечера она тоже только и делает, что пьет кофе. Есть мнение, что и пациентам с ДТЛ он полезен. И все же дед им явно злоупотреблял.

– Когда я приходил, тамошняя хозяйка всякий раз спрашивала: «Химонья-сан, до какого часа вы здесь пробудете?» А когда я отвечал, во сколько собираюсь уйти, она, по обыкновению обсуждая такие вещи заранее, добавляла: «Всего две задачки, и я вас оставлю. Как насчет бутылочки сакэ?» В моменты затишья, когда посетителей становилось мало, она раскладывала по стойке пособия по математике, английскому, шелестела страницами. В юности, по некоторым причинам, учебу ей пришлось бросить. И она постоянно занималась самостоятельно, чтобы выдержать экзамен на аттестат об окончании старшей школы. Нет ведь никакой разницы между улыбкой младшего школьника и взрослого человека, когда им наконец удастся понять задачу. Если так, почему бы тогда не порадоваться и мне? Так и

повелось, что я начал объяснять ей по пять-шесть задач, хоть каждый раз и задерживался до закрытия.

– Хозяйка идзакаи выдержала экзамен?

– А как же. Забыла, кто был у нее домашним репетитором? – дед поднял брови, будто желая дать понять, что шутит, но в голосе проскользнула пронзительная тоска. – И впрямь уютное заведение... и я хорошо помню молодого человека с угловатым лицом – по-видимому, постоянного посетителя «Н». Помню, как он мягким тоном повторяет: «Обо мне не беспокойтесь», когда в идзакае наплыв гостей. Знаю также, что в облике хозяйки ему видится его покойная мать. Еще знаю, что он видит в ней женщину, но, возможно, от застенчивости сам того не сознает.

– Наверное.

– Итак... – дед вернулся к делу, словно, чтобы воспрянуть духом. – Прежде всего будем рассуждать, исходя из того, что Сики-кун к преступлению непричастен.

– Верно. А то сложить сюжет никак не выйдет.

– Тогда идем далее. Начнем с того, что помимо загадки самого инцидента всплывает еще одна особо важная, которую никак нельзя упустить. Так что... мы могли бы назвать ее «загадкой меню».

– «Загадкой меню»? – Каэдэ слегка склонила голову набок. – А что, там есть такая?

– Обнаружив в туалете труп, Сики-кун сразу же направился на кухню сообщить о случившемся хозяйке идзакаи. В тот момент хозяйка, «устроившись у кухонного стола в непринужденной позе и подпирая голову рукой, составляет, кажется, новое меню блюд из острой курятины», но, заметив, в каком состоянии Сики-кун, «останавливает зажатый в руке маркер и рвет лист, на котором писала». С чего вдруг?

– Сики-кун тоже обратил внимание, но он ведь решил, что она в спешке допустила ошибку, да? И это тебя так насторожило?

– Чрезвычайно.

Дед отставил чашку на стол у кровати.

– Даже если она описалась, разве обязательно было рвать бумагу? Так или иначе, сперва следовало узнать, с чем пришел Сики-кун. Хозяйке заведения несвойственно действовать внезапно и резко – взять и порвать листок с записанным меню. Так все-таки зачем она

намеренно порвала его? Или нет: *должна ли она была его порвать?* Вот это и есть «загадка меню». И увидеть этот сюжет в его истинном свете мы сможем лишь в том случае, если дадим этой загадке логичное объяснение.

Если вдуматься, пожалуй, так и есть. Каэдэ видела хозяйку идзакаи всего несколько раз, но та не показалась ей человеком, способным в присутствии кого-либо порвать бумагу из-за описки в меню. Но что, если?..

Дед между тем принял позу идущих в строю младших школьников «потихоньку повторяй за идущим впереди», вытянул перед собой обе руки и отрицательно помахал ими, давая понять, что «загадку меню» предстоит на время отложить.

– В любом другом случае я попросил бы тебя изложить свой сюжет, но сейчас было бы лучше, если бы ты выслушала о моем опыте *бывшего* завсегдатая этой идзакаи, – на лице деда лежали тени сложного рисунка. – Ведь я как-никак имею некоторое представление об истинном характере татуированного мужчины.

– Что?..

– Этот человек еще со времен учебы хозяйки в старших классах проявлял жестокость по отношению к ней и продолжал оставаться мрачной тенью в ее жизни; довольно долго и часто я слышал от нее жалобы, самой мягкой из которых было «нехороший он человек, мой бывший парень», и действительно видел «татуированного мужчину» у входа в идзакаю.

– Так вот оно что.

– Было это около года назад. Вечер выдался холодный, свирепствовал ветер, нагоняя на всех тоску и уныние. Как обычно, я пришел заниматься с хозяйкой идзакаи, но в тот самый день она была пьяна. «Кончилась моя учеба, Химонья-сан. Выпьем, я угощаю... послушайте историю о человеке, которого вы видели на днях у входа сюда?» – спросила она и села у стойки, подперев голову рукой.

«Подперев голову...»

«А ведь и в тот момент, когда Сики вошел в кухню, хозяйка сидела, подперев голову рукой, и писала меню. Милая привычка, украшающая обаятельную женщину», – подумала Каэдэ.

– Я уже знал почти все, что было между ними, поэтому сказал: «Он... вышел, да?» Тогда хозяйка идзакаи съехала со стойки и

заплакала.

– Вышел откуда?

– Из тюрьмы, – невозмутимо ответил дед. – Лет двадцать назад случилось одно происшествие, которое наделало много шума. Татуированный мужчина и старшеклассница на пару совершили многочисленные кражи со взломом по всей Японии. Их преступления отягчало то, что один из ограбленных, попытавшийся дать отпор, был убит. Среди этих двоих зачинщиком был, конечно, мужчина примерно двенадцатью годами старше его спутницы, которая оставалась соучастницей, следовала за ним и подчинялась ему. Задачей этой миниатюрной и ловкой девушки было преимущественно влезать в высоко расположенные окна и обеспечивать охрану путей отступления, но люди не видели разницы между преступниками. Они приобрели крайне дурную славу как на редкость жестокая пара, «японские Бонни и Клайд».

«Бонни и Клайд...»

Каэдэ знала, о ком речь.

Эта пара, Бонни Паркер и Клайд Бэрроу, в тридцатых годах XX века неоднократно грабившая банки на Среднем Западе США, стала прообразом главных героев криминальной драмы «Бонни и Клайд»^[5] – важной вехи в истории «Нового Голливуда».

– Вот как. Значит, старшеклассница из этой пары теперь хозяйка идзакаи?

– Именно.

На лбу деда прорезалось несколько скорбных морщин.

– В конце концов где-то далеко на севере страны этих двоих схватили. Мужчину отправили в тюрьму, а старшеклассницу, в дальнейшем хозяйку идзакаи, – в исправительное учреждение для несовершеннолетних преступниц. История до этого момента мне известна из выпусков новостей.

– М-м...

– Спустя годы, увидев появившегося у входа в идзакаю татуированного мужчину, я сразу же узнал в нем «японского Клайда», которого когда-то объявили в розыск по всей стране. Значит, и в хозяйке идзакаи неизбежно должны были узнать «японскую Бонни». После длительного пребывания в тюрьме «Клайд» вновь вероломно явился к своей напарнице.

– О, нет...

– Видимо, она и так собиралась когда-нибудь рассказать мне всю правду, неважно, во хмелю или нет. Не дожидаясь расспросов, она принялась объяснять, что произошло после их ареста. Выросшая в бедной семье, лишь в исправительном учреждении она впервые узнала, что, оказывается, еда – это то, что полагается три раза в день. Не в силах забыть вкус никоми, которым кормили там, она твердо решила: в будущем у нее обязательно появится свое заведение.

У Каэдэ защемило сердце. Если ее «приключением» стала работа учителем начальной школы, то «приключением» хозяйки идзакаи, ради которого она рисковала жизнью, – открыть свое заведение, чтобы щедро кормить посетителей блюдами собственного приготовления.

– Можно сказать, для нее арест был вмешательством свыше, чтобы она порвала с сообщником и начала вторую жизнь. И тут вдруг у идзакаи появился неизвестно откуда узнавший ее адрес татуированный мужчина. Запугать хозяйку было несложно: «Слушай, а если о твоём прошлом узнают все? Разорится твоя идзакая или нет, мне решать». То есть хозяйке не осталось ничего другого, кроме как уступить его требованиям. Я предупредил ее, чтобы больше ни в коем случае не уступала, а если этот человек снова явится к ней, – сразу связалась со мной.

И дед бросил быстрый взгляд на трость, приставленную к столу у кровати. Но даже если бы хозяйка каким-то образом связалась с ним, в теперешнем состоянии он все равно не сумел бы дойти до идзакаи. Даже если бы взял трость... Делая вид, будто ничего не заметила, Каэдэ попробовала узнать что-нибудь еще.

– И *этот день* все-таки настал.

– Верно. Настырный «Клайд» снова явился с требованием денег. То, что дела идзакаи явно шли хорошо, наверняка было ему на руку. И он, должно быть, злорадствовал, рассчитывая вытянуть больше денег, чем обычно. Безусловно, ему и в голову не приходило, что это последний день его жизни. Ну, кто он такой, полиция скоро выяснит. Возможно, где-то тут кроется причина, по которой полиция запаздывает с заявлением об убийстве. Значит, заявление сделают после того, как будет получено подтверждение, что убитый – действительно вышеупомянутый, ранее осужденный за тяжкие преступления, – дед посмотрел прямо в глаза сцепившей руки Каэдэ. –

Итак, думаю, у нас имеются все материалы, относящиеся к этому делу. Так почему бы нам не поставить еще раз вопрос о том, что же все-таки произошло той ночью? Какие сюжеты складываются у тебя, Каэдэ?

Момент настал.

Судорожно сглотнув, Каэдэ принялась излагать.

– Сюжет первый. Преступник – «Н». Татуированного мужчину он убил в кабинке туалета после какой-то размолвки, которая и стала поводом. Поскольку кабинка осталась запертой изнутри, для того чтобы сбежать, он перелез через верх перегородки, пользуясь как опорой для ног держателем для бумаги и внутренним замком... как ни в чем не бывало, вернулся на свое место и закурил. Подтверждением этого сюжета можно назвать тот факт, что он отказался давать показания.

Поглаживая скульптурный подбородок, обросший щетиной, дед объявил:

– Тут неувязка. Если преступник – «Н», тогда почему на вопрос Сики-куна: «Туалет не занят?» – он ответил: «Да, прошу... не занят»? Разве у того, кто запер дверь изнутри, не должно возникнуть естественного желания отдалить обнаружение трупа, пусть даже ненадолго? Тем более что он, как последний побывавший в туалете, неизбежно попадал под подозрение. Для человеческой психологии такое абсолютно неприемлемо.

Действительно.

Если «Н» – преступник, тогда все его действия выглядят так, словно он кичится своим преступлением, выставляет его напоказ... К тому же теперь, когда Каэдэ узнала, как добр этот человек по натуре, относиться к нему как к преступнику было чуть ли не больно. Отчасти она испытывала облегчение, и в то же время совсем растерялась, переходя к следующему сюжету.

– Сюжет второй. Преступник – не «Н». Кто-то другой убил татуированного мужчину, запер дверь кабинки изнутри, перебрался через верх перегородки и сбежал.

Договорив, Каэдэ сама отвергла свой сюжет.

– Но этого же просто не могло быть. Здесь неувязка еще значительнее, чем в первом случае.

На лице деда всплыла улыбка, в которой угадывалось множество оттенков смысла. Интересно, о чем он думал.

– Ведь все было не так. С половины десятого туалетом никто не пользовался. И по словам вернувшегося оттуда в десять «Н», мужской туалет был «не занят», если он сказал правду. – Ей понадобилось лишь слегка собраться с духом, чтобы произнести следующие слова: – Получается, что за каких-нибудь несколько минут в туалете вдруг появился убитый и в то же время оттуда исчез убийца. Так сказать, произошло в широком смысле «убийство в закрытой комнате».

– Правильно, – дед устался в угол кабинета, куда отбрасывал тень книжный стеллаж. – Угу, «картина» видна. Преступница – хозяйка идзакаи. Сейчас у меня на глазах она занята сборами.

– Эм-м?..

«Занята сборами» – то есть, выходит, пытается сбежать?

– Что же касается твоих сюжетов, Каэдэ, верный из них второй. Если коротко, то в широком смысле это несомненное дело о «закрытой комнате», – твердо заявил дед. – Обратимся снова к подробностям случившегося той ночью.

Дед опять нахмурился.

– До половины десятого посетители несколько раз занимали туалет. Но после того, как в игре начался предельно напряженный период, им стало не до ходьбы по туалетам: глаза всех посетителей были прикованы к экрану телевизора, по которому транслировали матч. Затем, примерно без десяти десять, когда при виде атак японской сборной посетители вскочили все как один, и зал, само собой, наполнился шумом, неисправимый «Клайд» снова явился требовать денег. Единственным, кто заметил его появление у входа, стала хозяйка идзакаи, смотревшая из-за стойки. То ли он указал пальцем в сторону туалета, подавая ей сигнал идти туда, то ли она сама стрельнула туда же глазами, предлагая место встречи, в точности неизвестно. Но поскольку беспорядков в заведении больше боялась хозяйка, скорее всего, знак подала она. Вдобавок встречаться на кухне было чрезвычайно рискованно – из-за обилия таких опасных предметов, как разделочные ножи и ножи для сасими. Человек, с которым она имела дело, явно не чуждался бытового насилия, поэтому она, боясь за себя, естественно, выбрала местом встречи туалет. Пока посетители не отрывали глаз от продолжавшейся атаки национальной сборной на экране телевизора, хозяйка незаметно вышла из-за стойки и прошла к туалету. «Клайд» тихо проскользнул вдоль стены от входа и шмыгнул в

общую дверь туалета, открывающуюся слева. И поскольку все посетители вскочили, как один, взбудораженные матчем, никто из них не обратил внимания на перемещения двоих действующих лиц. В мужском туалете у хозяйки идзакаи состоялся разговор, который, как и следовало ожидать, перерос в ссору. Набравшись решимости, хозяйка наотрез отказала собеседнику. Это был первый недвусмысленный отказ с ее стороны. Но такое поведение настолько взбесило «Клайда», что он предпринял попытку насилия. Готов поручиться, что он стал душить ее.

– Душить? То есть это была необходимая самооборона?

– Угу-м. Мы явно имеем дело со случаем необходимой самообороны, и я позднее объясню, как смог определить это.

Недовольно морщась, словно только что лизнул неочищенной соли, дед продолжал излагать:

– Мало того, он попытался пырнуть хозяйку балисонгом, который носил на поясе. Но в пылу борьбы она нечаянно нанесла удар самому «Клайду».

Перед мысленным взглядом Каэдэ возникла зловещая, резко контрастная картина. Яркая-алая кровь. Красная, расплывающаяся по чистой белизне. Этот образ с новой силой напомнил ей «тот случай» из прошлого.

– «А что мне было делать? Я не собиралась убивать его». Вероятно, хозяйка в панике попыталась оказать «Клайду» первую помощь. Но он был уже мертв. И она, находясь в туалете, в отчаянии принялась ломать голову над тем, как быть дальше. Характер у нее серьезный и рассудительный. Естественно, первое, что пришло ей в голову, – явиться с повинной. Но тут ее пронзила мысль: что станет с идзакаей? Даже если ее действия признают необходимой самообороной, репутации заведения будет неизбежно нанесен ущерб. Несмотря на то, что она, женщина, влезла в долги, чтобы в одиночку открыть свое дело, если станет известно, что хозяйка – та самая «японская Бонни», идзакака мгновенно разорится. Да и кому вообще придет в голову зайти поесть туда, где убили человека? Она просто желала любой ценой избежать моментальной огласки. И ни в коем случае не хотела, чтобы труп «Клайда» обнаружили. Неудивительно, что в состоянии паники она первым делом подумала, что могла бы на одну ночь спрятать труп с глаз долой, хотя бы до тех пор, пока не

закончится трансляция матча и не разойдутся посетители. И как раз когда она приоткрыла дверь кабинки и выглянула, чтобы осмотреться, а было это в десять часов, по своим делам в туалет зашел постоянный посетитель «Н». Так что она сразу же снова заперлась в мужском туалете и обратилась к «Н» через дверь: «Извините, “Н”-сан, поскольку женский туалет был занят, я уж останусь в этом. Я ненадолго». Потом, когда по ее расчетам «Н» уже ушел, она переложила в карман своего передника бумажник и прочие личные вещи «Клайда» и выбралась из оставшегося запертым мужского туалета через верх перегородки, пользуясь держателем для туалетной бумаги и внутренним замком, как опорой для ног.

– М-м... – Каэдэ склонила голову набок. – Стало быть, она пролезла в щель между потолком и верхом перегородки? Э-э... а хозяйке под силу такой трюк?

Расслабив мышцы щек, дед приставил указательный палец к виску.

– Вот смотри: не будем забывать, что было ее коньком, когда ее втянули в преступления. Говорили, что благодаря своей миниатюрности и ловкости она легко проникала в высоко расположенные окна. Вдобавок в идзакае одевалась практично, часто в свободные джинсы, так что для нее выбраться из туалета не составляло труда. Слова «хозяйка идзакаи с японской кухней» у людей непроизвольно ассоциируются с такой одеждой, как рабочий халат-каппоги или кимоно. Но нет правила, предписывающего надевать японскую одежду, даже если речь идет об идзакае с японской кухней.

А ведь и правда.

В сущности, именно благодаря манере одеваться, свойственной хозяйке идзакаи, сама Каэдэ могла с легкостью не только бывать там, но и пригласить с собой Ивату. То же самое относилось к Сики и другим начинающим актерам театральной труппы. Непринужденная атмосфера в зале давала возможность свободно миновать занавески у входа...

– Итак, хозяйку, благополучно улизнувшую из туалета через верх перегородки, внезапно осенило. Если запретить пользоваться туалетом, по крайней мере, до закрытия идзакаи, труп не найдут.

– Действительно. В этом есть смысл.

– А между тем «Н» повернулся и ушел обратно на свое место. И даже не пробовал проверить, заперта ли закрытая в то время дверь женского туалета. Поскольку хозяйка сказала, что она в мужском туалете ненадолго, он и не собирался пользоваться женским.

– Но дедушка...

– Да, Каэдэ, я понимаю, о чем ты, – дед согласно кивал, на лице него было написано, что вопрос более чем уместен. – То, что хозяйка идзакаи воспользовалась мужским туалетом, может вызвать чувство неловкости. Но на самом деле в сфере обслуживания это обычное явление. Взрослому мужчине не пристало сетовать на независимые от воли женщины поступки. Особенно в идзакаях, где нередко можно увидеть объявления «Просим обратить внимание: туалетом может пользоваться персонал».

Безусловно, это следовало учесть. Более того, на кухне идзакаи туалет отсутствовал. Само собой, хозяйке приходилось пользоваться тем же туалетом, что и посетителям.

– Так вот, «Н» вернулся на место с мыслью: «Выкурю сигарету и схожу еще раз». Среди нас, курильщиков, такое распространено. Именно этот фактор стал решающим, породившим в итоге ситуацию явно невозможного преступления, – дед опять взгляделся в угол комнаты. – Если бы «Н» не был курильщиком, он открыл бы дверь, отделяющую туалет от примыкающего к нему коридора, и постоял бы возле нее, ожидая, когда хозяйка выйдет. И если бы «Н» какое-то время провел возле туалета, то несмотря на все волнение и шум в зале, как и следовало ожидать, привлек бы к себе взгляды компании за Столиком 1.

– Точно. И тогда, давая показания, на вопрос «заходил ли кто-нибудь в туалет?», они ответили бы: «Да, кто-то ждал у двери». Но «Н» *курит*, поэтому он сразу же вернулся на свое место. И в тот момент, когда услышал от посетителя «F», то есть от Сики-куна, вопрос: «Туалет не занят?» – дал необычный ответ, над которым хотелось бы задуматься лишний раз: «Да, прошу... не занят». Может, все дело в странной паузе. Разве не кажется какой-то излишней первая часть ответа? Не лучше ли было ограничиться только второй – «не занят»? Такие выражения, как «да, прошу...», обращенные к близкому знакомому, товарищу по театральной труппе... не выглядит ли такое поведение каким-то чересчур неуместно отчужденным?

Верно. И Сики-кун назвал его «ровесником», то есть возраст у них одинаковый...

– На самом же деле в тот момент «Н» бросил взгляд поверх плеча Сики-куна и заметил, как хозяйка вышла из туалета. Потому-то у него и вырвались странные слова «да, прошу», означающие «да, я сейчас только подумывал сходить еще раз, но поскольку закурил, а хозяйка уже вышла, прошу, иди первым».

Тогда Каэдэ задала еще один вопрос:

– Но почему все посетители, как один, в своих показаниях заявили, что «с половины десятого в туалет никто не ходил» и «не было ничего такого»?

Дед ответил коротко и ясно:

– Да потому что из туалета вышел не кто-нибудь из посетителей, а хозяйка. И потому, что она несла в руках какие-то туалетные принадлежности.

Каэдэ была ошеломлена.

Но тогда... тогда неужто речь о «невидимке»?

– К примеру, о чем ты подумашь, увидев, что хозяйка идзакаи несет, прижимая к груди, корзину, полную использованных бумажных полотенец? Непохоже, чтобы она ходила облегчиться. Разве не выглядит это так, будто она наводила порядок в туалетных принадлежностях или ходила поменять их?

Ну конечно!

– Именно так. В тот момент хозяйка идзакаи превратилась в персонажа, которого Честертон назвал «невидимкой». Да, и к тому же, что без лишних слов ясно, в этой корзине находились забрызганный кровью передник хозяйки и вещи «Клайда».

Из сада доносился стрекот сверчков.

Казалось, на этом прояснение обстоятельств, относящихся к делу, в целом закончено. Однако Каэдэ рискнула заметить:

– Но что-то мне кажется, это одни догадки, построенные на других. Разве не могли, к примеру, хозяйка и «Н» действовать в сговоре?

– Могли. Тогда почему «Н» допустил, чтобы Сики-кун направился в туалет? Будь они в сговоре, разве вдвоем они не закрыли бы идзакаю немедленно под каким угодно предлогом?

– Хозяйка могла в одиночку совершить заранее обдуманное преступление...

– Такое представить себе еще труднее. Не было никакой необходимости рисковать, доводя дело до убийства в переполненной идзакае.

– Да, так и есть. Конечно, дедушка, конечно, ты прав, но...

Но?..

Стоило ли вообще заводить разговор об этом?

– Как бы сказать? Все это звучит так, будто ты рассказываешь о том, что видел...

– Разумеется, – просто ответил дед, не сводя прищуренных глаз с угла комнаты. – Сейчас хозяйка ссорится вон там с «Клайдом». Или разговаривает с «Н» через дверь туалета. Мало того, она просто вынуждена заколоть «Клайда». Я вижу, как это происходит. Разве это недостаточно веское доказательство? Ну, строго говоря, это не «то, что как будто видел», а «то, что вижу».

В изумлении Каэдэ зажала рот ладонью. Это же... это же неслыханный дедуктивный метод!

Точно оценив душевный характер хозяйки идзакаи и подлую натуру ее бывшего парня, дед мгновенно и тщательно проанализировал полученную информацию. И выведенная им несомненная истина возникла перед глазами в виде отчетливой зрительной галлюцинации.

Снова застрекотали сверчки.

– Ну, а теперь давай наконец обдумаем «загадку меню».

– То есть решим? Загадку, почему хозяйка идзакаи разорвала лист бумаги, на котором составляла меню?

– Вот именно. Как было сказано в самом начале, как раз эта загадка – ключ к истине.

– А разве причине, по которой было разорвано меню, есть логичное объяснение?

– Как же не быть. И момент этого странного действия со всей определенностью наводит на мысль, что преступление совершила хозяйка и что с ее стороны это была необходимая самооборона. Но давай-ка спросим тебя, Каэдэ. Представь себя на месте хозяйки, в спешке вернувшейся на кухню. Желая запретить посетителям пользоваться мужским туалетом, что бы ты предприняла?

– Так... – немного подумав, Каэдэ ответила: – Пожалуй, поскорее написала бы объявление – что-то вроде «До вызова специалистов пользоваться туалетом запрещается».

Дед сложил пальцы пистолетом.

– В яблочко!

– Да?... А хозяйка на самом деле составляла меню блюд с острыми специями... – не договорив, Каэдэ снова зажала себе рот правой ладонью.

Специалисты.

Специи^[6].

Неужели?..

– По-видимому, ты заметила, – дед поднял перед собой длинный указательный палец. – Поскольку хозяйка сама заперла дверь мужского туалета, она никак не ожидала, что труп обнаружат так быстро. И она, как ты и сказала, принялась торопливо писать объявление с текстом вроде «До вызова специалистов пользоваться туалетом запрещается». Но поскольку ее недавно душили, из-за боли в шее, а также паники и спешки, кандзи в слове «специалисты» не получились как следует. Так что ей поневоле пришлось писать это слово хираганой. И вот еще важный момент: в то время она вовсе не подпирала голову рукой. Сама не сознавая, она потирала *разболевшиеся шею и затылок*. Как раз это машинальное действие и свидетельствует о том, что ее преступление было необходимой самообороной.

– Ясно... и тут вошел Сики-кун.

– Все так. Хозяйка явно допустила серьезный просчет. Увидев вытекающую из-под двери кабинки кровь, Сики-кун понял, что внутри труп, потому и бросился на кухню.

– И там увидел объявление со словом «специ...»

– Поскольку все происходило очень быстро, ошибки в выводах вполне объяснимы. Заметив недописанное слово, Сики-кун решил, что хозяйка составляет меню из блюд, приправленных специями, таких, как жареная курятина с юдзукосё – острым соусом из кожуры юдзу. Но хозяйка не могла допустить, чтобы объявление о неисправности туалета прочитали немедленно. Тогда ее причастность к случившемуся сразу открылась бы. Потому она рефлекторно разорвала объявление. Ну, если вдуматься, все это вполне понятно, ведь так? В самый разгар работы, когда в зале полно посетителей, заниматься такими делами,

как составление нового меню, попросту некогда. А тем более сидеть при этом в непринужденной позе, подпирая голову рукой.

«Специалисты», а не «специи»...

И правда, разве «специи» – не одно из тех типичных слов, какие часто можно увидеть в идзакаях?

– Когда Сики-кун обнаружил труп и сообщил об этом хозяйке, она пришла в состояние «полной растерянности», и неудивительно, что ее «голос дрожал», пока она вызывала полицию. Ведь труп все-таки нашли до того, как было вывешено объявление.

– Дедушка, но есть еще кое-что, чего я до сих пор не понимаю.

– Что же?

– Куда девались передник и вещи того мужчины? Идзакаю же наверняка обыскали.

На лице деда возникла улыбка, которую можно было бы счесть ехидной.

– Каэдэ, хочу обратить твое внимание вот на что: есть лишь одно место, не пропустить которое при обыске трудно даже полиции. И это, как правило, не что иное, как замаринованный в знаменитом соусе тарэ специально для никоми из потрохов тофу «дзундобу».

– Что?!

– Представляю себе, как терзалась хозяйка. Чтобы защитить идзакаю и сделать вид, будто ничего и не было, пришлось спрятать передник и бумажник в никоми из потрохов, и тем самым угробить его знаменитый вкус. И этот поступок мог в итоге опять-таки повлечь за собой закрытие идзакаи.

Каэдэ попыталась призвать на помощь воображение. Как в таком случае поступила бы она сама? Но прийти к какому-либо выводу она не рассчитывала.

– Позволь добавить еще одно. Речь вот о каком моменте: почему «Н», которого увезли в полицию, решил хранить молчание? – дед слегка прищурился, словно отыскивая фрагмент галлюцинации. – Самая убедительная причина – что он выгораживает хозяйку. Иначе говоря, к моменту приезда полиции он сообразил, что совершить преступление кроме нее было некому. «Н» добрый человек с обостренным чувством справедливости. Или же он мог знать подробности злодеяний «Клайда» от самой хозяйки.

– Но тогда их обоих ждет довольно печальный финал, дедушка.

– Почему же?

– Ты ведь говорил недавно, что хозяйка занята сборами. Разве не для того, чтобы сбежать одной, пока «Н» продолжает запираяться?

– Вовсе нет.

Дед вдруг прищурился еще сильнее.

– Она готовится не к побегу. Ну вот... прямо у меня на глазах она звонит в полицию. Ради «Н», который выгораживает ее, она решила сама явиться с повинной.

«А может, на самом деле эта “картина” – не более чем желаемое, выданное за действительное?»

Несмотря на эти мысли, в заявлениях деда звучала такая определенность, что они воспринимались как несомненная истина.

В тот момент опять запели сверчки, на этот раз целой стаей. И одновременно глаза деда, только что прикрытые, будто в дремоте, вдруг широко распахнулись.

– Вот как. Причем не кто-нибудь, а я, – дед с грустной улыбкой засмотрелся в окно. – Я чуть было не пренебрег одним важным фактом. У сверчков-судзумуси поют только самцы. Нет, приписать эту заслугу следует Глупапаше, который обратил внимание на сверчков. Похоже, я допустил ужасную ошибку.

М-м?..

Сверчки?

Ошибку?

Чуть свысока глядя на оторопевшую Каэдэ, дед с таинственной улыбкой поглаживал щетину на подбородке.

– Но когда известно, что щетина есть, она продолжает упорно беспокоить.

Все это казалось Каэдэ не более чем бредом.

– Неплохо было бы попросить помощницу или Канаэ побрить меня. Если поручить это дело тебе, Каэдэ, щетина будет колоться невыносимо. Так что вместо бритья я хотел бы попросить тебя об одном одолжении.

Только не это.

Но было уже ясно, что она услышит дальше. Как и предсказывала ее интуиция, дед произнес:

– Каэдэ, можно мне сигарету?

С протяжным «ф-фу-у...» дед выпустил в воздух сиреневый дымок «голуаз». Потом еще раз уместился в кресле поглубже.

Медитировал?

Или просто щурился?

Немного погодя дед взгляделся в сиреневое облачко дыма и заговорил.

– Извини, Каэдэ. Только что изложенный сюжет – отнюдь не лучшее из возможных объяснений. Потому что в нем на самом деле имеются существенные неувязки.

– М-м?..

– Я вовсе над тобой не подшучивал. Пока исследуешь возможности, «картина» постоянно меняется. Как ни досадно, нет искажений только на тех «картинах», которые всплывают в табачном дыму. – Вглядываясь в этот сиреневый дымок, дед с расстановкой продолжил: – Убийца – не хозяйка идзакаи, а все-таки «Н».

Ледяная тишина.

За разговором никто и не заметил, как полностью смолкло пение сверчков в саду.

– Сколько бы ни собралось вместе сверчков, звуки издают только самцы. Иначе говоря, сколько бы сверчков ни пело в саду, единственный способ точно определить соотношение среди них самцов и самок – визуальный подсчет особей. А вот соотношение мужчин и женщин в идзакае в тот день достоверно известно.

«Соотношение мужчин и женщин?»

– Оно как-то связано со случившимся?

– Вот смотри. Я хочу, чтобы ты еще раз мысленно вернулась к посетителям идзакаи в тот день. Всего на местах за столиками и у стойки находилось тринадцать человек, обозначенных буквами от «А» до «М». Среди них всего две женщины – за Столиком 1. А мужчин, с другой стороны, – одиннадцать, так что есть вероятность, что после окончания матча они ринулись бы в мужской туалет все одновременно.

– Угу.

– В таком случае в только что изложенном сюжете появляется значительная неувязка. А именно... – глаза деда блеснули из-под свисающей челки. – Почему хозяйка, несмотря на риск, связанный с наплывом посетителей-мужчин, выбрала местом разговора с «Клайдом» именно мужской туалет? Вот в этом и неувязка.

– И правда!

Каэдэ наконец сообразила, к чему клонит дед.

– Пожалуй, я могу понять хозяйку, если поставлю себя на ее место. Кухня с обилием холодного оружия исключена, и если хозяйка намеревалась поскорее закончить разговор и выпроводить «Клайда», местом для этого разговора должно было стать помещение перед туалетными кабинками или, на худой конец, женский туалет. Помоему, мужской туалет – наименее вероятный выбор.

– О том и речь. Так что посмотрим еще раз, что произошло в течение свободных трех минут. Сначала примерно без десяти десять на входе в идзакаю появился «Клайд». Хозяйка подала ему знак глазами, призывая следовать в туалет, – до сих пор все идет так, как уже говорилось. Но их разговор состоялся не в одной из кабинок, а в помещении перед ними. Очень скоро он перерос в бурную ссору, «Клайд» сначала душил хозяйку, потом выхватил нож и, видимо, попытался нанести им удар. Как раз в этот момент вошел «Н». Спасая хозяйку, он выхватил у «Клайда» нож, но, не сумев вовремя остановиться, ударил его этим ножом в спину.

– Да, соглашусь. Мне кажется, разъяренному «Клайду» хозяйка была не соперницей.

Дед добавил, подняв указательный палец:

– Если бы убийцей была хозяйка, удар ножом, когда они сцепились, пришелся бы ее противнику в живот. Сам факт удара в спину недвусмысленно указывает, что преступление совершил не кто-нибудь, а третий, то есть «Н».

Вот то-то же!

– В то время «Клайд» был еще жив. Но, видимо, рана оказалась смертельной. Если нож останется торчать глубоко в животе или в спине, раненый вряд ли выживет. Однако в тот момент ни хозяйке, ни «Н» в голову не приходило, что «Клайд» умрет. Схватив за руку «Клайда», который стонал и бранился, хозяйка сразу потащила его в женский туалет. В этом случае риск, что их застанут и поднимут шум, был гораздо ниже, чем если бы она привела раненого в мужской. «“Н”-сан, вы уж извините. Поверьте, я сама окажу ему помощь! В крайнем случае вызову скорую!» – сказала она ему через плечо, и он вернулся на свое место. А хозяйка тем временем принялась спрашивать «Клайда»: «Ты как? Скорую вызвать?» – но он вновь впал в ярость и

попытался прикончить ее. Нож, по-прежнему торчащий в теле, закупоривал рану, поэтому внешние признаки кровотечения пока отсутствовали. В панике хозяйка отскочила из кабинки в помещение перед ней. Увернувшись от «Клайда», который набросился на нее, как бешеный, она случайно втолкнула его в мужской туалет, дверь которого оставалась открытой. Торчащим из спины ножом он с такой силой ударился о бачок унитаза, что артерия была полностью рассечена.

– Вот как... Тогда-то хозяйка и заперла кабинку изнутри и сбежала, перебравшись через перегородку. Затем она спрятала вещи «Клайда» и свой передник в корзину для мусора и попыталась выйти в коридор...

– Вероятно, эти спонтанные действия были направлены не столько на спасение идзакаи, сколько на то, чтобы не доставить неприятностей «Н».

Тем временем «Н» в растрепанных чувствах вернулся за свой столик, забыв, зачем отходил, и закурил, чтобы хоть немного успокоиться. А когда Сики-кун спросил у него: «Туалет не занят?», «Н», бросив взгляд поверх его плеча, заметил вышедшую хозяйку. По мнению «Н», мужской туалет был определенно свободен, так что ему пришлось ответить: «Да, прошу... не занят». Но на самом же деле вследствие непредвиденных проблем в мужском туалете внезапно появился окровавленный труп. Естественно, «Н» неверно истолковал случившееся: *«Хозяйка все-таки убила того человека»*. Потому-то он и выгораживает ее, продолжая хранить молчание. *И до сих пор не знает, что преступник – он сам.*

На лице деда возникло сложное выражение, не поддающееся описанию. Может, он высматривал в сиреневатом дыму сигареты добродушное лицо «Н», своего давнего знакомого по идзакае?

– Вижу, как «Н» по-прежнему молчит, сжимая кулаки под столом в комнате для допросов. Он дал себе слово постараться ничего не говорить, пока не приедет хозяйка идзакаи. И что бы она ни сказала, он готов подтвердить все ее показания. Но если хозяйка честно расскажет, как все произошло, ее признание не будет чистосердечным без упоминания о том, что удар ножом нанес «Н», не справившись с собой. В этом случае... угу-м, теперь вижу.

Дед нахмурил брови и снова начал вглядываться в сигаретный дым – с каждым мгновением все пристальнее.

Неужели...

Нет, это определенно было видение ближайшего будущего. Значит, порой на дымный экран проецируются даже картины того, что еще только предстоит.

– Хозяйка идзакаи вся в слезах... нет никаких сомнений в том, что именно она говорит: «Да, удар ножом нанес точно он, но ни в коем случае не умышленно. Он спасал меня!» Услышав это, «Н» произнесет свои привычные слова: «Обо мне не беспокойтесь». И тогда он впервые с уверенностью поймет свои истинные чувства к хозяйке. Он думал, что относится к ней, как к матери, а на самом деле она нравится ему как женщина. И он ее любит.

Это казалось понятным даже Каэдэ, неискушенной в любви. Видимо, период молчания стал для «Н» драгоценной возможностью осмыслить свое отношение к хозяйке идзакаи.

Каэдэ вновь задумалась.

Как расценит преступные действия «Н» полиция? Могут ли они считаться предпринятыми в целях самозащиты? Как будет истолковано поведение хозяйки идзакаи? Так или иначе, Каэдэ хотелось верить, что новый путь обоих будет озарен светом их доброты.

Немного погодя огонек «голуаз», тлеющего в пепельнице, погас.

Дед уставился в чашку с кофе и на этот раз пробормотал совсем другим, сонным голосом:

– Каэдэ, ты не передашь мне палочки? Здешнему никоми из потрохов в самом деле нет равных.

Каэдэ вновь отозвалась мысленно: «Дедушка, извини, что я никуда тебя не вожу».

И она решила: если та идзакая снова откроется, при случае она обязательно сходит туда вместе с дедом.

Глава 3. Исчезновение в бассейне

1

Наверное, все дело было в продолжающейся реновации.

Теперь, когда перед станцией Симо-Китадзава не осталось никакой захламленности, характерную прелесть района, про которую дед говорил, что «именно неупорядоченностью он и хорош», сразу уловить не удалось. Но при виде толпы молодежи с совершенно серьезными, без тени насмешки лицами внимательно наблюдающей за двумя уличными артистами в специфических позах «конго рикиси» – божеств-хранителей Будды, застывших в полной неподвижности, Каэдэ наконец поняла, что она в «Симокита».

Маленький театр находился рядом с бывшим давнишним кинотеатром, ныне фитнес-клубом. На уличном стенде толстенным маркером было написано нечто странное: «Театральная труппа “Аокона”^[7] каждые три месяца дает веселое представление “Автор – это вы, том 3”».

Хм.

«Автор – это вы» – что бы это значило? Но поскольку том указан уже третий, по крайней мере это представление постоянного репертуара хотя бы отчасти вызывает интерес у публики.

Каэдэ спустилась по лестнице, принюхиваясь к запаху масла из соседней закуской, где подавали карагэ, и ей навстречу вышла красноволосая администратор с улыбкой, от которой на щеках появлялись ямочки, и возгласом: «Добро пожаловать!» Ее ярко-алая помада, гармонирующая с оттенком волос, выглядела впечатляюще.

«Может, она и не из числа актеров, но то, что принадлежит к миру театра, сразу видно», – подумала Каэдэ.

– Вот, пожалуйста, – администратор вручила Каэдэ лист бумаги и карандаш.

«Бланк анкеты? Ладно... испишу весь лист сплошь».

Ответом на ее воодушевленную мысль стали неожиданные слова:

– Это бланк сценария. Их соберут за пятнадцать минут до начала спектакля, так что будьте добры, заполните свой к тому времени.

На бланке значилось: «Пожалуйста, по своему желанию опишите человека, которого предлагаете сыграть», а в самом низу листа – «вот сцены из жизни... (такого-то)».

Ясно. Значит, это театр импровизации.

Когда дверь открылась, стало видно, что небольшой театр человек на тридцать почти уже полон. В поисках свободного места Каэдэ взгляделась в полутемный зал. Тут ее окликнул пришедший раньше Ивата: «Сюда! Я вам место занял».

Пока она, поблагодарив его, усаживалась, Ивата уже продолжил быстро строчить на своем листе. Потом заявил:

– А ведь для меня это тоже первый опыт, – и с самодовольным видом завертел в пальцах карандаш. – Не ожидал, что такие вещи вам, похоже, не даются, Каэдэ-сэнсэй.

– Вы про бланк сценария?

– Он самый. Если так посмотреть, это как задать тему на выступлениях рассказчиков «огири». А я, знаете ли, обожаю комические представления!

– Впервые слышу.

– Говорил вроде бы... Но для серьезного человека вроде вас, Каэдэ-сэнсэй, задача довольно каверзная.

«Может, и так».

С карандашом в руке Каэдэ всецело погрузилась в мысли.

Наконец «бланки сценария» собрали у всех зрителей, в том числе и у Каэдэ, и спустя минут пять раздался голос, интонациями напоминающий ведущего на ринге:

– Простите, что заставили вас ждать. А теперь встречайте одного из руководителей труппы «Аокона».

Под танцевальную мелодию на сцене появился Сики в облегающем стройную фигуру костюме.

– Ого... так его в должности повысили, – пробормотал Ивата.

Зрители, особенно молодые женщины, встретили Сики бурными аплодисментами. Понимает он или нет, каким пользуется успехом?

Сики дождался, когда утихнут рукоплескания, и после стандартных объявлений слегка повысил голос:

– Спасибо всем за то, что и на этот раз сценарии получились превосходными, – он поклонился.

Каэдэ была поражена: этот голос, вроде бы негромкий, но разносящийся по всему залу... она как будто уже слышала его где-то в давнем прошлом.

– Так... как обычно, я выберу из всех сценариев пять на свое усмотрение. С этого момента мы, актеры труппы, будем прилагать все старания, разыгрывая этюды. Без репетиций, совершенно без подготовки! Представление «Автор – это вы, том третий» скоро начнется.

И как только Сики скомандовал: «А теперь – все вместе!» – все зрители, за исключением Каэдэ, хором проскандировали: «Шоу маст гоу он!» Видимо, таков был девиз театральной труппы «Аокона».

Пока сцена оставалась затемненной, Каэдэ ощущала пусть и легкую, но отчужденность. В маленьком, погруженном в кромешную темноту зале зрителей, превратившихся и в авторов, и в участников постановки, охватили странная напряженность и предвкушение.

Сцену осветили одновременно со звонком к началу. Следующие девяносто минут оказались упоительными, исполненными ощущения игры вживую в сценах, созданных совместно актерами и зрителями.

В сценах из жизни «арбитра-ветерана, бросающего питчеру новый мяч со скоростью сто пятьдесят километров в час».

Или из жизни «служащих сил самообороны, конечной точкой путешествия во времени которых стала не Сэнгоку, эпоха воюющих провинций, а эпоха Хэйан, когда знать развлекалась сочинением и чтением стихов вака и игрой кэмари, японской разновидностью футбола».

Или в сцене, которая началась с того, что «в комнате ожидания на турнире за звание чемпиона игрок в сёги, стиснув кулаки, клянется: “Я выиграю ради тебя!”» – а завершилась невиданной историей любви, от которой перехватывало дыхание.

И вдобавок в сцене, где «двадцатилетняя девушка, проигравшись подчистую на скачках, устраивается на судно, занятое выловом тунца». В тот момент Каэдэ мысленно воскликнула с восторгом: «Ура, приняли!»

Всякий раз оглашение текста сценария вызывало в зале понятный смех. Но постановку на основе этого сценария зрители смотрели со

всей серьезностью. «Вот в чем новизна», – думала Каэдэ, наблюдая за остальными.

Самой последней все актеры труппы более получаса разыгрывали настоящую эпическую поэму с пожилой парой цирковых артистов в главных ролях...

Это была сцена из жизни «пары воздушных акробатов на трапеции, которые ночью накануне выступления, затеяв грандиозную ссору, лишь чудом не убивают друг друга».

2

Запуск постановки предстояло отметить в расположенном в семи минутах ходьбы от маленького театра ресторанчике-мидзутаки, где подавали вареную курятину с соусами. По пути вдоль заведений с устрицами, поношенной одеждой, дартсом, ни в коей мере не создающих цельного впечатления, Ивата досадливо пожаловался:

– А мой сценарий он забраковал.

– О, вот оно как... Ну, а что вы написали?

– Про учителя начальной школы – бывшего бейсболиста.

«Да что вы говорите».

«А вы что, думали, что это примут?»

«Напротив, вас украшает то, что вы сейчас смогли сказать об этом».

Несколько возможных ответов разом промелькнули в голове Каэдэ, но она ограничилась единственным словом «жаль».

В мидзутаки они устроились в общей комнате на татами и выпили, ковыряя курятину. Заведение, похоже, отличалось на удивление удачным соотношением затрат на еду и системы «выпьешь, сколько сможешь».

Однажды от деда Каэдэ услышала, что «театральные актеры работают над постановками не только ради самих постановок, но и чтобы отметить их запуск». Слушая непривычный шум возбуждения, царящего вокруг, она вновь подумала: «И в самом деле».

Труппа «Аокона» вместе с рабочими сцены насчитывала всего с десяток человек, но их так распирало от избытка энергии, что в

подметки им не годились даже тридцать два ученика в классе Каэдэ, вместе взятые.

После недавнего инцидента в идзакае «Харуно» ее хозяйка все же явилась в полицию, и хотя не вызывало сомнений, что преступные действия совершил «Н», в них не усматривали злого умысла, насколько Каэдэ была в курсе развития событий. Может, именно поэтому товарищи «Н» вели себя так беззаботно и шумно.

В итоге, как оказалось, дедова дедукция с оттенком желаемого попала точно в цель. Но заводить разговор об этом под выпивку было бы неделикатно. За большим прямоугольным столом то и дело провозглашали тосты под многократно повторяющийся возглас «Шоу маст гоу он!»

Каэдэ пришла на вечеринку по приглашению Сики, но все равно чувствовала себя неуютно в качестве гостыи, не сумев соответствовать общему воодушевлению.

А вот Ивата, который побывал на спектаклях театра всего несколько раз, несмотря на это, обсуждал их, держался как старший товарищ по труппе и легко вливался в бурление разговоров. Видимо, за эту общительность его так любили дети.

Прошел, наверное, почти час.

Сики в футболке, со связанными сзади длинными волосами, подошел с тремя кружками бочкового пива, извинился, что не смог составить им компанию пораньше, и втиснулся между Каэдэ и Иватой.

– Чем хороша здешняя система «выпьешь, сколько сможешь», так это тем, что нет правила обмена стаканов. Так что прошу, пейте, сколько пожелаете.

– Не, пива мне уже хорош, – Ивата скривился. – Если еще выпить, живот надуется. Но как же я тебе завидую! И как только форму поддерживать умудряешься, хотя спорт терпеть не можешь.

«Вот-вот», – мысленно согласилась с ним Каэдэ.

При первой встрече Сики показался ей изящным, как девушка, но если приглядеться, становилось ясно, какой он мускулистый. Рельефные кубики пресса просматривались даже сквозь футболку.

– Тренировать тело и заниматься спортом – не одно и то же, – с этими словами Сики чокнулся кружками с Каэдэ и продолжил: – Как бы это объяснить... моя неприязнь к спорту, возможно, имеет

отношение к причине, по которой классические переводные детективы мне не по нутру.

Хм.

Снова собирается на чем-то ее поймать?

– И что это значит?

– Есть известный шуточный стих-сэню: «Всех к себе созвал / знаменитый детектив / и сказал: «Итак...» Как я уже недавно говорил, старые иностранные детективные романы злоупотребляют соответствием шаблонам. К примеру, указав истинного преступника, знаменитый детектив с торжествующим видом обязательно «подкручивает рукой усы». Зачем их подкручивать, причем не глядя в зеркало? Разве настроение не испортит нарушенная симметрия левого и правого уса? Как таковое придание изгиба одному из усов еще не означает демонстрацию выдающихся дедуктивных способностей. Будь я действительно преступником, я бы только посмеялся.

Следовало бы уступить ему, и не на шаг, а на все сто – нет, в данном случае на целую тысячу шагов. Да еще после только что отыгранного в полную силу спектакля.

– В том, что вы говорите, нет ничего непонятного. Но при чем тут ваша неприязнь к спорту?

– И прямые трансляции, и торжества после матча тоже слишком шаблонны, и мне это не нравится. Не говоря уже о множестве надоевших острот-цукками.

Ивата сам не заметил, как вновь повалился лицом в стол. Система «выпьешь, сколько сможешь», ему явно не подходила.

– Возьмем ситуацию с интервью в профессиональном бейсболе, – не обращая внимания на Ивату, продолжал Сики. – «Комментаторская, комментаторская. В эфире интервью с героем матча» – так, стоп. Неизвестно, в каком состоянии были каналы связи в давние времена, но сейчас-то зачем обязательно повторять «комментаторская»? Достаточно и одного раза, и вообще, разве слово «комментаторская» еще не вышло из употребления? Тем не менее репортеры продолжают пользоваться им, не задумываясь. «Герой у нас сегодня – конечно же, игрок Как-там-его и его прощально-победный хоумран. В тот же момент, как был сделан удар, сразу стало ясно, что это победа!» – так, стоп. В «момент» удара определить, что это будет хоумран, никак нельзя. Лишь по прошествии доли секунды по звуку удара и углу

полета мяча начинаешь понимать: по-видимому, это хоумран. Но из-за стремления следовать шаблонам произносится в итоге позорная ложь. После такого добавить больше нечего, – и Сики глотнул пива, чтобы промочить горло.

«Э-эй, Ивата-сэнсэй!»

– А от каких шаблонных фраз бейсбольные комментаторы, по-вашему, должны отказаться в первую очередь?

«Ивата, проснитесь! Спасите меня!»

– «Так, два аута, базы заняты, счет – три бола, два страйка. Положение отчаянное, до победы противника один удар».

«О, нет... Теперь его не уймешь».

– «Следующий бросок, и раннеры стартуют разом! Питчер делает шестой бросок... удар! И отбитый мяч вылетает за шорт-стоп... А вот это уже интересно!» – так, стоп, стоп и еще раз стоп. «А вот это уже интересно!»? Нет-нет, это ни в коем случае не «интересно». Это вызывающая оцепенение ситуация, с которой болельщики обеих сторон не сводят глаз, затаив дыхание. И это «интересно» – с каких высот его обронили? Такие реплики, по-моему, позволительны разве что божествам-покровителям бейсбола или какому-нибудь Мистеру Бейсбол Профи. Словом, в заключение... что я хочу сказать, так это... не поймите превратно точку зрения, основанную на собственной предвзятости, в общем...

М-да?

Что это за странное состояние? Немного не похоже на болтливость. Этот парень, случаем, не пьян?

«Попробуем сменить тему. В смысле, заведем разговор, пока он еще вменяем».

– Знаете, Сики-кун, а я ведь так и не рассказала вам о сегодняшних впечатлениях, – и Каэдэ мягким жестом отодвинула кружку от Сики.

– А-а... будьте добры, говорите, как есть.

Усевшись чуть прямее, Каэдэ сообщила:

– Было замечательно.

Честно.

От деда она слышала: «Когда после спектакля актер спрашивает тебя о впечатлениях, ответ может быть лишь один – “было замечательно”. Актеры находятся в состоянии транса. Они хотят

только, чтобы их хвалили». Это было сказано искренне, слова исходили из самой глубины души.

Улыбнувшись открыто, как никогда прежде, Сики радостно отозвался:

– Большое вам спасибо.

– Разумеется, этюды были хороши и сами по себе, но поражало еще и то, как все актеры исполняли самые разные роли одну за другой. Вот женских ролей, например, было довольно много.

– Верно.

– Вы ведь тоже сыграли две женские роли, Сики-кун? Смотрелись совершенно органично. Так я и думала: волосы вы отращиваете потому, что вам случается играть женские роли.

– Нет, не поэтому. Просто хлопотно стричься, – Сики безуспешно попытался откинуть волосы со лба.

Видимо, выпив, он совсем забыл, что волосы собраны в хвостик сзади.

– Разве обычно в театральных труппах не бывает только одна женщина? – Каэдэ взглянула в сторону красноволосой женщины-администратора, сидящей напротив. – И все же это поразительно – как столько актеров, и мужчин, и женщин, создают повествование со множеством действующих лиц и переплетающихся сюжетных линий.

В этот момент несколько сидящих за столом громко расхохотались.

– Сожалею, Каэдэ-сэнсэй, но... – отозвался Сики слегка заплетающимся языком.

– Начнем с того, что женщин в труппе нет вообще... опа! – тут администратор положил руку на собственную макушку и внезапно сдернул с себя ярко-красный парик. – И как раз сейчас вышеупомянутая труппа проводит большой набор женщин. Не желаете, Каэдэ-сан?

Видимо, сказала не только физическая усталость после исполнения в одиночку нескольких ролей, но и груз административных обязанностей.

Обмякнув на дзайсу, стуле со спинкой, но без ножек, Сики запрокинул голову и уснул. И тут Ивата, до тех пор лежавший лицом в стол, разом вскинулся со словами: «Похоже, у малого сели-таки батарейки».

– Глядите-ка! – воскликнула Каэдэ. – Ивата-сэнсэй, так вы, значит, не заснули спьяну?

– И не думал, а вы разве не заметили? Я ведь уже довольно давно не пью ничего, кроме улуна. Как чувствовал, что вечером этот малый наверняка отрубится. – Ивата заботливо укрыл Сики своим пальто.

– И потом, он, как всегда, прицепился к спорту, вот я и решил: это без меня. Но сегодня его надолго не хватило. Обычно бейсболом он не ограничивается, а принимается предъявлять претензии другим комментаторам – от футбольных до марафонских.

Ясно.

То есть она только что увидела уже не этюды, а привычный репертуарный спектакль.

– Если уж начистоту, – продолжал Ивата, добрыми глазами глядя сверху вниз на Сики, спящего с неряшливо разинутым ртом, – спорт он недолюбливает не просто так.

– Да?..

– Речь о временах бейсбольного клуба наших старших классов. Я был капитаном и кэтчером. А Сики, хоть и первогодке, за скорость бросков доверили роль стартового питчера. Ну, как доверили: поскольку менеджер команды в бейсболе ничего не смыслил, быть стартовым питчером Сики поручил я.

– А-а, вот оно что.

Значит, бэттери: дуэт питчера и кэтчера.

Между этими двоими по не вполне понятной причине чувствовались узы более прочные, чем те, которые обычно связывают сэмпая и кохая, старшего и младшего.

– Для нас, третьегодок, то лето было последним в школе. К девятому иннингу все еще ничья, противник атакует, два аута, базы заняты, счет – три бола, два страйка, – вот такое положение.

«То есть точно такое же, как описал недавно Сики-кун в своих претензиях», – подумала Каэдэ.

– Видимо, Сики собирался по моему знаку провести подачу точно по центру. Но мокрый от пота мяч соскользнул, подача получилась неточная – уайлд-питч. И мяч попал бэттеру, ну, который отбивал, прямо в лицо. Естественно, из-за удаления матч был проигран. Но не в этом дело. В ушах у меня до сих пор воеет сирена, но не означающая

конец матча, а сирена «скорой помощи». Мало того, что из-за неудачного броска в бэттера попали, так он еще и ослеп на левый глаз.

Каэдэ не нашлась с ответом.

– С того дня Сики и бросил бейсбол навсегда. И возненавидел любой вид спорта, в котором можно тем или иным образом нанести вред противнику.

Понятно. Но...

«А может, это у него притворная ненависть...»

И на самом деле, он по-прежнему любит их – и бейсбол, и спорт вообще.

Такое создавалось впечатление.

– Каэдэ-сэнсэй, объяснить, почему я предчувствовал, что сегодня вечером он отрубится?

– М-м.

– Перед сегодняшним представлением, пока мы с Сики болтали в примерке, туда же зашел поздороваться человек, который показался мне знакомым. Первым его узнал Сики.

– Неужели?..

– Он самый. И как только найти сумел... Парень, который в тот день был бэттером, сегодня впервые пришел на представление. Сики плакал, – при этих словах у Иваты дрогнул голос. – Конечно, такое захочется утопить в спиртном. Захочется отрубиться. Каэдэ-сэнсэй, язык у этого малого злой, а сам он добрый. И слабый, вызывающий желание позаботиться о нем... как-то так.

Судя по виду, улыбку на лице Ивата вымучил.

– Как я уже сказал вначале, странностей у него и правда хватает. Влюбляться в таких, как он, ни в коем случае нельзя.

«Я все-таки пришла, хоть и с похмелья».

Каэдэ удивлялась самой себе.

За последние три года на обеде и встрече товарищей по университету она появилась впервые. Казалось, в ней как-то внезапно пробудилось активное желание общаться. Может быть, дело было в

соприкосновении с Сики, таким непохожим на нее, с его страстной демонстративностью.

Неподалеку от станции Синдзюку-Сантёмэ она вошла в ёсёку-я, ресторан с блюдами, когда-то заимствованными из европейской кухни, снискавший популярность бургерами ручной работы. Обеды здесь предлагали сравнительно недорогие, и хотя заведение трудно было назвать первоклассным даже из вежливости, Каэдэ радовалась тому, что и расходы будут невелики. Когда она бывала на встречах раньше, собирались в бистро у Омотэсандо, но поскольку все больше бывших сокурсниц приходили с маленькими детьми, выбор такого места, как ёсёку-я, выглядел очевидным.

Впрочем, заведение содержалось в безупречном порядке, интерьерные украшения были подобраны со вкусом. До Хэллоуина оставалось еще полмесяца, а на каждый столик уже водрузили маленькие зловещие фонарики-тыквы.

Среди карнавальных костюмов и аксессуаров, заранее развешанных там и сям на решетчатых стендах вдоль стен, взгляд привлекала серебряная, аристократического вида маска, отделанная алыми перьями. Она напомнила Каэдэ красный парик, увиденный вчера на одном из актеров труппы.

После обеда Каэдэ направилась проводить до двери однокурсницу, уходящую пораньше, потому что ее ребенок раскапризничался, успела поныничаться с малышом, а когда вернулась, обнаружила, что за столом напротив нее сидит ее хорошая знакомая.

– Давно не виделись, Каэдэ. А кожа у тебя все такая же белая и чистая.

– Да ладно! Просто вчера перебрала, потому и бледная.

Каэдэ порадовалась своему мгновенному приступу откровенности, несмотря на то, что с Мисаки они не виделись три года. Во времена учебы она в числе немногих неизменно составляла Каэдэ компанию за обедом. «Но в конце концов, наши отношения, пожалуй, так и не вышли за рамки приятельских».

И кстати, с каких пор она стала опасаться заводить новых друзей? Видимо, когда узнала о том, что случилось с ее матерью, – когда же еще.

Она по-прежнему боялась не только любви, но и просто встреч, и по-настоящему близких дружеских отношений.

Незаживающая рана на всю жизнь...

– А мне как раз надо кое-что сообщить тебе, – сказала Мисаки. – Я сейчас работаю в той начальной школе, где твой дедушка был директором.

– Правда?

– Таких дедушек, как он, нечасто встретишь. Как у него дела?

Каэдэ отделалась невнятным ответом.

Деменции деда она ничуть не стыдилась, просто считала ее предметом, неподходящим для подробного обсуждения на обеде с бывшими товарищами по учебе, с которыми она давно не виделась.

Однако известие о том, что Мисаки преподает в той же школе, где работал дед, застало ее врасплох. Поскольку она училась на педагогическом факультете, большинство ее однокашников работали в школах, и учителя начальной школы среди них встречались нередко. И все-таки такое совпадение удивляло.

– Ну так вот. Твоего дедушку ведь прозвали Мадофуки-сэнсэй? Представь, даже теперь, через пятнадцать лет после того, как он ушел на пенсию, для родителей и учителей он остается легендой, о которой не устают говорить.

«Ого!»

По любимым меркам есть чем гордиться.

– А вот теперь – самое важное, – продолжала Мисаки, бросив беглый взгляд на окно.

Окно было украшено привидениями, ведьмами и кошками из плотной черной бумаги.

– Нынешний директор – тоже прямо-таки замечательный человек. По-видимому, он услышал от кого-то о твоём дедушке и тоже принялся усердно протирать окна по всей школе, так что вся округа стала называть его «Мадофуки-сэнсэй Второй».

«Об этом я слышала», – мысленно отозвалась Каэдэ.

Значит, все-таки Мадофуки действовал не просто напоказ...

Когда дед только начинал превращаться в Мадофуки-сэнсэя, видимо, помимо желания просто следить за чистотой окон или перебрасываться словом с проходившими по коридору учениками, он на самом деле преследовал скрытую цель. А именно – воплощение на практике так называемой «теории разбитых окон».

Мысленно Каэдэ вернулась к объяснениям деда.

Когда в городе не меняют разбитые стекла в окнах заброшенных домов или машин и оставляют как есть граффити в метро, люди рассуждают примерно так: «Ясно, значит, так и надо, ведь до сих пор никто не уделил этому внимания». И тогда разбитых окон и граффити становится все больше. Нравственность местных жителей мало-помалу приходит в упадок, мелкие правонарушения влекут за собой все более тяжкие и жестокие преступления.

Так что же можно предпринять заранее, чтобы не допустить этого?

Применить «метод Мадофуки».

В начале девяностых годов двадцатого века озабоченный участившимися случаями тяжких насильственных преступлений мэр Нью-Йорка, опираясь на «теорию разбитых окон», выделял гигантские суммы, чтобы избавиться от граффити в подземке. В итоге таких преступлений стало совершаться гораздо меньше, в сфере общественной безопасности Нью-Йорка отмечались разительные перемены к лучшему.

«Впрочем, никаких преступлений от детей я и не ожидал, – со смехом уточнил дед. – Когда окна чистые, возникает желание сделать так, чтобы чистыми были и полы, и коридоры. И пыль в классах не дает покоя. В окнах – вот в чем смысл. Когда видишь чистые окна, смыслом становится чистота – в это я искренне верю».

В эти размышления о словах деда вклинилась Мисаки:

– Эй, Каэдэ, ты слушаешь?

– Прости, прости! Так о чем речь?

– Потому-то Мадофуки-сэнсэй Второй, подобно Первому, обожает поливать цветы в школьном дворе – настолько, что из прекрасного и просторного директорского кабинета на втором этаже перебрался в тесную комнатку на первом, где клумба прямо перед окном. Не представляю себе, каково это – так любить цветы, – добавила Мисаки, показав в усмешке зуб, похожий на клык.

Видимо, этот зуб очень нравился ей самой, потому что на все предложения родителей исправить его она упорно отвечала отказом.

«Он тебе идет, Мисаки. Сама по себе ты прежде всего сильная, а с ним – еще и симпатичная. Симпатичнее меня, намного».

– Кстати, сменим немножко тему, – предложила Мисаки. – Ты все еще любишь детективы, Каэдэ?

Какое там «немножко». Поворот – круче некуда.

– Угу. Кроме них, других увлечений у меня нет.

– Ну, тогда... в нашей школе произошло что-то вроде детектива, но, может, на самом деле лишь подобие детектива, так что ты, наверное, и слушать не захочешь.

– Ошибаешься. Еще как захочу.

– Детективы ведь делятся по стилистическим и жанровым особенностям, а те – на еще более узкие категории? Ну, «закрытая комната», «разрушенное алиби»...

– Угу.

– А как тогда называется такая разновидность – знаешь, когда человек вдруг исчезает прямо у всех на виду?

«Так и называется – «исчезновение»...

Не хватало еще, чтобы ее считали помешанной на детективах. Каэдэ проглотила эти слова, чтобы не выпалить их сразу же. И когда заговорила, наверное, голос прозвучал лишь слегка взволнованно.

Мастера классического детектива Эллери Куин и Диксон Карр, в течение целой ночи обсуждавшие этот жанр так и сяк, пришли к выводу, что «для завязки детектива нет ничего лучше исчезновения кого-либо».

– Насчет названия я не совсем в курсе, – сказала Каэдэ, – но если можно, хотела бы записать твой рассказ, – и она принялась искать на смартфоне иконку голосовых заметок.

– Как представляю, что идет запись, сразу напрягаюсь. – Мисаки смущенно улыбнулась и тут же свела брови. – Не знаю даже, с чего начать... Так вот, прошлой весной к нам в школу направили новую учительницу, недавнюю выпускницу. С правильными чертами, превосходной фигурой, все просто и мило – в общем, типичная красавица эпохи Сёва.

Красавица эпохи Сёва.

Нет ничего особенного в том, чтобы назвать кого-то «красавицей», но прямолинейная Мисаки никого не стала бы хвалить попусту.

– Поскольку упоминать ее настоящее имя как-то... сама понимаешь, будем называть ее «Кумир-сэнсэй» – нет, «Мадонна-сэнсей», как красавицу Сёва.

– Тогда это как в «Мальчугане» Нацумэ Сосэки, и уже не Сёва, а Мэйдзи.

– Ну, вот и пусть. По правде говоря, образ как раз такой и был.

В этом выражении прошедшего времени – «такой и был» – Каэдэ ощутила какой-то холодок.

– По-моему, такое порой случается на любом рабочем месте: появляется невиданная красавица, и все ее коллеги приходят в волнение, да? Наша школа не исключение, вели себя так, словно спятили, не только, разумеется, холостые учителя-мужчины, но если уж начистоту, то и папы учеников... и почему-то сохранялось ощущение чего-то надвигающегося и тревожного.

– Ясно.

– Если уж на то пошло, ты, Каэдэ, тоже по-своему красива, верно? Но тревожную обстановку в школе не создаешь.

Каэдэ замахала руками – «нет-нет, что ты!» – и перед ее мысленным взором тут же возникло улыбающееся лицо Иваты. Повторив «нет-нет» еще раз, она попросила Мисаки продолжать.

– А потом, примерно этой весной, с лица ранее жизнерадостной Мадонны-сэнсэй вдруг пропала улыбка. По слухам, у нее, видимо, возникли какие-то нелады в личной жизни, а какие именно – неизвестно. Но к сезону дождей она начала все чаще пропускать рабочие дни, и стало ясно: это «что-то» все-таки случилось.

– М-м... – Каэдэ решительно кивнула.

Вспоминая себя недавней выпускницей на второй год работы, она представить не могла, чтобы в то время вдруг начала часто пропускать целые дни.

– А потом настал тот самый день – последний учебный в первом триместре, до летних каникул осталось всего ничего. – Мисаки понизила голос, словно опасаясь, что окружающие ее подслушают. – Только что объявили, что сезон дождей закончился, день выдался страшно жарким, с высоким и чистым голубым небом. На попечении Мадонны-сэнсэй находились тридцать учеников четвертого класса, четвертым уроком в расписании значилось плавание. До сих пор помню радостные крики детей из ее класса, находившегося рядом.

Ощущение этой атмосферы было знакомо Каэдэ. Когда она объявляла: «Всем переодеться и собраться у бассейна!» – от радостных

откликов детей ее губы неизменно сами собой растягивались в улыбке. В такие моменты она думала, что с работой ей по-настоящему повезло.

– Итак, урок плавания начался. Вот теперь, наверное, понадобятся рисунки, чтобы объяснение получилось наглядным. Минутку... – Мисаки извлекла ручку и ежедневник из довольно вместительной сумки-тоут, гармонирующей с ее миниатюрной фигуркой.

Пользуясь бонусной картой сетевого магазина как линейкой, она на редкость быстро и умело начертила план территории вокруг бассейна. Наблюдая за ней, Каэдэ почему-то вспомнила, как раскрепощенно Сики исполнял этюды. Наверное, способности такого рода и называют врожденными.

– Пожалуй, в целом вот так.

Мисаки ловко оторвала листок с законченным планом, положила его на стол и придавила смартфоном, как пресс-папье.

– Далее я буду перечислять события, о которых услышала от детей, в хронологическом порядке, – и она снова открыла ежедневник.

Она явно принадлежала к тем, кто с любой задачей справляется быстро и энергично, и отличалась маниакальным пристрастием к записям.

– Урок начался в одиннадцать пятнадцать. Мадонна-сэнсэй, в свои школьные годы состоявшая в клубе плавания, добросовестно учила подопечных правильно дышать. Четвероклассники совсем разошлись: мальчишки говорили, что «даже в резиновой шапочке и очках учительница выглядела круто», а девчонки, вспоминая ее, – «мне бы такую фигуру».

И ничего удивительного. Типичный четвертый класс.

– Наверное, фигура у Мадонны-сэнсэй была хорошая именно потому, что она входила в команду школы по плаванию. В одиннадцать сорок она дунула в свисток и объявила: «Всем спасибо! Последние двадцать минут урока – свободное время!»

Можно себе представить, какие после этого поднялись радостные вопли. Что в прежние времена, что в нынешние – дети обожают карри в школьной столовой и свободное время в школьном бассейне. Тем более что урок плавания стал последним перед началом летних каникул, так что день для бассейна подходил как нельзя лучше.

– По-видимому, дети начали играть все вместе на трех дорожках, которые справа на плане обозначены цифрами от одного до трех. Одни

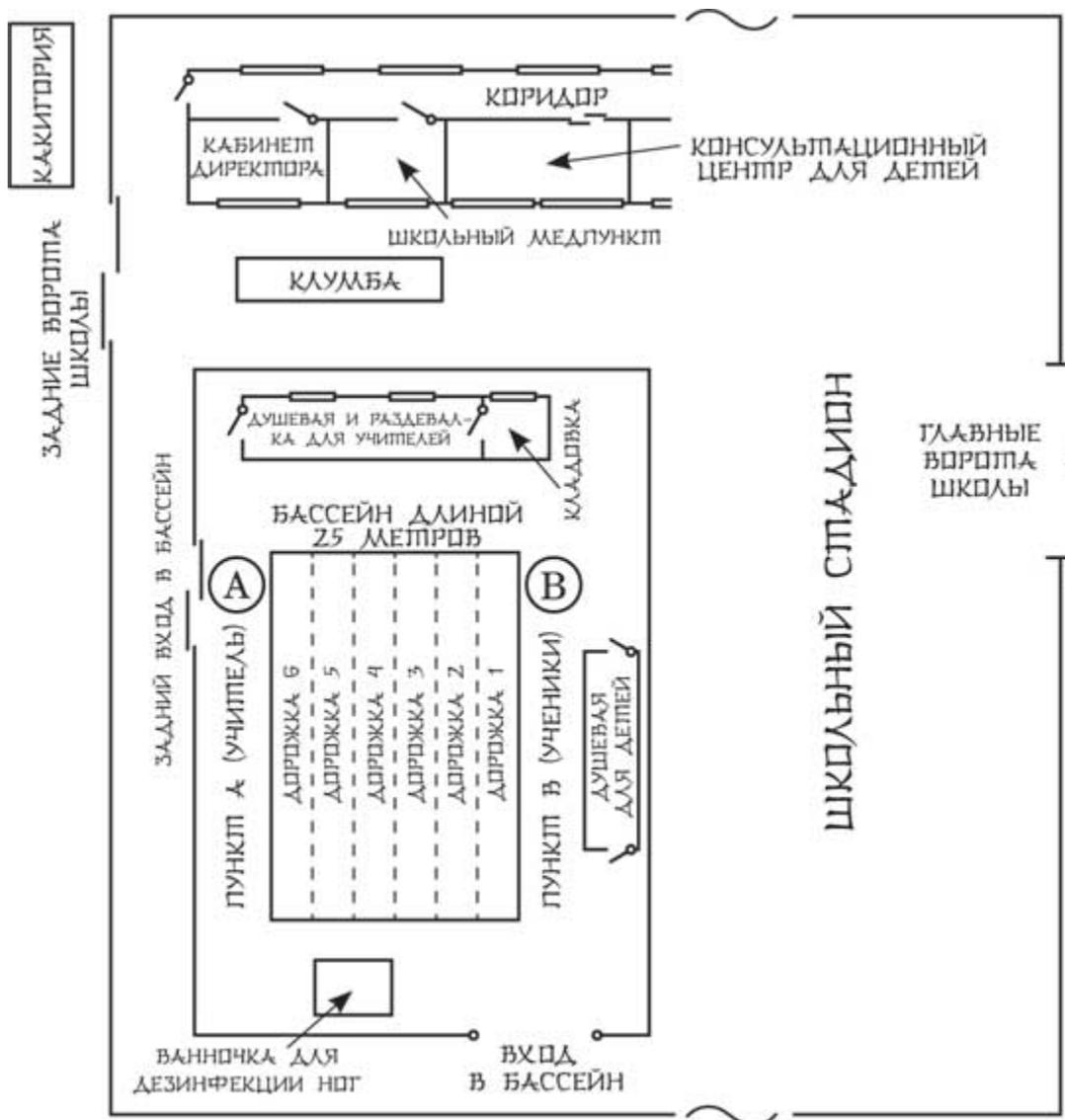
играли под водой в «камень, ножницы, бумага», другие состязались, кто быстрее проплывет кролем и брассом, и наверняка страшно расшумелись.

Мисаки глотнула минералки с газом из своего стакана. Эта вода напомнила Каэдэ прозрачность бассейна в разгар лета.

– Ровно в двенадцать раздался звонок с урока. Дети, конечно, продолжали шуметь и резвиться, и тогда Мадонна-сэнсэй, стоявшая в пункте «А» плана, свистнула. И несколько раз широко взмахнула обеими руками перед собой – этот жест означал «выходите из воды!» Дети явно нехотя вышли из бассейна в пункте «В». Оставалось только принять душ и вернуться в класс. Но в этот момент послышался такой плеск, будто кто-то прыгнул в воду. Дети так и подумали, когда оглянулись, – что «учительница поплавает еще немного, оставшись одна».

– Она ведь занималась раньше плаванием. В том, чтобы порадовать себя немножко, нет ничего плохого.

– Верно, но разве учителю не полагается обязательно проверять после урока плавания, не забыл ли кто-нибудь купальную шапочку и так далее? Однако дети есть дети. И среди них, видимо, там и сям послышались голоса: «Вечно учительница жульничает!» – Мисаки вновь продемонстрировала свой симпатичный клычок.

Перед мысленным взором Каэдэ возник отчетливый образ того летнего дня. Стройные, натренированные плаванием конечности на краткий миг образуют в воздухе простой иероглиф. Яркий солнечный свет очерчивает четкий силуэт на искрящейся поверхности воды. Поговаривают, что у нее какие-то проблемы в личной жизни. Так что же отражается в ее глазах за стеклами очков для бассейна – страдание? Или радость оттого, что эти невзгоды рассеялись как...

Мисаки ворвалась в эти мысли Каэдэ с неожиданными словами:

– С того момента, как послышался шум прыжка учительницы в бассейн, прошло тридцать секунд, пятьдесят, минута. Но и после этого она так и не вынырнула. Кто-то закричал: «Эй, сэнсэй!.. Неужели

утонула?» Четверо или пятеро мальчишек, которые плавали лучше всех, один за другим прыгнули в бассейн в поисках учительницы, однако... – после паузы Мисаки с серьезным видом продолжала: – Учительницы нигде в бассейне не оказалось – вот так Мадонна-сэнсэй просто взяла и исчезла.

Остальные сидящие за столом никак не могли слышать ее. Но в зале, который полнился причудливой мешаниной болтовни бывших однокашников, одновременно со словами «взяла и исчезла» вдруг воцарилась странная тишина. А может, приклеенная к оконному стеклу ведьма из черной бумаги рассеяла шум, прибегнув к черной магии?

«Чепуха».

Нарушив тишину, Каэдэ спросила:

– То есть как это «взяла и исчезла»? Но ведь в тот момент, когда Мадонна-сэнсэй прыгнула в бассейн, ее никто не видел. Строго говоря, все только слышали «такой плеск, будто кто-то прыгнул в воду», да? Если так, тогда, к примеру...

– Каэдэ, я понимаю, о чем ты, – перебила Мисаки, вскинув руку. – Вообще-то и я люблю детективы. К примеру, Мадонна-сэнсэй по той или иной причине захотела исчезнуть в присутствии детей и бросила в бассейн вместо себя большой кусок сухого льда. Когда дети всполошились – «учительница не выходит из бассейна!» – она переделалась в учительской раздевалке, затаилась на некоторое время, а потом, уловив момент, когда поблизости нет детей, проскользнула через вход в бассейн, ближайший к задним воротам школы, и сбежала из нее, – вот и вся уловка, так?

Каэдэ согласно кивнула. Когда речь заходила о детективах, первыми под ее подозрение попадали зеркала и лед. Это же элементарно.

– Однако, – продолжала Мисаки, снова перелистав свой ежедневник, – многие дети твердо заявили: «Звук был именно такой, как будто в воду нырнул человек». Похоже, каким-то образом они поняли это еще до того, как пожелали в это поверить. Согласно обычным представлениям, звук упавшего в воду льда и звук прыгнувшего в воду человека перепутать невозможно, да? Во всяком случае, настолько, чтобы назвать «именно таким».

– Угу, – согласилась Каэдэ, мысленно кляня старые детективы с их примитивными уловками. – Думаю, если «именно таким», тогда почти

невозможно.

– Так и есть. Допустим, дети по ошибке приняли за плеск прыгнувшего в бассейн человека какой-нибудь другой звук. И все равно концы с концами не сходятся.

– В смысле?

– А ты посмотри еще раз на план. – Мисаки придвинула к ней свой набросок. – Давай снова разберемся вместе, что именно произошло в тот день. Как только часы пробили двенадцать, Мадонна-сэнсэй в пункте «А» свистнула и подала знак «выходите из воды!» Ученики нехотя покинули бассейн и из пункта «В» направились в душевую. В тот момент позади них «послышался такой плеск, будто кто-то прыгнул в воду». Они подождали с минуту, но никто не вынырнул. Несколько встревоженных детей один за другим прыгнули в бассейн. Но никто из них так и не смог отыскать Мадонну-сэнсэй – пока что все ясно, да?

Каэдэ согласилась. Ее уже давно не покидало чувство, что они имеют дело с загадкой «исчезновения».

– Потом дети вернулись в класс, торопливо переоделись и сразу поспешили в учительскую на второй этаж, где сообщили нескольким находившимся там учителям, что «учительница прыгнула в бассейн и исчезла!»

Нетрудно представить, насколько взволнованы были эти ученики.

– Ну, вообще-то в учительской с остальными был не кто иной, как я, – чуть наигранно сообщила Мисаки. – Я сразу же спустилась на первый этаж, чтобы известить директора, потому что... – она снова указала пальцем на план. – Кабинет директора находится на первом этаже, вот здесь, цветы на клумбе не очень высокие. Так что из окна бассейн виден как на ладони. Территория вокруг бассейна обнесена крупноячеистой проволочной сеткой, – можно сказать, просматривается насквозь, как стекло. Вот я и спросила у директора, не было ли замечено что-нибудь странное, не выходил ли кто-нибудь из заднего входа в бассейн или в задние ворота школы. И тогда...

– Тогда – что?

– Ответ был такой: «Как раз все это время у меня было занято мытьем окна в кабинете, поэтому если бы кто-нибудь прошел через задние ворота, не заметить этого было бы невозможно. Но никто не выходил».

– Но послушай... – Каэдэ высказала сомнение, которое наверняка мелькнуло бы в голове у любого. – Если уж на то пошло, никто же не знает наверняка, правду сказал директор или нет, верно?

Их однокашники расходились – по одному, по двое. Но учтиво прощаться с каждым по отдельности уже не было ни настроения, ни времени.

– И потом, как бы долго он ни протирал окна, думаю, не исключена вероятность отвлечься и посмотреть кого-нибудь.

– Безусловно, ты права, Каэдэ. Однако подтверждение, что никто не выходил, было получено не только от директора. – Мисаки указала на план. – Видишь вот этот переулок? Вообще-то в нашей школе это что-то вроде приметы времени года, как в поэзии. Может, ты слышала об этом от бабушки: с наступлением лета, ровно в двенадцать, приезжает передвижная какигория – фургончик, торгующий десертами из тертого льда. Так вот, продавец какигории утверждает: «С двенадцати часов дня до закрытия фургона в шесть вечера с территории школы ни один человек не выходил».

– Тогда в этом случае, наоборот, был выбран путь в обход.

Сама Каэдэ считала такую вероятность невысокой, но все же задалась и этим вопросом, чтобы исключить возможные варианты.

– По-моему, не было никакой необходимости открыто выходить через главные, а не задние ворота школы. Но, думаю, даже если удастся успешно отвлечь внимание директора, у такого маршрута есть весьма существенные недостатки.

– Довольно каверзная задача... пожалуй, скорее невозможная. С восточной стороны от бассейна располагается школьный стадион, где в тот день проводились занятия по футболу и софтболу. Выйти через главные ворота, оставшись незамеченным для десятков детей... ну, не знаю. То, что это невозможно, ясно так же, как видно сквозь эту прозрачную газировку.

Некоторое время никто не говорил ни слова.

Ну, если так... Каэдэ указала на один из элементов плана. Доводов, подкрепляющих возражения, у нее оставалось все меньше и меньше.

– Оставим в покое вопрос о звуке как от прыгнувшего в бассейн человека: разве не могла Мадонна-сэнсэй затаиться в учительской

раздевалке, вот здесь? Или в кладовке, находящейся в глубине раздевалки?

– Могла, – отозвалась Мисаки. – Сразу же после уроков один из учителей, находившихся в учительской, сказал: «А вдруг она упала в раздевалке или в кладовке?» – и все учителя боязливо отправились туда, чтобы проверить. Раздевалка была не заперта, попасть туда оказалось легко. А вот там...

Видимо, в памяти всплыло пережитое: не пытаясь скрыть испуг, проступивший на лице, Мисаки прижала обе руки к открытому вырезу блузки.

– Там был шкафчик, доски для плавания, веревки, принадлежности для уборки и ни души. Все-таки Мадонна-сэнсэй прыгнула в бассейн и исчезла.

– Минутку, Мисаки, – Каэдэ слегка повысила голос. – А разве это не явная пропажа человека или не инцидент криминального характера, по крайней мере отчасти? Вправе ли мы ограничиваться выражением «исчезла»?

– Вот потому-то, – Мисаки заговорила еще громче, чем Каэдэ, – потому-то я и советуюсь с тобой! Она была слишком красива и наверняка выплыла, производила впечатление честной и покладистой, слушала старших и относилась к директору с большим уважением... Она очень нравилась мне. Кажется, еще с того лета, когда только пришла в школу. На экскурсии к морю, когда дети начали делить арбуз, она вдруг расплакалась. Я незаметно отвела ее в сторонку, чтобы расспросить, и узнала, что она родом с отдаленного острова. Запах морской воды напомнил ей о родине, вот и полились слезы. А потом оказалось, что за камнями наш разговор подслушивают четверо или пятеро мальчишек. Я рассердилась, и они разом бросились наутек по берегу. Я думала, они разболтают остальным, что новенькая учительница расплакалась, вспомнив родную деревню, но ошиблась. Эти дети принесли Мадонне самый большой ломоть арбуза: «Не плачьте, сэнсэй».

Мисаки, которая в этот момент выглядела так, будто смеялась сквозь слезы, промокнула уголки глаз платком.

– А мне все больше и больше хотелось работать с ней вместе. Вот я и подумала: лучше уж узнать, что произошло в тот день, от Каэдэ, а не от полиции.

«Прости, Мисаки, – мысленно отозвалась Каэдэ. – Видимо, если кто из нас и проявил черствость, так это я».

Исчез человек, а она в глубине души, вероятно, больше интересовалась детективной стороной дела.

– Стало быть, полиция бездействует.

– Верно. Из ее родных в живых остался только папа... то есть отец, а он по какой-то причине не подавал заявление о розыске. На этом, собственно, и заканчивается рассказ. Говорят, когда человек исчезает, даже если кто-то из членов семьи или родителей подает в розыск, добиться, чтобы открыли дело, нелегко. Видимо, только после заявления о розыске человека признают пропавшим без вести, так что Мадонна-сэнсэй даже не числится среди пропавших.

«Мисаки ничуть не изменилась. И тщательно изучила вопрос», – подумала Каэдэ.

Немало пациентов с деменцией, склонных к блужданиям, пропавшими без вести так и остаются. К счастью, дед Каэдэ не выказывал склонности к подобному поведению, но благодаря объяснениям консультанта по уходу, она имела общее представление о таком явлении.

До совсем недавнего времени людей, заявления о пропаже которых были приняты к рассмотрению, относили к одной из двух категорий: «типичные сбежавшие из дому», которые, как считалось, совершили побег по собственной воле, и «нетипичные сбежавшие из дому», исчезновению которых приписывали криминальный характер.

Но с недавних пор, возможно, заботясь о чувствах родных, не желающих осуждения по отношению к тем, кого считают сбежавшими, их стали именовать «типичными» или «нетипичными пропавшими без вести». Короче, слова Мисаки о том, как трудно добиться открытия дела о пропавшем человеке, попали точно в цель.

– Слушай, Мисаки, давай рассуждать чисто гипотетически, – предложила Каэдэ. – Допустим, Мадонна-сэнсэй сбежала по собственной воле. И допустим также, что она каким-то образом покинула территорию школы, оставшись никем не замеченной.

– М-м.

– Тогда после этого она прыгнула в поезд на ближайшей станции и...

Где-то всего в пяти минутах ходьбы от школы, где работал дед, должна быть станция.

– Или же разве не могла она воспользоваться припаркованной неподалеку машиной, чтобы покинуть город? Могла также сесть в автобус.

– Нет, вряд ли, – твердо высказалась Мисаки. – В торговом квартале перед станцией повсюду установлены камеры видеонаблюдения. И еще, только строго между нами... – Мисаки приложила палец к губам. – Один учитель из числа поклонников Мадонны-сэнсэй в хороших отношениях с председателем Ассоциации развития торгового квартала. В виде большого одолжения отснятые материалы с камер проверили. Но ни в тот день, ни на следующий в кадр не попало ни единого человека, похожего на Мадонну-сэнсэй. Так как по пути к автобусной остановке необходимо пройти перед станцией, сесть в автобус она тоже никак не могла. Остается еще версия с личной машиной, но машины у нее нет. Вернее, начать следовало с того, что у нее нет даже водительских прав.

Не упущено ли что-нибудь еще?

Неужели ничего?

Перебирая все мыслимые варианты, Каэдэ словно выдвигала в лихорадочной спешке один за другим ящички у себя в голове. Но больше ей ничего не попадалось.

– Значит, все-таки, – Мисаки прищурилась и бросила отсутствующий взгляд на стакан, из минералки в котором уже улетучился газ, – она просто прыгнула в бассейн и исчезла.

Только теперь Каэдэ и Мисаки заметили, что восемь их бывших соучеников разошлись, и за столом их осталось двое.

Мисаки слегка опустила голову и со словами: «Вот так, Каэдэ», помешала газировку палочкой для коктейлей. Как же ей, наверное, было тоскливо и одиноко теперь, с исчезновением младшей коллеги, с которой они так хорошо ладили. Ее чувства передались и Каэдэ, хоть она и обрадовалась, услышав впервые за долгое время, как ее назвали просто по имени.

– Если дело о пропаже так и не откроют, людские пересуды, согласно поговорке, иссякнут через семьдесят пять дней.

– М-м.

– На замену Мадонне-сэнсэй спешно назначили нового классного руководителя. Летние каникулы закончились, начались занятия, и никто опомниться не успел, как возникло ощущение, будто жизнь взрослых в школе наконец вернулась к совершенно привычной обыденности. Атмосфера в учительской стала такой, будто даже на упоминания о Мадонне-сэнсэй наложен запрет... От этого мне в самом деле тяжело.

Понятно.

Случаи, когда молодые учителя внезапно исчезают из школы по эмоциональным причинам или домашним обстоятельствам, – отнюдь не редкость. Среди однокашников Каэдэ по меньшей мере у троих сердце было настолько разбито кончиной близких родственников, что им стало «не до того, чтобы учить других».

Так что прогульщиками бывают не только дети. Поскольку учителя тоже люди, прогулов среди них не меньше. Вот и на сегодняшний обед двое учителей, учившихся вместе с Каэдэ, внезапно не явились, ничего не объяснив. Но, несомненно, у каждого из них имелись на то свои причины.

– Да, Каэдэ... – Мисаки, которая среди их однокашников явно была – нет, по крайней мере, выглядела сильной, – неторопливо улыбнулась, показывая зуб, похожий на симпатичный клык. – Когда увидишься со своим дедушкой, обязательно покажи ему вот это.

С помощью приложения на своем смартфоне Мисаки переслала Каэдэ фотографию.

– Это фото с прошлогодней учительской поездки. Правда, прелесть?

Каэдэ увидела одиночный снимок молодой красавицы в желтом платье, запечатленной на фоне какого-то буддистского храма. Несмотря на отсутствие рядом с ней на фото других людей, сразу было видно, что у этой девушки высокий рост и хорошая фигура – может быть, из-за маленькой головы. Свет слепил глаза? Или девушка растерялась оттого, что ее сфотографировали неожиданно? Ее улыбка, не столько смущенная, сколько вызванная в спешке, была невыразимо милой. На лице не отражалось даже малейшей толики страданий.

«Да какие у нее вообще могли быть проблемы? И почему она исчезла так внезапно?»

Каэдэ снова легонько коснулась девушки на экране, увеличила ее лицо и задумалась.

Каэдэ отправилась к деду, предварительно справившись о его самочувствии у помощницы, которая присматривала за ним в первую половину дня.

Независимо от наличия деменции с тельцами Леви, у пациентов с подтвержденной болезнью Паркинсона при похолодании страдает кровообращение, в итоге они зачастую плохо себя чувствуют. Но, к счастью, дед не выказывал никаких признаков ухудшения здоровья – возможно, благодаря балансу правильно подобранных медикаментов.

Из прихожей она случайно услышала разговор деда с неким, судя по голосу, молодым человеком, доносящийся из кабинета дальше по коридору. В спешке устанавливая раздвижную дверь, ее плохо пригнали, и сквозь нее отчетливо слышался каждый звук.

– Интересно, удалось ли успешно передать тембр сверчков. Насчет смартфона я сомневался.

– Все в порядке. Сразу и поставлю его как звук в режиме ожидания.

«Как мило, дедушка!»

Пением сверчков в саду он явно очень гордился. Губы Каэдэ сами собой растянулись в улыбке.

Немного погодя из кабинета вышел давний знакомый, физиотерапевт, и, показывая в улыбке белые зубы, сообщил, что сегодня дед в прекрасной форме.

– Но как только закончился реабилитационный комплекс, он вернулся в мир книг.

Работа физиотерапевта заключается в поддержке пациента во время тренировок, направленных на восстановление двигательных функций, нарушенных по тем или иным причинам, а также в проведении таких процедур, как массаж и электротерапия. Возможно, чаще всего слово «реабилитация» ассоциируется именно с профессией физиотерапевта.

Дед был подопечным мужчины лет тридцати пяти, коренастого и коротко стриженного. На обеих его ногах мышцы задней поверхности бедер – Ивата рассказывал, что запомнил их английское название, hamstring, как относящееся к части тела, а похожее на убойный прием, – бугрились, туго натягивая трикотажную ткань брюк. Опрятным внешним видом и собранностью физиотерапевт напоминал звезду бейсбола, установившую за океаном рекорд по броскам.

Пока он извинялся, что уже уходит, нос Каэдэ зашекетал какой-то сладкий запах.

– Ванильная эссенция, да? Так приятно пахнет!

– Не совсем так, это стручковая ваниль, – он улыбнулся, приподняв широкую ровную бровь. – Мы у себя магазине делаем софуту-куриму^[8] исключительно с ней. Мой отец часто повторяет: если облегчать себе жизнь ванильной эссенцией и тому подобным, недолго и погубить репутацию почтенной компании.

– Вот оно как. Извините.

– Да нет, что вы. Я принес бы его вам, не будь это нарушением профессиональных правил. Так что загляните как-нибудь к нам в магазин, пожалуйста.

– Зайду обязательно.

– Ну, тогда до встречи.

Семье физиотерапевта принадлежал магазин софуту-куриму, поэтому дед звал его «Софуту-куримуя-сан». Здание, в котором находился магазин, располагалось у самого железнодорожного терминала и, по-видимому, было собственностью родителей физиотерапевта, в сущности, довольно состоятельных людей. Стоило ему захотеть, магазин перешел бы к нему, и он мог бы жить припеваючи, не зная забот.

Но, как говорили, приобретя опыт ухода за ныне покойной бабушкой, он поставил перед собой цель стать физиотерапевтом. Однако в свободное время продолжал помогать родителям и, судя по легкому аромату ванили, исходящему от него, сегодня пришел к подопечному прямо после работы в магазине.

Встретиться и поговорить им случалось лишь изредка, поэтому Каэдэ понадобился месяц, чтобы разузнать о нем. По натуре, пожалуй, молчаливый, физиотерапевт, если с ним заговаривали, откликался живо и весело, как сегодня.

«Не то что некоторые в нашей школе».

Сама застенчивая и немногословная, Каэдэ относилась к физиотерапевту с симпатией и считала его одним из самых порядочных и добросовестных членов команды, помогающей ухаживать за дедом.

– Как хорошо, что ты зашла. А с Канаэ вы опять разминувшись.

Сидящий в кресле у себя в кабинете дед отложил книгу на приставной столик и расплылся в улыбке. Каэдэ думала, что он читал роман, а оказалось, сборник цумэ-сёги^[9].

Раньше ради развлечения он разгадывал кроссворды, а в последнее время, наверное, раздраженный дрожью в руках, часто разбирал задачи в сёги. И всякий раз при этом чувствовал себя определенно хорошо. Это значило, что его умственные способности в таком состоянии можно задействовать полностью.

«А я даже правил – и тех не знаю, но обожаю сёги!» – мелькнула в голове Каэдэ глупая мысль.

Сперва передышка. Каэдэ начала с подробного рассказа о том, как она видела Сики позавчера на сцене, и о том, как отмечали спектакль.

– Хорошая постановка, – неожиданно одобрил дед. – Разве это не прекрасно – полагаться исключительно на интерес аудитории к сценариям? Потому что это и есть самое главное в сюжете. Если сюжет не вызывает интереса, тогда в нем нет смысла. Просто идея в конечном счете не более чем идея. Если потом тебе было интересно смотреть сыгранный сюжет, – и дед слегка трясущейся рукой изобразил такой жест, словно объявлял шах, – эта постановка – на сто баллов.

Сто баллов...

Дед поставил высшую оценку за постановку человеку, с которым даже не был знаком. А когда они с Каэдэ играли в три темы для импровизации, какие бы сюжеты она ни придумывала на заданные им темы, до сих пор он ни разу не дал ей ста баллов.

Тогда почему же она так обрадовалась? Причин не понимала даже сама Каэдэ.

«Ну да ладно».

Прежде чем искать ответ, Каэдэ рассказала деду про свою встречу с Мисаки и услышанную от нее историю о Мадофуки-сэнсэе Втором,

потом попросила послушать запись и нажала иконку голосовых заметок.

Рассказ о беседе с Мисаки дед выслушал со скрещенными на груди руками, а во время записи время от времени зажимал обеими руками рот, и его лицо искажала странная гримаса. Это причудливое выражение можно было расценить и как улыбку, и как вспышку страха.

Должно быть, он беспокоился о местонахождении Мадонны-сэнсэй или волновался за ее жизнь. Поскорее бы услышать дедушкин сюжет. Как досадно, что ни слова не вставить, пока звучит запись. Каэдэ понимала, что слишком нетерпелива, но...

На всякий случай она попыталась напрямик спросить у деда, что он думает, как только закончилось воспроизведение. Но, как и следовало ожидать, дед ответил: «С этим повременим» и продолжал:

– Ты не покажешь мне сначала тот снимок, на котором она одна? И я хотел бы послушать твои сюжеты.

Пока дед внимательно изучал снимок, поворачивая его так и этак, у Каэдэ мелькнула мысль, что вид у него чрезвычайно заинтересованный.

«Сики-кун сейчас наверняка сказал бы что-нибудь вроде: “Почему люди из породы знаменитых детективов, – что прежних, что нынешних, – так кичатся своими умозаключениями?”»

Немного погодя дед наконец обратился к Каэдэ:

– Итак, сперва вопрос. Разумеется, при условии, что все сказанное Мисаки-сэнсэй – правда, какие сюжеты складываются у тебя, Каэдэ?

Сделав глубокий вдох, Каэдэ осторожно начала:

– Сюжет первый. Мадонна-сэнсэй из бассейна не вышла. Точнее, не смогла выйти, – продолжение далось ей с трудом. – Она утонула при неожиданных обстоятельствах. Тогда почему же не нашли тело? Из-за сточной трубы. Каждый год в плавательных бассейнах по всей стране люди гибнут из-за того, что их целиком или частично затягивает в сток. Потому учительница и не выплыла. И ее тело, застрявшее в сточной трубе бассейна, до сих пор там.

Договорив, Каэдэ робко взгляделась в лицо деда. Но, на ее счастье, он обнаружил в ее версии неувязку.

– Несчастные случаи, связанные со сточными трубами, действительно не прекращаются, хотя речь идет в основном о

бассейнах проточного типа. И как это ни печально, жертвами в таких случаях становятся преимущественно дети с их небольшими размерами. Почти невозможно представить, чтобы взрослую женщину, такую, как Мадонна-сэнсэй, полностью засосало в отверстие стока. В сущности, насколько мне известно, еще не бывало такого, чтобы при несчастном случае со сточной трубой тело жертвы не нашли.

Каэдэ, наоборот, обрадовалась, что ее предположение отвергли.

– Сюжет второй. Начнем с того, что Мадонна-сэнсэй в бассейн не прыгала. По неким личным причинам желая сбежать от реальности, она втихомолку строила планы исчезновения. Это предположение подкреплено фактом ее неоднократного пропуска рабочих дней из-за личных проблем, какими бы они ни были. Тогда почему же ученики в один голос подтвердили, что «учительница прыгнула в бассейн и исчезла»?

Каэдэ сделала паузу и посмотрела деду прямо в глаза. В этот «сюжет» ей самой почти не верилось.

– Потому что все до единого ученики класса солгали. Объединившись ради обожаемой учительницы, они приняли участие в осуществлении плана ее исчезновения.

Дед потеревил правой рукой свой гордый нос. Эта вредная привычка означала глубокую задумчивость.

Невероятно.

Может быть, этот сюжет близок к тому, который сложился у самого деда?

А потом он объявил:

– Семьдесят баллов.

Что?..

Дед так глубоко задумался о баллах?

– Второй сюжет лучше первого, но и в нем есть неувязки, которым нельзя не придавать значения. Прежде всего тридцать детей не могли не попасться на лжи. На чужой роток не накинешь платок, тем более если это «роток» ребенка.

Что-то в словах деда напомнило Каэдэ упомянутую однажды в разговоре с ним реплику из рассказа Гарри Кемельмана «Девятимильная прогулка» – «пройти девять миль пешком – не шутка, а тем более в дождь».

– И потом, куда, собственно говоря, делась Мадонна-сэнсэй? И директор школы, и продавец какигории сообщили, что через задние ворота школу никто не покидал. То, что она не спряталась в учительской раздевалке или кладовке при ней, подтвердили другие учителя. А как объяснить, что на записи камер видеонаблюдения у станции она не попала? Нет, Каэдэ, ни в коем случае не стоит думать, что все ученики сговорились. В общем, если не дать ответа на все эти вопросы, второй сюжет развалится.

К слову о японском и заграничном: как все это сочетается с японскими цумэ-сёги!

Дед, большой поклонник кофе, сегодня отпил всего один глоток из чашки с чаем.

– Да будет тебе известно, в данном случае есть особый сюжет «икс»...

«О-о, возвышенный тон!»

Продолжения Каэдэ ждала, еле сдерживая нетерпение. И не представляла, сознает дед это или нет. А он между тем произнес все те же слова:

– Каэдэ, можно мне сигарету?

По словам деда, песня со странным названием «Вам случалось курить «голуаз?» в прежние времена была довольно популярной.

Кабинет заволокло сиреневым сигаретным дымком. Площадь кабинета составляла двенадцать татами, но заставленный книжными стеллажами со сдвижными отсеками он казался тесным, словно был вполовину меньше. Но в то же время смотреть на выстроенные вдоль стен в несколько рядов стеллажи было все равно, что в поставленные одно напротив другого зеркала: комната казалась бесконечной.

Дед выпустил третье колечко дыма в сторону слегка приоткрытого окна, и...

– «Картинку» я увидел. Способность к галлюцинациям для этого не понадобилась, – объявил он.

Способность к галлюцинациям не понадобилась? Что бы это значило? Неужели решение этой загадки далось деду настолько легко?

– Прежде всего задумаемся, что за проблемы были у Мадонны-сэнсэй в личной жизни. Для большинства людей такие проблемы в целом делятся на связанные со здоровьем, деньгами и

взаимоотношениями. Так в чем же конкретно заключались проблемы этой учительницы?

Дед проводил взглядом дым, который вытягивался в оконную щель и рассеивался в воздухе. При этом Каэдэ показалось, что он желает Мадонне-сэнсэй, чтобы и ее проблемы исчезли так же бесследно.

– Поскольку она была молода и состояла в клубе плавания, проблемы со здоровьем исключаем. Кроме того, примем во внимание, как взбудоражил приход красавицы в школу учителей-мужчин, и допустим, что проблему представляли в первую очередь отношения, а точнее – осложнения в сердечных делах. Предположим также, что она встречалась с кем-то из учителей. И тогда все сомнения рассеются.

Каэдэ невольно бросила взгляд на снимок, так и оставшийся открытым на экране смартфона. Разумеется. Чтобы у такой красавицы – и никого не было...

– Пройдемся еще раз по событиям того дня в хронологическом порядке. Итак, в одиннадцать пятнадцать в бассейне начинается четвертый урок. День выдался в самый раз для бассейна, и как бы там ни было, поскольку этот урок последний в семестре, дети наверняка веселятся вовсю. Одиннадцать сорок. Как и предполагалось, Мадонна-сэнсэй дует в свисток и объявляет: «Всем спасибо! Последние двадцать минут урока – свободное время!» До сих пор все идет без каких-либо инцидентов, – к концу фразы дед слегка повысил голос.

Каэдэ согласно кивнула.

– Но в дальнейшем ситуация перерастает в убийство.

– А?..

– Обрадованные свободным временем дети не уделяют действиям учительницы ни малейшего внимания. Вот он, этот момент. Некто машет ей рукой – вероятно, из тени у раздевалки. Этот некто – человек, которому Мадонна-сэнсэй никак не может отказать, а также тот, кто ни у кого не вызовет подозрений, если его увидят, – к примеру, тот, кто постоянно или поливает цветы на клумбе, или затевает уборку школьной территории, – и вдобавок втянут в водоворот сердечных дел Мадонны-сэнсэй, а попросту говоря, в любовный треугольник.

По спине Каэдэ пробежал холодок.

– Не может быть!

– Да, преступник – Мадофуки-сэнсэй Второй, директор школы, – подтвердил дед. – Видимо, все происходит в промежуток с одиннадцати сорока пяти до одиннадцати пятидесяти пяти. Директор убивает Мадонну-сэнсэй в раздевалке. Учитывая отсутствие пятен крови, высока вероятность, что ее душат одной из хранящихся там веревок. Директор сразу же прячет труп в кладовке и там же оставляет снятую с себя одежду. Затем директор выходит из раздевалки в одежде для плавания, надетой с самого начала. Естественно, на голове купальная шапочка, глаза скрыты под очками.

Э-э, нет, минуточку.

Каэдэ опять задала вопрос сразу же, как только он возник в голове:

– Подожди, дедушка, то есть директор выдал себя за Мадонну-сэнсэй? Но ведь это же невозможно.

Расслабив губы, дед ответил прямо:

– А ты разве еще не поняла? Директор – молодая женщина.

– Но... – Каэдэ все еще сомневалась, – это ведь директор!.. – Она невольно повысила голос.

– Женщина на посту директора школы – не редкость. Не говоря уже о том, что в последнее время директорами все чаще становятся именно молодые одаренные учительницы. Прошли годы с тех пор, как новость о назначении тридцатидвухлетнего учителя самым молодым директором в истории школ страны стала предметом бурных обсуждений.

Каэдэ вспомнила, что действительно слышала об этом по телевизору.

– В наше время нет ничего удивительного в том, что женщина лет сорока занимает пост директора школы. В общем, когда слышишь об учителе, который из любви к чистоте постоянно протирает окна или восхищается цветами на клумбе, это в первую очередь ассоциируется скорее с женщиной. Но у тебя, Каэдэ, в памяти настолько отчетлив мой образ, что ты сосредоточилась на нем и восприняла директора как мужчину.

– Если так, – отозвалась Каэдэ слегка взвизгившимся голосом, – почему же тогда Мисаки не сообщила мне об этом? Ведь если Мадофуки-сэнсэй Второй – молодая женщина, упомянуть об этом следовало в первую очередь, разве нет?

– Верно, – признал дед. – После того, как Мисаки-сэнсэй сообщила, что нынешнего директора прозвали «Мадофуки-сэнсэй Второй», в ходе разговора ей непременно следовало упомянуть что-нибудь вроде «вдобавок этот директор – молодая женщина». Но что если как раз тогда ты думала о чем-то другом, например, обо мне, отвлеклась всего на миг и прослушала Мисаки?

Каэдэ была потрясена. А ведь и правда.

«В то время я...» – она задумалась, припоминая.

Прозвище «Мадофуки-сэнсэй Второй» наложилось в ее представлении на образ деда, а с него мысли перескочили на «теорию разбитых окон».

Ну надо же.

Из-за этого она упустила возможность услышать самое важное, и...

– Похоже, попадание в точку, – прищурился дед. – Но, на мой взгляд, то, что директор – женщина, понять ты была должна – нет, думаю, прямо-таки обязана.

– В смысле?

– А разве нет? Тебе же повезло накануне увидеть спектакль, где повсюду наверняка попадались намеки на то, что «не следует делать допущения насчет пола, исходя из собственной предвзятости».

Каэдэ беззвучно ахнула.

– Прежде всего актер труппы с красными волосами, которого ты воспринимала как женщину, на самом деле оказался мужчиной. Но самым главным разве не был сценарий, который предложила ты сама, – о жизни «двадцатилетней девушки, которая, проигравшись подчистую на скачках, устраивается на судно, занятое выловом тунца»? Впрочем, в современном юморе я не очень-то разбираюсь. – Дед медленно выпустил дым. – Возможно, ты рассчитывала, что именно несоответствие придаст этому сценарию интерес – «человек, которого невозможно представить никем иным, кроме как мужчиной, оказывается женщиной».

Каэдэ не нашлась с ответом. И почему от вежливых разъяснений, в чем заключается «интерес», ей стало так неловко?

– Вдобавок попался и еще один намек – реплика Сики-куна прямо перед тем, как он, отмечая спектакль после его окончания, допился до беспамятства. Разве не говорил он: «Не поймите превратно точку

зрения, основанную на собственной предвзятости»? Случайное совпадение, однако неужели эти слова не наводят прямо на мысли о директоре?

В большей мере, нежели точность его замечания, Каэдэ поразило другое.

Интересно, в чем причина. Почему дед помнит в том числе и реплики, лишь прозвучавшие в разговоре и известные с ее слов, но даже не сохранившиеся в записи?

Однако она все же выдала из себя вопрос:

– Как можно так категорично утверждать, что директор школы – молодая женщина? Разумеется, это вполне возможно, но мне все же кажется, что такие случаи встречаются редко.

– Это же просто. Если принять во внимание чувства Мисаки-сэнсэй, такой вывод напрашивается сам собой.

– Не понимаю.

– Вчера, прямо перед тем, как вы расстались, Мисаки-сэнсэй сказала: «Да, Каэдэ... Когда увидишься со своим дедушкой, обязательно покажи ему вот это».

– Да.

– Ты вдумайся. Этот снимок тебе предстояло показать мне, как Мадофуки-сэнсэю Первому. Неужели и обычный образ мышления, и правила приличия не указывают на естественный вывод – что это снимок Мадофуки-сэнсэя Второго? Думаю, никто не стал бы рассылать налево и направо снимки Мадонны-сэнсэй, фактически пропавшей без вести. Большинство людей в наш век щепетильно относятся к личной информации, потому-то и Мисаки-сэнсэй называла пропавшую учительницу «Мадонной-сэнсэй», чтобы избежать упоминаний настоящего имени.

При этих словах Каэдэ снова бросила взгляд на одиночный снимок, открытый на экране смартфона.

– Так эта женщина в желтом платье и есть?..

– Да. Это именно она, убийца «Мадофуки-сэнсэй Второй».

В приоткрытое окно повеяло ароматом душистого османтуса. У Каэдэ мелькнула мысль, что на языке цветов он, кажется, означает «истину».

– Вернемся к разговору о том, что произошло в тот день, – сказал дед. – Ровно в двенадцать часов раздается звонок с урока. Дети

продолжают плескаться в бассейне, но в этот момент из затененной раздевалки появляется директор, одетая в купальник, как Мадонна-сэнсэй. Остановившись в пункте «А», она дует в свисток, затем обеими руками делает жест, означающий «выходите из воды!» Глядя на директора в купальной шапочке и очках, с фигурой, как у Мадонны-сэнсэй, да еще находящуюся на противоположном краю бассейна, кто заметит подмену? С одной стороны – директор, которая в свои около сорока моложе с виду, чем большинство ее ровесников. С другой – учительница Мадонна-сэнсэй, которая выглядит значительно старше своих лет и не испытывает никакой неловкости, когда ее называют «красавицей эпохи Сёва». В купальниках они неотличимы одна от другой не только для детей.

– Безусловно...

– Далее, так ничего и не заподозрившие дети выбираются из бассейна в пункте «В» и спешат принять душ. Убедившись, что на нее никто не смотрит, директор снова исчезает в учительской раздевалке.

– Угу, пока все понятно, – и Каэдэ задала вопрос о главной загадке дела: – А раздавшийся сразу после этого «плеск, будто кто-то прыгнул в воду» – что это было? Ведь все ученики в один голос заявили, что «учительница прыгнула в бассейн».

– Строго говоря, не «все», – дед с лукавым видом поднял указательный палец. – У тебя, как у классного руководителя, наверняка тоже есть такой опыт: сразу после того, как прозвучал свисток учителя, один из мальчишек – скорее всего, озорник, любыми способами добивающийся внимания, – прыгнул в бассейн, работая на публику.

А-а... вполне возможно.

«Точнее было бы сказать, что и у меня на уроках такое случалось».

После свободного времени закончить урок в бассейне одним свистком нелегко. Обычно один-двое учеников делают вид, будто не слышали свистка, и снова прыгают в воду.

«А потом?» – мысленно спросила Каэдэ.

Если честно, это озорство выглядит так мило...

– Понятно. Значит, этот мальчишка нырнул в бассейн, задержав дыхание, и затаился под водой.

– Правильно.

– Да, но неужели четвероклассник способен задерживать дыхание под водой почти минуту?

– Тогда вот тебе вопрос: как думаешь, каков по продолжительности мировой рекорд по задержке дыхания под водой?

– Эм-м...

В памяти Каэдэ возник Жан Рено, сыгравший главную роль ныряльщика в фильме «Голубая бездна», но кроме его самого в круглых очках, больше не вспомнилось ничего.

– Наверное, самое большее минут пять.

– Чепуха, – дед звучно расхохотался. – Насколько я помню, рекордное время составляло около двадцати четырех минут. Возможно, теперь этот рекорд уже побит. И даже для ребенка, мальчишки-четвероклассника, просидеть под водой минуту – проще простого.

А ведь и в самом деле. У деда есть все основания так считать. Потому что Каэдэ вспомнилось множество выложенных в сеть видео, где дыхание под водой больше, чем на минуту, задерживали не только четвероклассники, но и судя по виду, ученики первого класса.

– Прошла примерно минута, и четверо или пятеро мальчишек, беспокоясь за Мадонну-сэнсэй, один за другим прыгнули в бассейн. В то же время у озорника, прыгнувшего первым, не получилось дольше задерживать дыхание, он высунулся из воды и так удивился поднимаемому шуму, что сразу же нырнул снова.

– Ясно. А потом просто струсил... Видимо, атмосфера была уже не та, чтобы признаться: «Это я прыгнул в бассейн, а не учительница».

– Именно так. Несомненно, ему даже в голову не приходило, что его пустячная шалость сыграет свою роль в настолько загадочной ситуации.

Каэдэ подумала о том, что придется передать все это Мисаки.

– Итак, вернувшись в раздевалку, директор быстро надевает свою обычную одежду поверх купальника, сидит, затаившись, пока не уляжется суматоха, а потом, дождавшись, когда ученики покинут бассейн, ускользает через задний вход, попадает в школьный корпус через заднюю дверь и по коридору возвращается к себе в кабинет. И вот на что я хочу обратить твое внимание, – дед сделал краткую паузу, – на то, что дверь директорского кабинета открывается наружу, в коридор. То есть директор заранее оставила дверь своего кабинета

полуоткрытой. Потому что в этом случае преступник, совершив убийство и вернувшись в здание через вход с западной стороны, попадал в зону, которая абсолютно не просматривалась, даже если как раз в тот момент кто-то проходил по коридору.

Каэдэ снова взглянула на распечатанный план школы.

«Так и есть».

Похоже, после звонка с урока, ровно в двенадцать, в коридоре на первом этаже, то есть проходящем мимо медпункта и детского консультационного центра, почти никто не бывает. Но... твердой уверенности в этом нет. А если пройти мимо торца клумбы до задней двери здания, а затем несколько метров вперед по той части коридора, которая не просматривается, можно сразу попасть в директорский кабинет.

– Спустя некоторое время дети явились в учительскую с известием, после чего Мисаки-сэнсэй и другие учителя отправились к директору, чтобы сообщить о случившемся. К тому времени директор уже была на месте, – дед бросил взгляд на чайную чашку на приставном столе. – Пожалуй, стоило бы сделать передышку и выпить чаю.

– Но куда исчез спрятанный в кладовке труп? Когда после уроков Мисаки и остальные ходили туда, там ничего не было.

– Перед тем были наскоро приняты меры. Ведь этот человек ни у кого уже не вызывал удивления, даже когда постоянно возился с цветами на клумбе. Через задний вход в бассейн она пригнала к раздевалке тележку, погрузила в нее тело Мадонны-сэнсэй из кладовки и накрыла плотной пленкой. И сразу после этого, наверное, так и оставила тележку на виду у всех, у боковой стороны клумбы.

Перед мысленным взглядом Каэдэ возникла наводящая ужас картина.

– В таком случае труп Мадонны-сэнсэй... – по спине Каэдэ пробежали мурашки. – Поздно той же ночью при свете луны директор закопала его на клумбе.

– Ничего другого тут не придумаешь. А потом директор продолжала каждый день протирать окна, присматривать за клумбой с зарытым телом и думать о том, когда и куда его перевезти.

– Это ужасно, зато обретает смысл перенос директорского кабинета со второго этажа на первый.

– Угу. Кстати, раз уж об этом речь, не могу отделаться от мысли, что перенос директорского кабинета имеет какое-то отношение к изначальному мотиву для убийства.

– М-м?

– К примеру, как насчет вот такого «сюжета»? Красивая и способная директор школы лет сорока состоит в романтических отношениях с неким учителем-мужчиной. Однако вскоре этот учитель влюбляется в направленную в ту же школу Мадонну-сэнсэй. Так где же в той школе наиболее подходящее место для свиданий?

Каэдэ осенило:

– В учительской раздевалке у бассейна!

– Правильно, – согласно кивнул дед. – Однажды директор заметила, как учитель, с которым у нее были отношения, скрывается в раздевалке вместе с Мадонной-сэнсэй. Поначалу директор, должно быть, уверяла саму себя, что обозналась. Но поскольку та же сцена повторялась у нее на виду неоднократно, ее терпение наконец лопнуло, и она перебралась в кабинет на первом этаже, чтобы иметь возможность постоянно держать раздевалку под наблюдением сквозь решетчатую ограду бассейна. При всем этом еще с моих времен у школ с Управлением образования налажены связи со своими правилами. Напыщенные фразы вроде «стремление прививать детям любовь к цветам», несомненно, упростили перенос кабинета в другое помещение. Если бы в условиях такого давления учитель решил вернуться к директору, она, возможно, была бы готова простить его. Но несмотря ни на что, свидания молодой пары так и не прекратились. И это, в конце концов...

Каэдэ подхватила:

– ...вылилось в убийство.

Слегка похолодавший ветерок вновь принес запах османтуса.

Каэдэ вспомнилось, что на языке цветов у этого растения есть еще два значения – «искушение» и «экстаз».

Каэдэ решила, что после возвращения домой сначала посоветуется с Мисаки, прежде чем обращаться в полицию.

Но сегодня дед выпросил вторую сигарету, что случалось редко, и как раз с выражением «экстаза» на лице дымил, выпуская дым наружу,

к османтусу. Уйти, не убедившись, что огонь потушен, было нельзя. Пока Каэдэ заново заваривала чай, дед вдруг сказал:

– Суть задач в цумэ-сёги вот в чем: порой удается выявить несколько правильных начальных ходов.

О чем вообще речь?

– В качестве составителя я хотел бы, чтобы верный ход был по возможности единственным. При этом задача получается компактной, – дед взял с приставного столика сборник задач по цумэ-сёги. – Однако в крайне редких случаях «еще один верный ход», незамеченный даже составителем, оказывается более красивым. Вообще-то в этой книге я нашел пару как раз таких задач.

Что это – ложь или просто самодовольство?

– Вот и насчет этого инцидента. Давай не спеша обсудим еще одну «красивую картинку».

«Эм-м?..»

– Что, дедушка? Хочешь сказать, здесь возможны и другие сюжеты?

– А как же. И пожалуй, Каэдэ, этот понравится тебе больше.

«Какой “этот”?»

На лбу у нее выступила испарина.

– Рассказывай, дедушка.

Каэдэ разложила складной табурет и снова села.

– Первым делом рассмотрим еще раз проблемы Мадонны-сэнсэй. Как уже было сказано, людские проблемы можно разделить на три категории: на связанные со здоровьем, деньгами и взаимоотношениями. И тогда, если вычеркнуть из списка проблемы со здоровьем и проблемы со взаимоотношениями из недавнего сюжета, методом исключения получим оставшуюся единственную категорию.

– Проблемы с деньгами?

– Верно. Мадонна-сэнсэй упоминала, что ее почтенная мать рано умерла и из родни в живых остался только ее отец. Тогда почему же этот отец не подал заявление о розыске дорогой ему дочери, хотя она пропала? Тебя ничего не удивляет?

– Если вдуматься, выглядит странно.

– Допустим, у отца долги, и он вынужден объявить себя банкротом. Но и в этом случае беспринципные и предприимчивые кредиторы криминального пошиба не станут сидеть сложа руки. С

Мадонны-сэнсэй потребовали гигантские проценты, не говоря уже об основной сумме долга. Ведь что ни говори, на роль совместных поручителей госслужащие подходят как никто другой.

Не оставалось ничего другого, кроме как согласиться. Но Каэдэ задумалась.

«А это, случаем, не фантазия чересчур разыгралась?»

– Если так и получилось, тогда к кому же Мадонна-сэнсэй обратилась за советом? Пожалуй, естественно было бы предположить, что к директору, к которой она неизменно относилась с уважением. Пока все складывается, да?

– По правде говоря, не очень тянет громоздить одни предположения на другие, – честно ответила Каэдэ. – Но в целом, по моему, звучит логично. Хотелось бы продолжения.

В этот момент...

Каэдэ почему-то показалось, что дед как будто готов расхохотаться.

– Директор, к которой Мадонна-сэнсэй обратилась за советом, после долгих и тщетных размышлений предложила побег под прикрытием.

– Побег... под прикрытием?

Эти слова прозвучали для Каэдэ так неожиданно, что она не сразу уловила их смысл.

– Итак, директор и Мадонна-сэнсэй инсценировали «исчезновение человека» в бассейне согласно плану, который мы уже обсудили. С той лишь разницей, что убийства не было, просто два человека в купальниках поменялись местами.

«Истина» мало-помалу обретала форму в голове Каэдэ.

И тем не менее...

– В одиннадцать сорок Мадонна-сэнсэй, объявив детям, что свободное время началось, уходит в раздевалку. Вероятно, там уже находится директор. Мадонна-сэнсэй надевает платье поверх купальника, прикрывает мокрые волосы какой-нибудь соломенной шляпкой, берет заранее приготовленную дорожную сумку, выходит через задний вход бассейна и через задние ворота покидает школу. Для этого им должно было понадобиться меньше десяти минут. Тем более что, видимо, одеваться помогала директор.

Наверняка...

Да, этот сюжет, пожалуй, нравился Каэдэ больше предыдущего.

– Минут за десять до того, как ровно в двенадцать приехала какигория, Мадонна-сэнсэй покинула территорию школы через задние ворота, быстро села в заранее вызванное такси, проехала мимо ближайшей станции и на машине домчалась до дальней, где нет камер видеонаблюдения. На этой дальней станции она, смешавшись с толпой, села в синкансэн и уехала в какой-нибудь провинциальный городок.

– То есть Мадонна-сэнсэй все еще жива? А ее отец знает об этом?

– Для того и затевались издавна побег под прикрытием.

Но Каэдэ все же выразила сомнения:

– Какой бы доброй и деятельной ни была молодая женщина-директор, неужели это ей пришла в голову настолько дерзкая идея побега?

– Ладно, а если вот так? – продолжал дед. – Директор, к которой пришла за советом Мадонна-сэнсэй, в свою очередь обратилась к некоему лицу, с которым продолжала поддерживать связь. Этот человек, не перестававший любить ту школу, в которой когда-то учительствовал сам, естественно, постоянно беспокоился за младшую коллегу, прозванную «Мадофуки-сэнсэй Второй», и хотя стал уже настолько немощным, что мог лишь исписывать иероглифами листы почтовой бумаги, все же никогда не упускал случая обменяться с директором письмами. И что если у этого человека сохранились связи, благодаря которым еще до побега было найдено место учителя в частной школе какого-нибудь провинциального городка?

С этими словами дед посмотрел в сторону ящика с письмами на одной из нижних полок стеллажа.

– Возможно, где-то там есть и письмо от Мадонны-сэнсэй, предназначенное для передачи Мисаки-сэнсэй когда-нибудь потом, когда улягутся *страсти*. Разумеется, поскольку письмо личное, человек, о котором идет речь, в него не заглядывал, но оно явно переполнено чувствами к любимому старшему коллеге, Мисаки-сэнсэй. Ну, это-то как раз *понятно*.

Не может быть.

Этого не может быть.

Дед выпустил сиреневый дымок в сторону окна. А затем, окруженный им, с нарочито театральным жестом, словно указывая на

фигуру в сёги, произнес: «Шах».

Его руки выглядели не так, как прежде: почему-то теперь они ничуть не тряслись.

– Каэдэ, я с самого начала с трудом удерживался от смеха, потому что знал финал сегодняшнего сюжета. Но шутки ради попробовал придумать другой «верный ход», возможно, несколько необоснованный, – о перемещении трупа. Наверное, мне хотелось, чтобы ты в итоге поняла: люди, которые любят цветы, плохими не бывают. Мадофуки-сэнсэй Второй любит цветы больше, чем Первый, только по этой причине она и решила перенести директорский кабинет в другое помещение.

Неужели человек, разработавший целиком и полностью весь план, сидит прямо перед ней?

Но кое-что Каэдэ так и не поняла.

– Послушай, дедушка, ты не мог бы объяснить мне еще кое-что?

– Что именно?

– Зачем этому «некоему лицу» понадобилось специально разрабатывать такой масштабный план, как «исчезновение в бассейне»? Ведь это же странно, разве не так? Если цель – побег под прикрытием, не проще ли было бы среди ночи доехать на такси до какой-нибудь отдаленной станции?

Тогда-то дед и рассмеялся.

– А разве такой сюжет представляет хоть какой-нибудь интерес?

– А?..

– Мы же говорили об этом в связи с постановкой Сики-куна. Если сюжет не вызывает интереса, тогда в нем нет смысла.

Каэдэ растеряла все слова.

Не может быть.

И тогда мотив в этом деле... Стремление сделать его интересным. Как глупо.

– Последний урок в бассейне накануне летних каникул. Только что закончился сезон дождей, на небе ни облачка. Стоит страшная жара, и в этой жаре предмет всеобщего восхищения, Мадонна-сэнсэй, исчезает, словно мираж. Об этом дети наверняка будут рассказывать на протяжении всей своей жизни. Как в прежние времена, так и теперь для детей всего мира нет лучше опыта, чем пережитая летом таинственная история.

В этот момент сигарета с тихим шипением погасла.

– А-а... – протянул дед. – Вода поднимается.

Галлюцинация.

Вид пола, залитого водой, – галлюцинация, типичная для пациентов с ДТЛ.

– Там, на пристани, стоит Мадонна-сэнсэй. Ее лицо исполнено надежды. Глядя на бурные волны, набегающие на берег, она просит, чтобы поскорее пришло лето. И еще думает: «У берегов этого острова хочется наплаваться вдоволь, ни о чем не беспокоясь».

«Так значит, она на острове. Разузнать, где именно, кредиторам будет нелегко».

Вероятно, дед с умыслом устроил Мадонну-сэнсэй, уроженку отдаленного острова, в начальную школу на другом островке, напоминающем ей о родине.

Каэдэ тихонько укрыла пледом уже засыпающего деда.

Глава 4. Их тридцать три!

1

Видимо, деду не давала покоя выдра, устроившая гнездо у него под кроватью.

Узнав от помощницы по уходу, что дед, как она ни останавливает его, все порывается передвинуть кровать, мрачно настроенная Каэдэ направилась в Химонъя.

Дед отдавал себе отчет, что его галлюцинации вместе со всем, что он видит во время них, – по сути дела, порождения ДТЛ, но иногда, хоть и крайне редко, бывал безоговорочно убежден в реальности этих видений. В таких случаях, зачастую вызванных каким-нибудь стрессом, пациент почти наверняка чувствует себя неважно.

Каэдэ точно знала, чем объясняется стрессовое состояние деда.

«Все потому, что он не слышит детские голоса».

В детстве Каэдэ прозвала Химонъя «городом красных конфеток», хотя радиус доступной ей территории не превышал трехсот метров. В лабиринте узеньких улочек с односторонним движением, характерных только для старинных жилых районов Ситамати – низинной части города, ближней к заливу, – красные дорожные знаки в виде треугольника вершиной вниз, призывающие притормозить у перекрестка и осмотреться, попадались повсюду. Маленькой Каэдэ эти треугольные знаки напоминали красные конфетки, какие можно увидеть в дагасиях – магазинчиках с недорогими сладостями.

Улица перед домом деда тоже была узкой, сбоку от калитки раньше стояла «красная конфетка», но несколько дней назад знак убрали и приступили к ремонтным работам на водопроводе, которые должны были продлиться чуть ли не целый год. Из-за этого в ближайшее детское учреждение и обратно дети были вынуждены добираться в обход, и дед лишился возможности умиляться их голосам.

Едва Каэдэ открыла входную дверь, старшая из помощниц по уходу, стоявшая в прихожей, схватила ее за руку и почти втащила в

дом так, будто уже заждалась.

Сколько же ей лет – наверное, под пятьдесят? Прямо подрезанные волосы создавали впечатление, что удобство в работе для нее важнее моды. Она сама выразила желание обойтись без церемоний, ведь им еще долго быть вместе, и Каэдэ с дедом дружески звали ее «Окаппа-сан»^[10].

– Чего я только ни передумала и решила, что лучше будет показать, что там, под кроватью.

– Понятно. Извините, что бабушка доставляет вам столько хлопот.

– Что вы, ничуть. Но если уж с настолько умным человеком такое приключилось, значит, болезнь и впрямь странная.

То, что слов она не выбирала, как раз и вызывало ощущение, что ей можно доверять.

– Так давайте прямо сейчас и пойдем к нему.

Окаппа-сан повела Каэдэ в комнату, слегка подталкивая в спину, словно подгоняя. Функциональную кровать с гидроприводом, предназначенную для ухода за престарелыми пациентами, никак не передвинуть в одиночку.

– Вот передвинете – и увидите сами. Там явно две – нет, три выдры.

На глазах у обескураженного деда Каэдэ вместе с Окаппой-сан передвинули кровать и показали ему голый пол.

– Посмотри, бабушка, и успокойся. Похоже, выдра со своим семейством перебралась куда-то в другое место.

– А-а... видимо, да, – дед будто до сих пор не верил в это, хотя и соглашался с Каэдэ. – Может, потому, что заметно похолодало.

Плечи явно удрученного деда поникли. Он понял, что выдры были галлюцинацией, вдобавок застыдился, что не догадался сразу. Трудно было определить, хотел он избавиться от выдр или, напротив, радовался, что они поселились под кроватью. Но почему-то казалось, что вернее второе.

После ухода Окаппы-сан дед чуть сонным голосом сменил тему:

– Как там в школе?

Неудивительно. Без детских голосов деду одиноко и тоскливо. Потому-то он и выспрашивал у Каэдэ хоть что-нибудь о школьных буднях.

– Эм-м... правда, это случилось не в последнее время, а примерно полгода назад, – приступила Каэдэ к заранее подготовленному рассказу. – Эта история похожа и на ужастик, и на фэнтези, а в конечном счете это детектив.

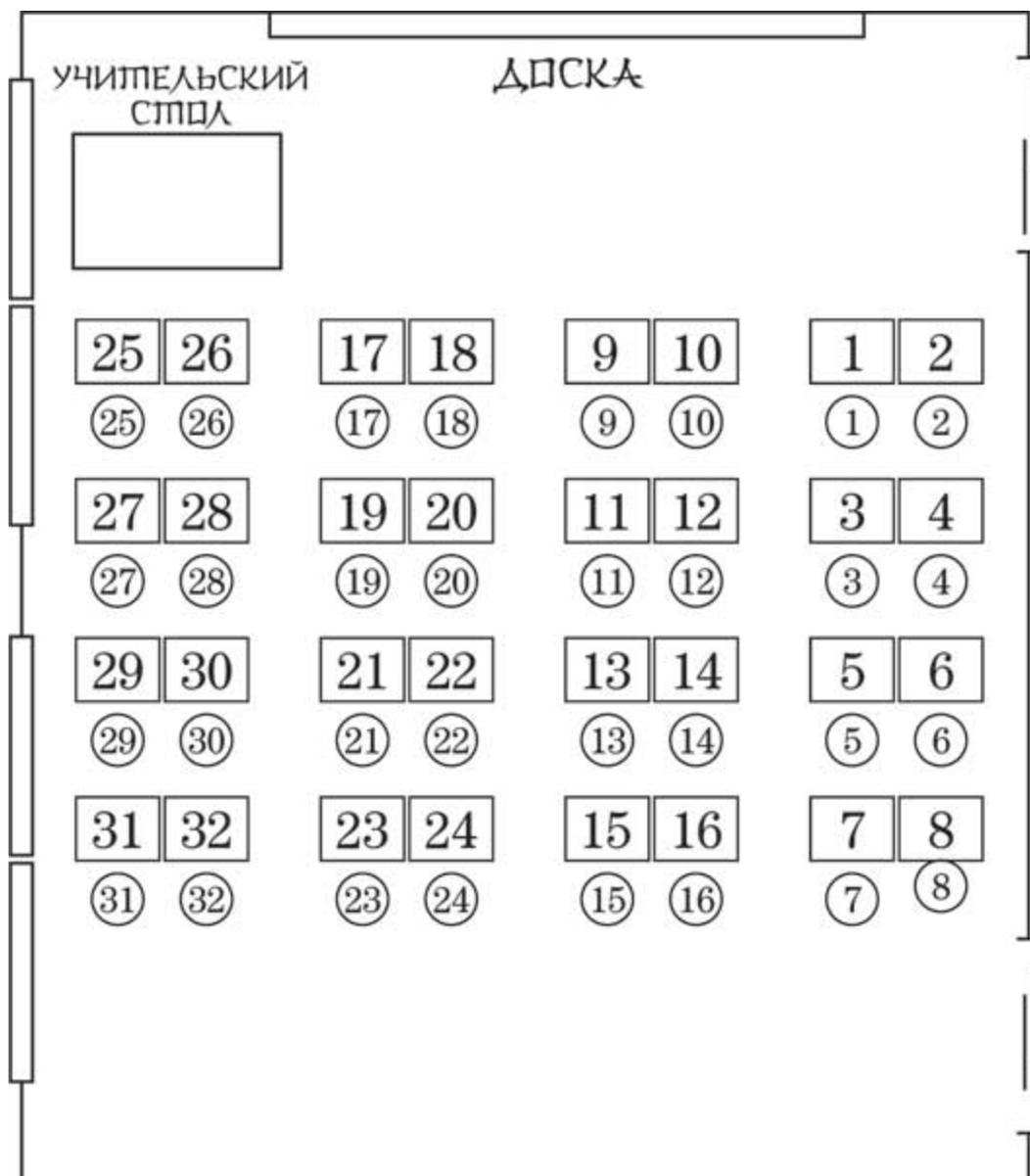
– Ого! – отозвался дед, полностью переменившись в лице и довольно улыбаясь. Потому что он обожал не только детективы, но и любые интересные сюжеты, будь то ужасы, фэнтези или научная фантастика.

После краткой паузы Каэдэ заговорила, слегка понизив голос:

– В тот день в классе было общим счетом тридцать два человека. А потом вдруг их количество увеличилось до тридцати трех.

– Видишь ли, дедушка, в то время я как раз стала вести занятия у шестого класса, а в нем была компания из трех необычных учеников. Как бы объяснить?... Понять будет легче, если представить себе трех юных волшебников из серии романов о Гарри Поттере, написанных Дж. К. Роулинг. Один мальчик, в очках, – справедливый, но не прочь пошалить. Назовем его «Гарри». Второй – немного слабовольный, но добродушный, в симпатичных веснушках. Пусть пока побудет «Роном». И третья с ними – девочка, которая, несмотря на решительный и твердый характер, пользуется успехом у мальчиков и гордится им. Это, конечно, «Гермиона». Кажется, будто у этих троих нет совершенно ничего общего, но почему-то они хорошие друзья и всегда в центре класса. Однако потом выяснилось, что на самом деле все они любят детективы и фэнтези, значит, видимо, мыслят схожим образом. Так вот, в тот важный день, когда эта тройца устроила большой переполох, последним уроком был разговорный английский. Да, сейчас это обычное явление в государственных школах – преподавать разговорный английский примерно с пятого класса. Кстати, всего в этом классе тридцать два человека. Если точнее, шестнадцать мальчиков и шестнадцать девочек. Может показаться, что это гораздо меньше, чем когда учителем был ты, дедушка, но по нынешним временам нормально. Я набросала план класса, и выглядит он вот так. Где твои очки? Вот, держи... Раздался звонок на урок, я хлопнула в ладоши и объявила: «Итак, как обычно, разбиваемся на пары и говорим только по-английски. Стандартные фразы можно смотреть в учебнике. Но японский под строгим запретом! Кто

перейдет на японский – школу не окончит!» Отовсюду послышались стоны вперемешку со смехом. Впрочем, эта часть учебной программы воспринимается как игра, так что, думаю, изнеможение они изображали в шутку. И тут... «Гарри» поддел средним пальцем очки на носу, поднял руку и встал. «Это же скучно – разве нет? – заявил он. – Вношу предложение от комитета класса: почему бы не устроить конкурс страшных историй?» Я возразила, что тогда это будет уже не урок, но весь класс разволновался – «я за!», «хочу страшные истории!» и так далее. Обычно серьезная «Гермиона» на этот раз поддержала остальных: «Ну давайте, сэнсэй!» Все мальчишки последовали ее примеру. «Рон», по уши влюбленный в «Гермиону», тоже не имел ничего против. И мы условились провести конкурс страшных историй, уложившись всего в пятнадцать минут.

После того как другие дети выступили с услышанными где-то и потому скорее забавными, нежели «страшными историями», поднялся «Гарри»: «Следующим буду я. А вы знали, что в этом классе, говорят, появляется призрак девочки, нашей ровесницы?» Во взгляде, который он бросил сквозь очки, мелькнул страх, но лицо, как всегда, осталось непроницаемым. В только что оживленном классе воцарилась полная тишина. А «Гарри» как ни в чем не бывало продолжал: «Прошлым вечером мне рассказал об этом прадед. Говорил, что во время войны возле нашей школы было большое бомбоубежище. И там всегда слышался детский плач. А страшнее детского плача в темноте ничего

нет. И он до смерти не забудет сирену воздушной тревоги и тоскливый плач этой девочки...» «Подожди! – переживая за ту самую девочку, в тот момент невольно перебила я. – По-моему, эта история – очень ценное свидетельство. Но бомбоубежище все-таки находилось *возле* школы. Так что призрак вряд ли появляется здесь, в классе». «В том-то и дело, сэнсэй. Вчера я проверил в библиотеке, и тогда все стало ясно. Бомбоубежище находилось не просто *возле* школы, – “Гарри” указал в дальний конец класса, – а прямо вон там, на месте класса, где мы сейчас находимся». И весь класс разом обернулся и посмотрел туда, куда указывал «Гарри». После этого, кто бы ни рассказывал «страшную историю», остальные хранили молчание. По правде говоря, я считала, что время, отпущенное на развлечения, уже истекло. Вот я и хлопнула в ладоши со словами: «Так, конкурс страшных историй закончен!», и все словно вздохнули с облегчением. И мы вернулись к основной теме урока разговорного английского.

«У вас две минуты, готовы? Тогда... начали!» Разбившись на пары и тройки, сблизив плечи, дети старательно заговорили по-английски. Детям кажется, что две минуты – это очень мало, а они тянутся на удивление долго. Примеров фраз из учебника на все это время не хватило, и кое-кто из мальчишек принялся говорить очевидные вещи вроде «Is this a book?», «I have a... pencil!» и так далее, водя взглядом по парте перед собой, и получалось довольно бойко. А я, медленно переходя от одной парты к другой, направлялась по проходу в дальний конец класса. Сакура, которую было видно в окно, распустилась еще не совсем, только наполовину, но издали казалось, что она уже в полном цвету. Дойдя таким образом до последней пары в среднем ряду, «Рона» с «Гермионой», я повернулась к доске и еще раз внимательно оглядела всех детей. При этом я бросила взгляд на классные часы и увидела, что две минуты уже закончились.

Тут-то все и началось. «Стоп!» – объявила я, и вдруг «Рон» и «Гермиона» рядом со мной отшатнулись друг от друга и принялись ссориться. Обычно тихий «Рон» вспыхнул и повысил на «Гермиону» голос: «Я же слышал! Ты только что говорила по-японски!» «Гермиона» не уступала: «Что ты несешь? Если кто и говорил по-японски, так это ты!» Когда я успокоила обоих и расспросила, они заявили, что «отчетливо слышали, как кто-то говорил по-японски». Мало того, эти слова будто слышались «сквозь тоскливый плач». И

еще... в ответ на просьбу рассказать подробнее выяснилось, что звуки доносились «откуда-то сзади». Я стояла прямо рядом с ними, но не припомню, чтобы что-нибудь говорила. И могла с уверенностью утверждать, что за моей спиной, то есть в дальнем от доски конце класса, никого не было. Тут зашумели и остальные дети в классе. Неужели к тридцати двум ученикам прибавился еще один? И этим тридцать третьим стал призрак плачущей девочки из бомбоубежища? Как раз в тот момент в дальний угол класса, который обычно оставался темным, как бомбоубежище, и теперь казался особенно тесным, заглянул солнечный луч. Из коридора потянуло сквозняком, пыль взметнулась и, поблескивая на свету, стала плавно оседать... Помню, некоторые девочки зажали рот ладонью, словно чтобы удержаться и не завизжать.

Несмотря на раннюю весну, день выдался ужасно холодный, поэтому все окна в классе были заперты изнутри. Передняя и задняя двери остались слегка приоткрытыми, но судя по всему, в них никто не заходил. Дальняя стена класса находилась в торце школьного корпуса, поэтому донестись из соседнего класса голос никак не мог. Даже если бы «Гарри», «Рон» и «Гермиона» любили приврать, это еще не значит, что они сумели бы провести всех. Вот и вся история о том, как к тридцати двум находящимся в классе внезапно прибавился тридцать третий. Итак, какой же сюжет сложится у тебя, дедушка?

Каэдэ нарочно выдала все это единым духом, пока дед не задремал, но, на ее удачу, эти опасения оказались совершенно напрасными.

Отчетливо, совсем не так, как недавно, дед попросил:

– Каэдэ, можно мне сигарету?

Незадолго до этого все звуки ремонтных работ на водопроводе утихли – возможно, наступил обеденный перерыв. Вместо них в чистом воздухе ранней зимы разносилось уханье какой-то птицы.

– Большая горлица. Голос у нее, как у совы.

Дед расплылся в улыбке:

– Уместные звуки к рассказу о «Гарри» и его друзьях.

Каэдэ обрадовалась. У юного волшебника Гарри Поттера была белая полярная сова... То, что до деда моментально дошел ее намек, означало, что интеллект возвращается к нему в реальном времени.

– Можно сказать, что это не «вызов для читателя», а «вызов для старика, живущего в одиночку», – дед медленно повертел головой, вероятно, чтобы расслабить плечи, и вновь довольно улыбнулся. – В твоём рассказе, Каэдэ, все зацепки для решения загадки скрыты. И если бы тебе понадобилось дать ему название, то подошло бы только «Их тридцать три!»

Каэдэ поняла, что он имеет в виду.

Когда-то дед посоветовал ей прочесть знаменитую мангу Хагио Мото «Их одиннадцать!» – короткий детектив, где на космическом корабле, – иначе говоря, в идеальной «закрытой комнате», – в экипаже которого должно быть всего десять членов, внезапно появляется загадочный «одиннадцатый».

Дед перестал плавно поворачивать голову туда-сюда и посмотрел прямо в лицо Каэдэ.

– В этом рассказе есть одна значительная неувязка. И как только замечаешь ее, «загадка тридцать третьего» решается сразу же.

У Каэдэ учащенно забилося сердце.

– И что же это за неувязка?

Дед слегка прищурился, словно чтобы заглянуть поглубже в глаза Каэдэ.

– Это четко показано на схеме. То есть, как было сказано, «день выдался ужасно холодным... но передняя и задняя двери остались слегка приоткрытыми».

Как и предполагалось.

Ведь для деда нет лучше лекарства, чем детектив.

– Окна были заперты изнутри. Так почему же не закрыли и двери? И почему тогда двери оставили открытыми настолько, чтобы в них влетал сквозняк? Ответ есть лишь один: ради проветривания. Помнится, примерно полгода назад все еще свирепствовала новая, всем известная инфекция. Если вдуматься, ты как будто проверяешь, в каком состоянии моя память, – и дед искоса метнул в нее проказливый взгляд больших глаз. – Далее, о «Гарри» ты сказала следующее: «Во взгляде, который он бросил сквозь очки, мелькнул страх, но лицо, как

всегда, осталось непроницаемым». Ну, это не обман, а в сущности, недоговорка.

Дед медленным движением указал на собственный рот.

– В том, что его эмоции никто не понял, нет ничего странного. Иначе говоря, «Гарри», как обычно и как все остальные дети, *был в маске*.

– Ты не ошибся, дедушка.

– И тут сразу же возникает еще одна неувязка. Как было сказано, несмотря на риск распространения инфекции, мальчики и девочки, разбившись на пары и «сблизив плечи», заговорили по-английски. Что же это за бездумный учебный план, совершенно не учитывающий опасность заражения воздушно-капельным путем? Однако и на этот случай есть одна методика, – дед не стал ходить вокруг да около. – Дети образуют пары не с теми одноклассниками, *с которыми сидят рядом*, а с теми, кто сидит *впереди или сзади* них.

Каэдэ громко сглотнула.

– Объясню на недавней схеме. Итак, дети, сидящие за партами первого и третьего ряда, не двигают их с места. А вот сидящим во втором и четвертом ряду приходится потрудиться. Они отодвигают свои парты назад и вдобавок переносят свои стулья и ставят их с другой стороны парт, спинками к стульям впереди сидящих учеников. И приступают к диалогам на английском, сидя спиной друг к другу и обратившись лицами в противоположные стороны. Таким способом удастся также соблюдать дистанцию между парами благодаря партам. Безусловно, выражение «сблизив плечи» ложью не является. Но сидят ученики не рядом друг с другом. Они мирно продолжают сидеть каждый на своем стуле, «сблизив плечи» и повернувшись в разные стороны. Вообще-то я видел в новостях, что проводить уроки таким образом в то время пришлось по всей стране. Неудивительно, что пространство в дальнем конце класса «теперь казалось особенно тесным». В сущности, там было *теснее, чем всегда*. В каждой паре ученик, сидящий дальше от доски, не мог задвинуть колени под парту, поэтому после перестановки ряды несколько удлинились и свободного места в дальнем конце класса неизбежно осталось меньше. Как бы так выразиться... Если непонятно, что я имею в виду, может, достанешь бумагу для второй схемы, которую ты, наверное, приготовила?

«Ого, он меня насквозь видит!»

Готовая к такому повороту Каэдэ выложила второй лист бумаги.

Где-то вновь подала голос горлица, ухая, как сова. Каэдэ вспомнились часы с совой на стене итальянского бара, где она когда-то побывала.

Сова – посланница волшебника. А дед – волшебник в детективах.

– И вот мы подошли к тому моменту, который равносителен объяснению, кто же такой этот тридцать третий человек, – дед продолжил коротко, но голосом, буквально излучающим доброту: – Каэдэ, тридцать третий – это ты.

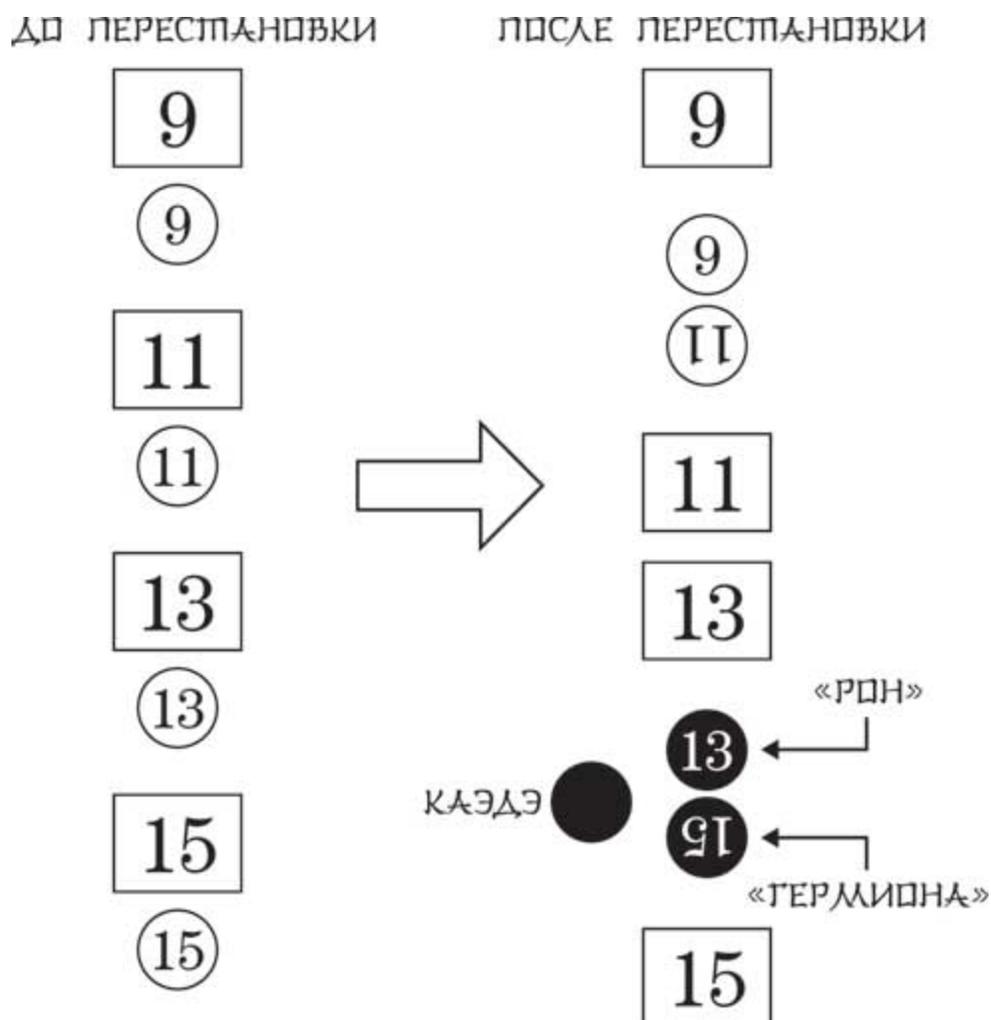
Она согласно кивнула.

– Это был первый шестой класс, в котором ты вела занятия. Весна только началась, шла первая декада марта. Этот урок разговорного английского был одним из немногих шансов пообщаться сколько душе угодно с детьми, к которым ты привязалась, – возможно, твой последний урок у них. Если так подумать, разве не поэтому ты согласилась на предложение «Гарри» провести конкурс страшных историй, чтобы он запомнился всему классу? Понятно, с каким чувством ты разрешила детям этот конкурс. Ты впервые расставалась со своими подопечными. Скоро должна была состояться их выпускная церемония. Но не они будут плакать во время нее. Навидался я такого... прослезятся наверняка учителя.

Дед ненадолго прикрыл глаза, словно заново переживая былое.

– Эти ученики, всего лишь год назад бывшие совсем детьми, теперь бойко общаются по-английски. Как же это обнадеживает. Медленно направляясь в конец класса, ты видишь сакуру – она распустилась лишь наполовину, а кажется, что уже в полном цвету. Ты останавливаешься рядом с «Роном» и «Гермионой» – последней парой по центру, и оборачиваешься, чтобы еще раз окинуть взглядом весь класс и запечатлеть его в памяти. Тут-то все и происходит. Ты совершенно произвольно шепчешь полным слез голосом – например, «да что же это, как тоскливо».

Верно.

Даже теперь этот момент помнился ей смутно. Но потом она обнаружила, что именно эти слова вырвались у нее сами собой. И это произошло независимо от ее воли. Как верно выразился дед, совершенно произвольно. Только когда уже поднялся шум, она догадалась, что стала «тридцать третьим человеком» в классе.

– Итак, «Рон» и «Гермиона», пара, рядом с которой ты стояла, услышала твой голос, доносящийся сзади. «Рону» показалось, что это голос «Гермионы», «Гермионе» – что это голос «Рона». Если сама с собой говорит женщина не старше тридцати, по ее словам не определить ни возраст, ни пол. Оба ученика в паре перепутали твой голос с голосом напарника. Однако две минуты истекли, больше этот напарник по-японски не говорил, и происходящее, как и было сказано, вдруг превратилось в страшную историю о призраке.

Каэдэ опустила голову, будто потупившись, но мысленно посмеиваясь. И когда уже собиралась спросить: «Это все, дедушка?» – он опередил ее и с усмешкой объявил, что и это еще не все.

– Скорее «вызов для старика, живущего в одиночку», нежели «вызов для читателя», превращается в задачу из двух частей. Предыдущий «сюжет» – не более чем завязка. Существует еще и развязка – «другой сюжет».

Дед решительно закончил:

– *«Тридцать третий» был еще один.*

Не может быть. Неужели даже это...

– Явный намек на это присутствует на первой схеме. Прежде всего стул ученика под номером восемь возле нижнего правого угла схемы, в отличие от остальных стульев, нарисован вплотную к парте, и это указывает, что стул так и остался придвинутым к ней. Иначе говоря, на этом месте никто не сидел. Восьмеркой обозначено место девочки, продолжавшей пропускать уроки. Места для прогульщиков зачастую оставляют в дальней части класса поближе к двери, чтобы им было проще в любой момент вернуться на урок. Так что этим местом неизбежно должно было оказаться восьмое.

«Но ведь...»

– Как ты понял, что это место девочки?

– Это я объясню потом. А пока хочу затронуть причины слов и действий «Гарри» на уроке. Про него было сказано «справедливый, но не прочь пошалить». Неужели такой человек стал бы тратить последний урок перед выпускной церемонией, драгоценное время для прощания с Каэдэ и остальными на то, чтобы напугать всех страшными историями? Разве не выглядит более естественным предположение о том, что у него были другие намерения?

И впрямь он само внимание.

– Вероятно, накануне последнего урока он несколько раз ходил домой к девочке, которая прогуливала школу, и убеждал ее вернуться – «тебя же все ждут», «давай попросимся с Каэдэ-сэнсэй всем классом». В результате этих уговоров девочка спустя долгое время все же пришла в школу, о чем ни ты, ни дети заранее не знали. И долгожданная встреча состоялась. Любитель пошалить «Гарри», видимо, подстроил маленький сюрприз. И, наверное, именно заинтересовавшись его изобретательной задумкой, девочка решила

побывать в школе. Сначала «Гарри» рассказал страшную историю про девочку в бомбоубежище. Потом, как только закончится урок разговорного английского, собирался выкрикнуть что-нибудь вроде: «Смотрите все! Вон туда, в дальний угол класса!» А девочка, пропуская школу, тогда нерешительно появилась бы в классе, войдя в дальнюю от доски дверь. И одноклассники, постоянно переживающие за нее, разразились бы восторженными криками и аплодисментами – согласно плану. Если посмотреть на дальнюю от доски дверь на первой схеме, можно без труда убедиться, что ее оставили открытой шире, чем ближнюю, чтобы этой девочке было легче войти в класс. Вот это и есть еще одна причина помимо проветривания.

– Дедушка... есть еще пара вопросов, которые мне хотелось бы тебе задать.

– Не стесняйся, спрашивай.

– Вот первый: как ты узнал, что кто-то из детей класса не посещает школу?

– Об уроке разговорного английского ты сказала следующее: «Разбившись на пары и тройки, сблизив плечи, дети старательно заговорили по-английски». Если в классе тридцать два ученика, они, естественно, разбиваются на пары. Зачем же тогда понадобилось составлять тройки? Причина очевидна: одного человека не доставало. В самом начале ты, кажется, произнесла: «В тот день в классе было общим счетом тридцать два человека». Ты просто сказала чистую правду. Да, в тот день в классе действительно находилось тридцать два человека: тридцать один ученик и ты сама.

– Тогда вернемся еще раз к вопросам. Как ты понял, что тот прогульщик – девочка?

– Опять-таки из твоих собственных слов.

Знала же, что он заметит...

– Услышав от «Гарри» о девочке в бомбоубежище, ты, «переживая за *ту самую* девочку, в тот момент невольно перебила». Ты не находишь в указательном местоимении ничего странного? Если бы ты переживала о дальнейшей судьбе девочки из бомбоубежища, тебе следовало назвать ее «*этой* девочкой». То есть ты, слушая рассказ о девочке из бомбоубежища, переживала за другую – *ту самую* девочку, которая прогуливала уроки. В романе Сэйси Ёкомидзо «Гокумонто»

знаменитый детектив Коскэ Киндайти ломает голову над «задачей тэ-ни-о-ва» – известной последовательностью частиц японского языка, а у нас все в итоге свелось к «задаче ко-со-а-до» об указательных местоимениях. Однако наш сюжет не такой мрачный, наверняка финал у него радостный... м-м, вижу «картинку»! – Дед взгляделся в сиреневый дымок «голуаз». – «Смотрите все! Вон туда, в дальний угол класса!» И по сигналу «Гарри» девочка, как обычно, потупившись, медленно входит в класс через дальнюю дверь. После мгновенного изумления Каэдэ и весь класс поражаются громом аплодисментов. «Гарри», сыгравший столь важную роль, снимает очки и утирает слезы радости: «Нет, никакой это не призрак. Все вместе – “с возвращением!”», три-четыре! – С возвращением!» За дверью класса мать девочки, сопровождавшая ее, еле сдерживается, чтобы тоже не расплакаться. Теперь вместе с Каэдэ и девочкой, пропускавшей уроки, все тридцать три человека собрались в полном составе – это и есть радостное завершение сюжета «Их тридцать три!»

Словно подавая знак, что разговор окончен, дед с кряхтением откинулся на спинку кресла.

И тут...

Из прихожей донеслось сразу несколько голосов: «Извините за беспокойство!» С точки зрения Каэдэ, момент был самым подходящим, но за манеры ей стало неловко.

– Ох уж эти дети... сказали же им – позвонить, как полагается!

– Кто это там?

– «Гарри», «Рон» и «Гермиона».

– Как ты сказала?

– На днях я случайно встретила всех троих в поезде. Все они учатся в одной и той же средней школе, и по предложению «Гермионы» организовали клуб изучения детективов, фантастики, фэнтези и хоррора. Но они уже прочитали почти все книги этих жанров, какие только нашлись в школьной библиотеке. И я спросила, не хотят ли они зайти в гости к моему дедушке.

– Можно войти? – послышался милый сердцу Каэдэ голос «Гарри».

«Ого, у него уже немного ломается голос!»

Это было и забавно, и вместе с тем как-то трогательно.

– Слишком накурено, нехорошо.

Краем глаза посматривая, как не скрывающий радости дед бросается открывать окно, чтобы выгнать сиреневый сигаретный дымок, Каэдэ откликнулась:

– Входите, пожалуйста!

И в кабинет вошли сразу трое, совершенно разные по внешности и росту. Разумеется, на самом деле внешне они ничуть не напоминали персонажей книг о Гарри Поттере, но, по мнению Каэдэ, характером действительно походили на них. «Рон» и «Гермиона» сразу же загомонили:

– Ничего себе комната... Отпад, и правда сплошь одни книги!

– Как не стыдно! Сначала поздоровайся!

– Вроде бы в саду здесь полно сверчков. А вот и новейший определитель насекомых.

– Нет, это не значит «поздороваться»!

Знакомство состоялось.

– Мадофуки-сэнсэй, – поддев очки на носу средним пальцем и окидывая взглядом стеллажи с книгами, перешел к главному вопросу «Гарри», – если не ошибаюсь, кажется, здесь есть страшные книги, которых мы еще не читали... можно время от времени заходить и брать их?

– Это невежливо! «Нельзя ли нам иногда навещать вас и заимствовать на время ваши книги», – поправила «Гермиона».

– По-моему, с этим выражением что-то не так, – подхватил «Рон».

Дед расхохотался.

– Приходите и берите книги в любое время. Что касается известных страшных романов, здесь они собраны почти все. Вот, к примеру... вам ведь больше всего хотелось, чтобы девочка, пропускающая уроки, вернулась в класс? В таком случае, как насчет истории, в которой «сбывается все, чего только пожелаешь»?

– Но это же как будто просто обычная сказка. Не может быть в ней ничего страшного.

– Ты так думаешь?

Дед расплылся в проказливой улыбке. А потом, указывая на ближайший стеллаж в углу, точно тем же тоном, каким говорил о сбывающихся желаниях, произнес название жуткого рассказа:

– Каэдэ, ты не принесешь сборник Джейкобса с «Обезьяньей лапкой»?

Глава 5. Призрачная женщина

1

Сначала получился снимок твой,
Но нет, не замечаешь ты, похоже.
Потом был «парный снимок» нас с тобой,
Но нет, не замечаешь ты, похоже.

«Какое же беспокойное выдалось субботнее утро!» – думала Каэдэ.

Река медленно и важно протекала по окраине Ситамати. Обхватив руками колени, Каэдэ сидела на залитом ласковым зимним солнцем береговом откосе и смотрела на движение воды так, словно не видела ничего, кроме текущей перед ней реки. Вдалеке, у противоположного берега, занятое его укреплением судно продвигалось вперед такими неспешными темпами, что казалось, будто оно стоит на месте.

В отличие от этой сцены покоя и умиротворения, по пешеходной дорожке за спиной Каэдэ непрерывно сновали туда-сюда люди, радуясь прогулке или пробежке. Со стороны спортивных площадок на прибрежной террасе то и дело доносились веселые голоса играющих в бейсбол, теннис и крокет. Но слух Каэдэ невольно воспринимал их энергичные возгласы так же, как навевающую дремоту размеренную тряску и шум поезда с исправно работающим отоплением, который привез ее сюда.

«Да что ж это такое, все время клонит в сон...»

Она с трудом подавила зевок, и тут откуда-то сверху раздался сердитый голос:

– И долго вы еще будете прохлаждаться?

Ивата в образе бегуна возник рядом и застыл над ней со скрещенными на груди руками, как статуя у ворот буддистского храма.

– Когда отдыхаешь, бездействующая часть мышц теряет эластичность, ноги тяжелеют. И в первую очередь вред марафонскому бегу наносит убеждение, что сойдут и обычные кроссовки.

– Обычные? – обувь она выбрала в самом деле за привычный неброский цвет, но ответила все равно недовольным тоном: – Как было сказано, я купила приличные беговые.

– Вот и постарайтесь как следует. Ну, а теперь восполните потери жидкости и вставайте.

«Вот пристал».

Промочив, как было велено, горло из пластиковой бутылки с минералкой, Каэдэ вскарабкалась вверх по откосу и снова побежала следом за Иватой.

Через три недели в начальной школе, где работала Каэдэ, должны были пройти большие состязания по марафонскому бегу. В обычное время настолько далекий от спорта человек, как Каэдэ, не имел бы к этому событию никакого отношения, но в этом году дело обстояло несколько иначе.

Неизвестно, какими судьбами, но Каэдэ выпало сопровождать детей, участвующих в состязании, – замыкать колонну, присматривая за последним из них. Скорее всего, имел место коварный замысел Иваты, который, как и каждый год до этого, взял на себя обязанности лидера, бегущего во главе колонны.

Каэдэ сверлила укоризненным взглядом спину Иваты, ритмично покачивающего плечами на бегу. И опять размышляла, так ли необходимо, пусть даже ради нескольких тренировок, ездить с пересадками на поезде в такую даль и оставлять вещи в автоматической камере хранения на станции, отправляясь бегать. Тем не менее, во время бега, хоть и бесцельного, ей отчасти удалось понять, почему Ивата так ценит это место и время, проведенное здесь.

Места на мощеной дорожке, ширина которой составляла метров пять, хватало людям, чтобы разойтись. Пожилые, почтенные с виду супруги, ведущие крупную собаку, с улыбкой поздоровались с Иватой, проходя мимо. Достаточно было увидеть, как отчаянно их ирландский сеттер размахивает хвостом, чтобы понять, что и пес, видимо, хорошо знаком с Иватой.

Потом какой-то парень, одетый, как полагается серьезному бегуну, в олимпийку и леггинсы, тоже поздоровался с Иватой и похвалил его

за старание, спустив с подбородка шарф-хомут, сверкнул в улыбке белыми зубами и побежал дальше.

«И в самом деле приятно...»

Это бодрящее общение с местными завсегдатаями, встреченными в субботу на пешеходной дорожке, давалось легко.

Вдруг Каэдэ заметила еще одного из них – на этот раз одетую в куртку с капюшоном женщину лет тридцати пяти с виду, которая направлялась в их сторону энергичным шагом, методично работая руками, согнутыми в локтях под прямым углом. Когда и ее взгляд остановился на Ивате, она перевела дух и остановилась.

– Доброе утро, Ивата-сэнсэй. Вы так стараетесь, каждую неделю приходите!

Отхлебнув глоток какого-то напитка из емкости, завернутой в полотенце для рук с броской картинкой из аниме, она мельком взглянула на Каэдэ.

– Так-так... – прижав локтем свой напиток к боку и шутливо прикрывая рот обеими ладонями, незнакомка зашептала Ивате: – А она симпатичная, правда? Случайно... не ваша подружка?

Э, минуточку!

Незачем было прикрывать рот. Все и так более чем прекрасно слышно.

– Нет-нет, пока что ничего такого.

И все же это чересчур.

Женщина в куртке с капюшоном, сказав: «Извините, что задержала. Еще увидимся, верно?», расщедрилась на многозначительную улыбку для Каэдэ, снова согнула руки в локтях под прямым углом и удалилась ритмичной походкой.

Но ведь она все не так поняла.

Однако... Каэдэ постучала себя по ляжкам, где в мышцах скопилась молочная кислота.

«Пожалуй, закрою на это глаза – за то, что он показал мне такое хорошее место».

И она, перестав сетовать, снова побежала следом за Иватой, но не имея привычки бегать, вскоре запыхалась. «Постойте! Ивата-сэнсэй, чуть помедленнее!»

Так нельзя. Это же невыносимо.

Но когда Ивата обернулся, его голос прозвучал совершенно ровно, в отличие от голоса Каэдэ.

– А Сики так и не явился. Да уж, в субботу утром этого малого с места не сдвинешь.

– Э?.. Что?..

– А-а, вон оно как.

Заметив, что Каэдэ на последнем издыхании, Ивата остановился со словами: «У Каэдэ-сэнсэй тоже прекращение всякой активности?» и ухмыльнулся так, что морщины изменили его лицо до неузнаваемости.

– Тогда на этот раз поставим перед собой цель дойти вон дотуда.

Каэдэ потащилась к железному мосту, на который указал Ивата, красиво назвав этот этап тренировки «заминкой». И тут со стороны моста послышался звучный баритон:

– Оба молодцы, так стараетесь.

Обладатель баритона, приглаживая длинные волосы, достал из магазинного пакета банку пива.

– После пролитого пота это как раз то, что надо, – заявил Сики.

Мост, проходящий над тем местом, где пешеходная дорожка делала разворот, отбрасывал большую тень на прибрежную террасу. Втроем они отыскали на выложенном рельефной бетонной плиткой береговом откосе нагретое солнцем местечко, уселись рядом и открыли банки. Все еще ледяное пиво вливалось в разгоряченное тело, освежая его.

– Блаженство... – само собой вырвалось у Каэдэ.

Если до недавнего времени пиво оставалось для нее просто горьким, то теперь она, кажется, распробовала его вкус.

– Эх, с таким трудом сжигал калории, и все напрасно, – сетовал Ивата, но все же пил большими глотками, громко булькая. – Ладно, считай, что это тебе спасибо, – он метнул недовольный взгляд в Сики. – Слушай, а чего ты не пришел, как договаривались?

– Не-не, минутку! – запротестовал расплывшийся в улыбке Сики.

В этот момент до Каэдэ дошло, что между ними общего.

Так и есть. Внешне совершенно разные, оба улыбались на редкость обаятельно.

– Сэмпай, вы ведь с самого начала понимали, что я не приду. Надо быть не в своем уме, чтобы выйти на пробежку субботним утром.

– Слушай, хоть утро и субботнее, сбор был назначен на десять. Не такая уж несусветная рань.

– А по-моему, она самая. И потом, несмотря на то, что вы бегали вдвоем, вы были этому только рады, сэмпай.

– Хватит болтать, дай-ка еще пива.

– Сейчас. – Сики на редкость точным движением бросил Ивате банку пива и заодно передал Каэдэ воду. – Ну что, какую еще детективную скучищу вы читали в последнее время?

Началось.

Вступление сегодня, прямо скажем, тоже «скучища».

– А не заскучаете, слушая про нудные детективы?

– Тем приятнее придирается к их недостаткам. В этом и заключается прелесть, простительная только такой специфической литературе, как детективы.

Тут неожиданно вмешался Ивата, не дав Каэдэ ответить.

– Вечно вы болтаете про детективы только между собой. В кои-то веки дайте и мне слово сказать.

– Что? – не понял Сики.

– Так можно сэмпаю высказаться про эти ваши детективы или нет?

– Эй, повежливее!

Ивата отхлебнул пива, чтобы промочить горло, и самодовольно заявил:

– Я придумал уникальную теорию. Крышу снесет, вот увидите. Называется «детективная теория профессионального рестлинга».

Сики изумленно вытаращил глаза. Похоже, в нем пробудилось любопытство.

– Очень хотелось бы послушать.

Воодушевленный словами Сики, Ивата надменно фыркнул.

– Вот смотрите, Каэдэ-сэнсэй... мне ведь нравится профессиональный рестлинг, так?

– Впервые слышу.

– Разве?

Растерянно почесав сбоку нос, Ивата повернулся к Сики.

– Понимаете, профессиональный рестлинг и детективы очень похожи друг на друга. Взять хоть, к примеру, «характерные слова», которые обязательно появляются в детективах. Однако и в сфере

рестлинга те же слова – обычное явление. По такому случаю устроим викторину. – Ивата повысил голос. – Внимание, вопрос! Как по-вашему, какое «характерное слово» из двух иероглифов часто употребляется и в детективах, и в профессиональном рестлинге? Кто раньше скажет, тот и выиграл!

Оба выпалили почти одновременно:

– Кровь!

– Кровь же.

– Пра-а-вильно, – с явной досадой протянул Ивата. – А как вы оба поняли?

– Сэмпай, это ведь просто.

– По-моему, все просто.

– Хватит уже отвечать хором.

Сики с озабоченным видом обратился к недовольному Ивате:

– Но мне кажется, одного этого слишком мало...

– Не болтай чепухи. У «детективной теории профессионального рестлинга» куча доказательств. – Ивата вытащил из поясной сумки блокнот, поплевал палец и перелистал страницы. – Я же проверил все как полагается. Был раньше знаменитый рестлер Киллер Карл Кокс, так ему дали жуткое прозвище. Его звали «безжалостным убийцей». Ну вот, все же сразу ясно.

– Слишком просто.

– По-моему, слишком просто.

– Сказал же – хватит отвечать хором! М-м... есть и другие, да полно рестлеров с детективными прозвищами. Во-первых, Стив Уильямс – «доктор-убийца». Разве от того, что врач совершает убийства, не становится страшно сразу же? Затем нельзя не назвать «бойца-нарушителя закона об огнестрельном и холодном оружии» Карла Андерсона. Куда только смотрит полиция? И это еще не все. Самый наглядный пример – пожалуй, Конвикт, «заключенный». Во всяком случае, этот человек – одетый в тюремную робу смертник, которого выпускают на свободу только на время матчей, – и Ивата шумно захлопнул блокнот, словно спрашивая: «Ну, каково?»

– М-да... и это все? – отозвался Сики.

– Все, конечно. Но если что, такого материала навалом.

– Да тошнит от него уже. – Сики с тяжким вздохом откинул волосы. – Если уж доказываешь «детективную теорию

профессионального рестлинга», мог бы сосредоточить внимание на чем-нибудь существенном. Действительно, между этими сферами есть много общего. Однако сходство между нарочито эксцентричным имиджем рестлеров и образами убийц из детективов не более чем поверхностное. Предлагаю еще раз обратиться к профессиональному рестлингу, как к зрелищному виду спорта в целом, так сказать, рассмотреть его в полный рост.

– Как-то сложно это.

– На самом деле все просто. В продуманном, зрелищном профессиональном реслинге во время открытия сезона обязательно случается какое-нибудь внезапное происшествие, потрясающее публику. К примеру, впервые выступающий на состязаниях и, по слухам, выдающийся боец демонстрирует огромную силу и побеждает признанного чемпиона, или же, ввиду появления новой фигуры или предательства, расстановка сил в группе разом меняется – такие события во время открытия сезона можно как раз-таки считать подобием неожиданной завязки в детективах.

Сики разошелся и останавливаться не собирался.

– С началом национального турне из неожиданных происшествий, случившихся во время первых матчей, разрастаются многочисленные сюжеты, основные темы которых бывают самыми разными: давняя вражда, дружба, справедливость, месть, даже возраст нередко становится одной из таких тем. Все это соответствует стремительному развитию событий в средней части детектива, – и Сики, не обращая внимания на то, как ошеломлены напором двое его слушателей, продолжал: – А потом все эти сюжеты доводят до самого финала таким образом, чтобы больше из них уже ничего нельзя было выжать. Идеальный боец, не имеющий недостатков, – можно сказать, похваляющийся божественной мудростью знаменитый детектив, который прибегает к неожиданным приемам, чтобы совладать с самым опасным противником. Катарсис зрителей, покидающих место проведения матча, сродни впечатлениям, которые остаются после прочтения хорошего детектива. Пожалуй, можно сказать, что возникновение этого сходства возможно именно потому, что и то, и другое – «продукт» в хорошем смысле слова. Более того...

– Хватит! – не выдержал Ивата и недовольно добавил: – Нечего доказывать чужую теорию на свой лад. Да еще так, что она кажется

глубже моей.

– Просто вы, сэмпай, неглубоко копаете.

– Вот прицепился! Ты же терпеть не можешь любой спорт, что ж тогда с таким жаром разглагольствуешь об одном только профессиональном рестлинге?

– Профессиональный рестлинг – это не спорт, а романтика.

– Романтика?..

– Квадратный ринг со стороной шесть метров – это не что иное как холст, на котором рестлер живописует историю своей жизни. И кроме того...

– Да ты надрался, иди-ка уже домой! Сам хоть понимаешь, что несешь?

Пока продолжалась нескончаемая перепалка, похожая на бой в рестлинге, Каэдэ открыла вторую банку пива и вдохнула постепенно теплеющий зимний воздух.

Тот самый момент настал, как раз когда Каэдэ заметила, что, к ее удивлению, невыразимо приятным кажется не только пиво, но и атмосфера в их маленькой компании.

Каэдэ вдруг ощутила странный взгляд, направленный на нее откуда-то сверху. И когда медленно и нерешительно подняла глаза, то увидела, что на пешеходной дорожке, проходящей по мосту, стоит некто, положив ладони на перила, и пристально смотрит на нее сверху вниз. Нет, стоило бы сказать, что не просто смотрит, а так, словно следил за ней, пока наконец не «высмотрел».

Освещенный сзади, неизвестный выглядел снизу как темная тень. Однако Каэдэ показалось, будто эта «тень» с умыслом выбрала положение сверху и освещение сзади, чтобы ее, Каэдэ, поднятое лицо открылось внимательному взгляду.

– Извините, что отвлекаю в самый интересный момент, – зашептала она своим спутникам, стараясь не смотреть в сторону моста. – Видите человека на мосту?

– Угу, – кивнул Ивата.

– Да, вижу, – подтвердил Сики.

– Вообще-то уже примерно месяц меня неизвестно почему не покидает ощущение, будто кто-то ходит за мной по пятам. Но это, наверное, оттого, что я слишком мнительная, – и Каэдэ сбивчиво продолжала: – Но также примерно месяц назад мне чуть ли не каждый

день начали звонить по телефону и молчать в трубку. Извините, самой смешно. Просто навывдумывала неизвестно что...

Едва услышав это, Ивата, не говоря ни слова, сорвался с места и помчался напрямиком к лестнице сбоку от опоры моста.

– Подождите, Ивата-сэнсэй!

– Нет, давайте кое-что уточним. – Сики взялся всеми пятью тонкими пальцами за собственный заостренный подбородок. – Каэдэ-сэнсэй, при этих звонках, разумеется, «номер скрыт»?

– Верно. Но часто указано, что звонят с телефона-автомата.

– Неподалеку от вас есть телефонная будка?

– Да, прямо перед домом. А в наши дни телефонные будки попадают редко.

Сики не ответил, устремив взгляд на искрящуюся поверхность воды. Когда молчание стало для Каэдэ невыносимым, она с вымученной улыбкой обратилась к Сики:

– Да это наверняка телефонная шалость. Простите, что всполошила вас своими личными делами.

– Нет.

Настолько серьезным, как в этот момент, Сики она еще никогда не видела.

– Такие вещи лучше не оставлять без внимания.

Тут вернулся запыхавшийся Ивата:

– Чтоб его! Мигом удрал. Бегать он здоров.

А потом заявил слово в слово, как Сики:

– Такие вещи лучше не оставлять без внимания.

Заметишь? Вот бы знать наверняка,
К тебе сегодня обращались много раз
Гораздо ближе, чем ты думаешь сейчас,
Почти что рядом, не издалека.

Ровно через неделю, субботним утром...

Ивата бежал по той же пешеходной дорожке, только теперь он был один. Казалось, по сравнению с прошлой неделей сильно похолодало. Хотя по прогнозам воздух, наоборот, должен был прогреться градуса на три.

«А все равно холодно! – и у Иваты мелькнула мысль, которую даже осознавать было неловко: – Наверное, это потому, что Каэдэ нет рядом... Ну нет, ты это брось. Слюнтяй ты, Ивата».

Он приезжал сюда на одинокие пробежки регулярно каждую субботу, хоть дорога и занимала почти час, но еще ни разу не чувствовал себя так тоскливо и одиноко. А ведь он, наверное, сам отговорил ее тренироваться здесь, сказав, что если тот человек в самом деле следит за ней, на прибрежной террасе ей лучше не бывать. Причина в том, что еще на прошлой неделе он повел себя, как слюнтяй.

Вот если бы он открыто пригласил ее! Но он, боясь отказа, позвал за компанию и Сики. И когда поначалу тот не явился, как же Ивата обрадовался!

Встряхнув головой, он снова прибавил скорость. Хорошо еще ветровка, которую он предусмотрительно надел, узнав из прогноза о надвигающихся дождях, сработала, как костюм-сауна, и мигом согрела его.

Пока Ивата здоровался с пожилой парой, выгуливающей ирландского сеттера, и обменивался приветственными улыбками с парнем в олимпийке и леггинсах, у него потеплело на душе.

Да, чувство и впрямь приятное. Все-таки здесь лучше, чем где бы то ни было. Так что...

«Родителям бы об этом месте рассказать», – пришла к Ивате запоздалая мысль.

Немного погодя Ивата приблизился к опоре моста, неподалеку от которой неделю назад пил пиво.

«Передохнуть?»

Метрах в пятидесяти впереди на дорожке он заметил идущую в его сторону женщину в куртке с капюшоном, с которой виделся неделю назад. Приветственным жестом вскинув руку, она сошла с дорожки на дамбу.

С затянутого тучами неба послышался далекий рокот грома. Приближался, видимо, обещанный прогнозом ливень. Наверное,

поэтому сегодня на прибрежной террасе не было ни души.

Нет, кто-то все-таки здесь был.

Ивата заметил в тени гигантской опоры моста двоих мужчин, между которыми по неизвестной причине кипела ссора. Холодный ветер доносил до Иваты их резкие, сердитые голоса. Похоже, ссорились они не из-за пустяков.

– В чем дело?

Сбежав по бетонному откосу дамбы, Ивата поспешил к незнакомцам. Его крик они то ли не слышали, то ли намеренно пропустили мимо ушей, но вдруг сцепились, обхватив друг друга обеими руками, и ссора переросла в еще более ожесточенную драку.

Одному из них, одетому в деловой костюм, с виду было лет пятьдесят. Другой, в оранжевой футболке, выглядел молодым, не старше тридцати. Молодой что-то вопил пронзительным голосом.

И тут старший мужчина, словно ставя точку, с силой толкнул молодого.

– Будешь знать, как со мной не считаться!

И он замолотил противника обеими руками.

– Ты чего? – в изумлении пробормотал молодой.

Старший мужчина, даже не взглянув на Ивату, бросился бегом в сторону опоры моста. А младший начал медленно оседать на колени – Ивата едва успел подхватить его. От ударов по голове он, похоже, сумел увернуться.

– Вы как, ничего?

Но ответа не последовало. Незнакомец, глаза которого по-прежнему были закрыты, бледнел прямо на виду у Иваты. Выглядел он на удивление юным.

«Да он же совсем как дети из моего класса – может, ему и двадцати нет!» – мысленно возмутился Ивата, и тут задел тыльной стороной руки что-то твердое, выпирающее. По-особенному твердое.

«Неужели?..»

Осязание не подвело Ивату: в животе юного незнакомца торчал нож. Шея, под которую Ивата поддерживал его левой рукой, вся взмокла.

Но пот был не единственной жидкостью, увлажнившей тело раненого. Другая, темно-алая, смотрелась особенно ярко на оранжевой футболке, которую окрасила.

Кровь.

Убийство.

Орудие убийства.

Почему-то в памяти всплыли слова из состоявшегося неделю назад спора о детективах. О чем он только думает в такую минуту?

– Держись! Сейчас вызову скорую.

По-прежнему обхватив руками раненого, Ивата попытался достать из поясной сумки смартфон. Но молния на сумке никак не поддавалась. Да что ж за дрянь!

«А-а, вот оно что, – Ивата наконец понял, почему не расстегивается молния. От липкой застывающей крови руки стали скользкими. – Спокойно, без паники. Дорога каждая минута и секунда».

В этот момент вдруг крупными каплями пошел дождь. Ивата поднял взгляд. И увидел, что на дамбе стоит, зажимая рот ладонью, женщина в куртке с капюшоном. Спасен!

– Вы видели?

Женщина закивала.

– И того человека видели, который сбежал?

Женщина закивала еще усерднее.

– Извините, вы не могли бы вызвать скорую? – во весь голос прокричал Ивата. Он сомневался, что сумеет правильно набрать номер клейкими от крови пальцами, даже если наконец достанет смартфон из сумки.

Но... женщина совершила поступок, которого Ивата никак не ожидал. Словно и не слышала его, она энергично и быстро зашагала прочь.

– Стойте, подождите! Эй!

На миг Ивате показалось, что по его лицу течет не дождь, а слезы.

– Да что ж такое-то! Эй! Э-э-эй!

В чем дело? Ведь они же всегда здоровались по-дружески. Почему она сбежала? Разинув рот, растерянный Ивата не сводил глаз с женщины, удаляющейся по пешеходной дорожке.

Припустивший дождь с силой заколотил Ивату по щекам, и он спохватился: «Точно, надо же вызвать скорую!»

И только он опомнился, из-за спины прозвучал негромкий, но властный голос:

– Ни с места.

Ивата обернулся: за ним стоял немолодой полицейский в форме, держа дубинку.

– Оставайся там, где стоишь. Не двигайся.

– Господин полицейский, скорую быстрее!..

– Только что вызвал. Сперва медленно отпусти это.

«Что – это?»

Опустив глаза, Ивата увидел, что крепко держится правой рукой за рукоятку ножа.

«С чего вдруг я в него вцепился?» – Ивата поспешно отдернул руку от ножа, торчащего из живота парня. Возможно, он так и не решился вытащить нож в качестве меры первой помощи, но все же схватился за него, сам того не сознавая.

– Будь добр, медленно подними правую руку.

Ивата сделал, как велено, и застыл в такой позе, будто подзывал такси. При этом у него перед глазами мелькнула собственная окровавленная ладонь.

Бр-р.

На губах раненого парня, которого Ивата по-прежнему поддерживал коленями и левой рукой, вспухали кровавые пузыри.

«Прошу, не умирай!»

– Только голову в другую сторону поверни... вот так. Не надо на меня смотреть, так и стой, пожалуйста.

Неестественно-спокойный голос полицейского отзывался в ушах у Иваты странным ощущением неловкости. И вежливое обращение тоже как-то раздражало. А главное, скорая помощь до сих пор не приехала.

– Экстренный вызов, экстренный вызов. Докладываю управлению и всем «пэ-эм» вблизи данного района...

Видимо, он говорил по рации. А «пэ-эм» – сокращенно «патрульная машина».

– ...вблизи опоры моста произошел инцидент, есть пострадавший. За исполнителем ведется наблюдение в непосредственной близости. С нашей стороны... связь прервалась. Управление, меня слышно? Прием. Повторяю, исполнитель в настоящий момент под наблюдением. Полагаю, задержать его смогу, но вероятность сопротивления не

исключена. Запрашиваю срочное подкрепление у находящихся рядом «пэ-эм». Повторяю, срочное...

– Пойдите, господин полицейский, это не я! Тот человек сбежал...

– Прекратить разговоры.

К ощущению, что полицейский медленно приближается, примешивалось позвякивание металла.

«Наручники?»

Ливень хлынул, когда не ждали.

Зачитавшись с самого утра, Каэдэ не сразу заметила, что начался дождь.

Торопливо занеся с балкона выстиранное белье, она снова устроилась на диване-кровати и взялась за книгу Хиллари Во – автора детективов, который в последние годы был заново оценен по достоинству. Книга называлась «В ту ночь шел дождь». «Какое элегантное и лаконичное заглавие», – вновь подумала Каэдэ.

Бережно вынимая и откладывая на стол заламинированное сокровище – служившую закладкой вырезку с некрологом Сэтогавы Такэси, она заметила всплывшее рядом с иконкой звонков на экране смартфона необычно большое число – пятнадцать.

В последнее время ей стали еще чаще звонить и молчать в трубку, так что она обычно переключала телефон в режим «не беспокоить». По этой причине входящих звонков она не замечала и на этот раз пропустила аж пятнадцать.

Кто ей звонил – «номер скрыт»? Или «телефон-автомат»?

Каэдэ с беспокойством проверила историю входящих.

«Ивата-сэнсэй».

«Ивата-сэнсэй».

«Ивата-сэнсэй».

«Да нет, не может быть».

Строки с одинаковым именем зловеще выстроились на экране. Неужели все пятнадцать попыток дозвониться до нее предпринял

Ивата? Мало того, все звонки были сделаны один за другим за какие-нибудь пять минут, всего лишь полчаса назад.

«Значит, это не шутки».

Каэдэ встревожилась. Силясь унять нарастающее сердцебиение, она вернулась на основной экран и увидела, что от Иваты пришли еще три короткие эсмэски:

«Женщина».

«Исчезла».

«Найдите».

Сообщения отправили сразу после пятнадцати попыток дозвониться.

«Да что же это значит? В чем дело?»

Нет, в такой ситуации мысли о том, что это значит, Каэдэ решила оставить на потом. И сразу же перезвонила Ивате.

Но сколько раз она ни пыталась связаться с ним, слышала только механический женский голос: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

«Простите, Ивата-сэнсэй. Дозвониться я не смогла, и мне правда очень жаль».

Но он, возможно, скоро снова позвонит сам. Каэдэ отключила режим «не беспокоить» и открыла контакты, чтобы посоветоваться с Сики.

В этот момент ее смартфон издал громкий сигнал вызова.

– Ой!

От неожиданности вскрикнув так же громко, Каэдэ уронила смартфон. А когда сразу же подхватила его и взглянула на экран, увидела незнакомый номер.

«А вдруг это Ивата звонит с домашнего телефона?»

Она поспешно нажала иконку ответа.

– Алло! Извините, что беспокою в выходной, – слышался сиплый мужской голос. – Это телефон госпожи?.. – уточнил незнакомец, назвав фамилию Каэдэ.

– Да, верно, а в чем дело?

– Я из полиции, – собеседник Каэдэ вежливо представился, назвав свое имя и должность, и бесстрастным тоном перешел к делу: – Видите ли, госпожа, приходящийся вам коллегой Ивата-сан только что был взят с поличным по обвинению в нанесении тяжких телесных

повреждений. Поэтому в настоящее время он проходит процедуру оформления для помещения под арест.

– А?..

У нее опять невольно вырвался громкий возглас, похожий на крик.
«Нанесение тяжких телесных повреждений? Взят с поличным? Помещение под арест?»

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы понять смысл этой последовательности слов, которой она никак не ожидала.

– Алло, вы меня слышите?

– Что?.. А, да, слышу.

– На вопрос о контактных лицах для экстренной связи Ивата-сан ответил мне, что у него нет ни родителей, ни братьев или сестер. Родственников тоже нет. И взял на себя смелость назвать ваше имя. Скажите, вы ведь не против?.. Алло!

Каэдэ опять не сразу нашлась с ответом. Прижав ладонь к груди, она кое-как выровняла дыхание.

– Да, все в порядке.

– Как правило, мы не видим причин сразу же связываться с местом работы лиц, имеющих отношение к инциденту. Ну, обстоятельства обстоятельствам рознь, и в том маловероятном случае, если в месте содержания под стражей сложится непредвиденная ситуация и возникнут проблемы того или иного рода, позиция начальства предполагает незамедлительную связь с вами.

– Минуточку! Под этой непредвиденной ситуацией подразумевается... – собравшись с духом, она выговорила ненавистное слово: – ...самоубийство?

– Разъяснить позицию начальства на этот счет я не уполномочен. Итак, поскольку я позволю себе изложить порядок свиданий, нельзя ли попросить вас приготовиться записывать?

«Успокойся. Что вообще такое это “начальство”?»

– А... вы не могли бы сначала подробнее объяснить, о каком именно инциденте с нанесением повреждений идет речь?

– Поскольку следствие по делу продолжается, у меня нет таких полномочий. В этой связи прошу вас во время свидания воздержаться от упоминаний об инциденте. Свидания можно лишиться в любой момент, даже если оно уже идет.

– Вот как... – у Каэдэ чуть не вырвался вопрос, не является ли и это правило позицией пресловутого начальства.

– Итак, повторяю, можно попросить вас подготовиться записывать?

Пока Каэдэ делала записи, ее рука дрожала. Кое-что потрясло ее сильнее, чем известие об аресте Иваты за нанесение телесных повреждений. А именно то, что у оптимиста Иваты нет ни родителей, ни братьев или сестер. Тем быстрее ее ручка бегала по бумаге. Глазам вдруг стало горячо и больно.

– Алло, Сики-кун? Уже на ногах?

– ...Н-нет. То есть да.

Каэдэ сгорала от смущения. И решила больше никогда не звонить в субботу раньше полудня, но сегодня экстренная ситуация.

– Вы извините, только держитесь, ладно? – и Каэдэ без обиняков изложила Сики суть дела.

– Кошмар! – похоже, даже Сики разом проснулся, как она и ожидала. – Это лишь предположение, но, кажется, сэмпай звонил вам, Каэдэ-сэнсэй, непосредственно перед арестом или сразу после него. Ну, а эсэмэски в отчаянии отправил, к примеру, из патрульной машины, как только улучил минуту.

– М-м, думаю, да.

Ее вновь охватило раскаяние. Ну почему она не заметила? Стоило ей только мельком бросить взгляд на экран, она могла бы приехать...

– Ну, а теперь смартфон наверняка уже изъяли, – заключила она.

– Видимо, да. Вот я и хотел бы как можно скорее побывать там и подробно расспросить сэмпая о ситуации. Но судя по тому, что мне известно о расследованиях из одной судебной пьесы, в которой я участвовал ранее, законом запрещено обсуждать случившееся во время таких свиданий.

– Тот полицейский тоже так сказал.

– И потом, поскольку три дня после ареста, в так называемые «первые семьдесят два часа», основное внимание уделяется всестороннему расследованию, думаю, сразу же свидания не разрешат. Ну, по крайней мере, я подам запрос.

– Со своей стороны я тоже попробую.

– Как скажете, – на другом конце телефонной линии Сики, наверное, пригладил волосы. – А пока свидания не разрешили,

проработаем стратегию. Я придумаю план действий, – невозмутимо заявил он.

После множества поданных прошений им двоим все же наконец разрешили свидание с Иватой – через четыре дня после ареста, в среду на следующей неделе.

Поскольку день был будний, Каэдэ пришлось взять в школе отгул по болезни, но ничего другого ей не оставалось. Ради Иваты она попросила Сики назваться его младшим братом и в целях соблюдения приличий уйти в недельный отпуск ввиду непреодолимых семейных обстоятельств.

Положение казалось крайне серьезным даже Каэдэ. По истечении семидесяти двух часов Ивату не отпустили, то есть из полиции в прокуратуру поступило первое ходатайство о содержании под стражей, и это означало, что подозрения полиции против Иваты неуклонно усиливаются.

Пока они с Сики завершали в отделе предварительного заключения процедуру оформления допуска, Каэдэ старательно обдумывала с трудом собранную информацию, имеющуюся у них на данный момент.

Сообщения, относящиеся к этому делу, появились лишь сегодня, и то это были заметки в несколько строчек в некоторых вечерних газетах. Из этих заметок удалось вычитать только жалкие крупички информации.

В них говорилось, что в прошлую субботу, примерно в одиннадцать утра, на прибрежной террасе у реки А. острым ножом были нанесены тяжкие телесные повреждения. Девятнадцатилетний пострадавший по-прежнему без сознания и в тяжелом состоянии с неопределенными прогнозами.

Двадцатисемилетний мужчина, взятый с поличным по обвинению в нанесении телесных повреждений – разумеется, фамилия Иваты в статье не упоминалась, – продолжает упорно отрицать, что совершил преступление.

Этим информация в прессе исчерпывалась. Единственной зацепкой оставались три коротких слова в эсэмэсах Иваты: «женщина», «исчезла», «найдите».

«Но об этом даже думать не хочется».

Перед мысленным взглядом Каэдэ мелькнуло ужаснувшее ее видение будущего. Если раненый умрет, формулировку обвинения сразу же поменяют – с «нанесения тяжких телесных повреждений» на «нанесение смертельного ранения» или даже на «убийство»! И возле имени Иваты прочно займут место три злополучных иероглифа «подозреваемый», что получит широкую огласку!

Насколько близко удастся подойти к истине за время сегодняшнего свидания? Если в прокуратуру обратились по поводу продления срока содержания под стражей, скорее всего, возбуждения судебного дела не избежать. А если уж дело возбуждено, в условиях местного правосудия это с вероятностью свыше девяноста девяти процентов означает обвинительный приговор.

Ивате с его прямодушием наверняка даже в голову не придет нанять на этом этапе частного адвоката. Для того чтобы доказать ошибочность обвинений, требовалось во что бы то ни стало вытянуть информацию из самого Иваты.

Но если говорить на общие темы разрешено, то обсуждать случившееся – нет. И приносить с собой смартфоны, диктофоны и прочую электронику строго запрещается. Да еще продолжительность свидания – всего-навсего пятнадцать минут.

«Прямо бег наперегонки со временем!»

Дверь открыл молодой полицейский в форме. Молча переглянувшись с Сики, Каэдэ вошла в комнату для свиданий первой. В точности как задумал Сики.

В комнате для свиданий Каэдэ сразу же увидела разделяющую ее посередине прозрачную перегородку, какие часто показывают в дорамах. В перегородку были вделаны круглые панели со множеством отверстий – кажется, их называют «голосовыми». Готовясь к сегодняшнему дню, Каэдэ впервые узнала также, что часть комнаты за перегородкой называется «половиной заключенных», а часть, где находилась она, – «половиной посетителей».

Ивату еще не привели, но едва усевшись на складные стулья из металлических трубок, оба заглянули каждый в свою сумку и

выложили на колени блокноты. Потому что не желали терять попусту ни единой секунды.

Наконец со стороны «половины заключенных» донеслись шаги, и появилась прямая, как палка, немолодая женщина в хорошем костюме. Поправив очки, она представилась, назвавшись «сотрудником отдела предварительного заключения».

– Отстой, – шепнул Сики так, чтобы его услышала только Каэдэ.

И действительно, с точки зрения Каэдэ эта женщина выглядела как человек непреклонный в любых вопросах, придирчивый к соблюдению каких бы то ни было правил.

«Вылитый председатель родительского комитета нашей школы», – опрометчиво оценила она.

– Это еще не значит, что сказанное относится к вам, но поскольку в прошлом имели место случаи сговора с целью уничтожения доказательств, просьба воздержаться от обсуждения конкретного инцидента на протяжении всего свидания.

Это предупреждение Каэдэ услышала уже в третий раз, если считать вместе с полученным по телефону.

– Далее, если я решу, что сказанное относится к упомянутому инциденту, в тот же момент свидание будет прервано.

Сотрудница отдела предварительного заключения мельком взглянула на часы, висящие на стене.

– Продолжительность свидания – пятнадцать минут, время пошло. Итак, приведите господина Пять-Два.

По-видимому, под «господином Пять-Два» подразумевался заключенный номер два из пятой камеры предварительного заключения.

Сики снова пробормотал:

– Вот занято было бы, окажись сэмпай классным руководителем во втором классе пятого года обучения...

Увы, Ивата руководил классом четыре-три. Но разве сейчас такие разговоры уместны? Еще одна странность Сики, или же он просто пытается хоть немного разрядить обстановку?

Пока Каэдэ ломала голову над этим вопросом, сотрудница отдела предварительного заключения снова затопала, направляясь в угол комнаты, к своему столу.

И сразу же появился Ивата, осунувшийся и небритый.

«Бедненький. Видно, каждый день ему здорово достается», – мысленно посочувствовала Каэдэ.

– Каэдэ-сэнсэй! Сики! – воскликнул Ивата, бросившись к перегородке. – Честное слово, это не я! Я сам видел, как его пырнул мужчина лет пятидесяти, в костюме! И как раз когда я пытался помочь, полицейский...

– Прекратить! – сотрудница полиции вскочила, оттолкнув стул.

«А?.. Что, неужели?.. Прервет?»

– Уже?.. – на этот раз во весь голос произнес Сики.

С начала свидания не прошло и десяти секунд.

– Господин Пять-Два, что это вы затеяли?

Женщина окинула Ивату с головы до ног негодующим взглядом пронзительных глаз. Такой взгляд и называют «убийственным»?

– П-простите, я нечаянно...

– В следующий раз свидание будет прервано незамедлительно, – и она, вернувшись на свое место, впиалась в Каэдэ и Сики сквозь перегородку убийственным взглядом.

У Каэдэ вырвался вздох облегчения.

«Ивата-сэнсэй, на этом остановитесь».

Хорошо уже то, что они узнали кое-что новое – что Ивата своими глазами видел настоящего убийцу и что это мужчина лет пятидесяти, одетый в костюм. Но допускать оплошностей больше нельзя. Если не действовать впредь особенно осторожно...

– Ивата-сэмпай, тут вам передача.

Как договаривались, сначала Сики принялся доставать из своей «бостонской сумки» и показывать заранее внесенные в список и согласованные составляющие передачи.

– Прежде всего – наличные. Я привез бы больше, но, похоже, разрешено не более тридцати тысяч иен.

По-видимому, в ларьке, находящемся прямо в полиции, можно было приобрести почти все необходимое только за наличные.

– Спасибо, Сики, пригодится.

– А вот еще спортивный костюм, надевать под одежду. Теплый, с начесом.

– О, как раз кстати! А то и правда холодно. – Ивата с неподдельной радостью погладил себя по отросшей щетине.

– И еще кое-что, последнее от меня. – Сики снова запустил руку в сумку.

«Что?.. Об этом разговора не было».

Не обращая внимания на насторожившуюся Каэдэ, Сики добавил: «Вот это», – вытащил грязноватый бейсбольный мяч и перехватил его по-другому.

– Прямая подача. Примите, пожалуйста.

– Ну ты чего...

– А как же свободное время? Пожалуйста, по возможности посвящайте его воспоминаниям.

Повторив «ну ты чего...», Ивата прижал ладонь к перегородке.

– Хуже некуда...

По его лицу разбежались морщины, но без привычной улыбки оно изменилось до неузнаваемости. Глаза на миг увлажнились.

Сэмпай и кохай, бывший спортивный дуэт, коротко кивнули, будто подтверждая некую договоренность.

Немного погодя Сики легонько толкнул локтем Каэдэ, словно чтобы сказать: «Вы следующая».

«Моя очередь! Не тормози, но и не суетись».

Облизнув разок пересохшие губы, Каэдэ произнесла реплику, отретпетированную вместе с Сики.

– Кстати, Ивата-сэнсэй, вам ведь нравились детективы, верно?

Ивата растерянно разинул рот.

– Нет, что вы, да я же не то что детективы – любые книги терпеть не могу. Вообще-то мне нравится читать только что-нибудь вроде «Папы-кулинара».

Тут Сики вмешался, заглушая голос Иваты:

– Нравились, верно?

– Эй, чего у тебя вид такой грозный?

Только не это!

– А-а, понял... да-да! Понял, вон оно что. – Ивата всего на мгновение расплылся в улыбке. – А детективы-то да, мне нравятся. И время девать некуда.

«Удачно вышло».

В условиях строгих ограничений им не оставалось ничего другого, кроме как вытягивать информацию, пользуясь языком иносказаний.

Сообщения от Иваты гласили «женщина», «исчезла» и «найдите». Кто эта «женщина» и где она? Если «исчезла» именно она, то откуда? И если эта «женщина» как-либо причастна к случившемуся, как она была одета в тот момент? Если удастся ловко вытянуть из Иваты эти сведения, у них появятся подсказки для поисков «женщины»...

– ...Так вот, Ивата-сэнсэй, сегодня я принесла детективы вашего любимого писателя, два тома, – она вынула из сумки сначала одну книгу и показала ее через перегородку. – Вот он, хорошо известный вам Хиллари Во.

– А-а, этот Хиллари, – подыграл ей Ивата, хоть и неуклюже. – Само собой, он мне нравится. Как раз подумывал перечитать еще разок.

– Здесь одно из его лучших произведений – «В ту ночь шел дождь».

На всякий случай Каэдэ покосилась на сотрудницу полиции. Та что-то писала, сидя за столом, и, по-видимому, их ни в чем не подозревала. Ивата сразу же перевел взгляд на книгу, и они с Каэдэ кивнули с серьезным видом.

Книга должна была дать Ивате понять, что разговор пойдет о том дождливом дне, когда все произошло.

– По вашему совету, Ивата-сэнсэй, я прочитала ее – вне всяких сомнений, это шедевр полицейского детектива. И я решила обратиться к еще одной книге Во, – и Каэдэ нарочито медленно вытащила из сумки второй томик того же автора, изданный в 1953 году.

Среди любителей классики жанра нет тех, кто не знал бы это грандиозное произведение с насыщенным, неподдельным вкусом полицейского детектива. Следя за дикцией, Каэдэ намеренно отчетливо произнесла его название:

– «В последний раз ее видели одетой в...»

Краем глаза она увидела, что сотрудница полиции, кажется, встает со своего места.

Но это было уже кое-что. И Каэдэ решительно продолжала:

– Ивата-сэнсэй, я высоко ценю ваши рекомендации. Вы не могли бы немного рассказать мне о содержании этой книги?

Им повезло: до пешеходной дорожки вдоль берега они добрались, пока еще было достаточно светло. Сверху увядшая зимой трава на прибрежной террасе казалась более блеклой, чем две недели назад.

Пожалуй, встреча с Иватой принесла неплохие плоды. Шагая рядом с Сики, Каэдэ открыла блокнот и еще раз просмотрела сведения, почерпнутые из «содержания» книги «В последний раз ее видели одетой в...»

Слово «женщина» в эсэмэске от Иваты означало занимающуюся ходьбой женщину, которую сама Каэдэ раньше видела здесь, у реки. Лично Ивата понятия не имел, кто она такая, отношения между ними исчерпывались краткими приветствиями, которыми они обменивались, встречаясь на пешеходной дорожке по утрам каждую субботу. Одевалась незнакомка всегда в неброскую однотонную куртку с капюшоном.

Эта женщина видела случившееся от начала до конца, то есть с того момента, как настоящий преступник ранил жертву и сбежал, до того, как Ивата попытался помочь раненому, но почему-то все же «исчезла», несмотря на увиденное.

Понятно, почему Ивата просил найти незнакомку. Стоило ей только дать показания, и невиновность Иваты была бы мигом доказана. Естественно, Ивата убеждал полицейских разыскать эту женщину, занимающуюся ходьбой, но...

Ему сообщили, что, согласно результатам опроса, таковой женщины не существует.

– Не хочется верить, что так бывает в наше время, – негромко произнес Сики, шагая рядом с Каэдэ, – но, похоже, полиция заранее назначила сэмпая преступником и никаких опросов не проводила.

– То есть это блеф?

– По-видимому, раньше такое случалось сплошь и рядом.

«Тем больше причин это исправить», – сжала кулаки Каэдэ. – У нас нет выбора, кроме как найти эту женщину, занимающуюся ходьбой».

В этот момент на дорожке показалась идущая навстречу знакомая с виду пожилая пара с собакой. Вскрикнув, Каэдэ бегом бросилась к ним, потащив за собой Сики.

– Прошу прощения, в позапрошлую субботу мы бегали здесь... вы не помните?

Женщина с красиво уложенными седыми волосами, тонко улыбнувшись, ответила, что, разумеется, помнит Каэдэ.

– В тот раз мы видели вас впервые, и вы, бесспорно, очень милы. С тех пор мы с мужем постоянно вас вспоминали. А что?

– Да нет же, не о том речь, – смущенно упрекнул аристократического вида муж. – Если не ошибаюсь, вы приходили с Иватой-сэнсэем.

– Да-да! И мне бы хотелось спросить вас еще об одном человеке, который часто здесь бывает... вы, случайно, не знаете женщину, занимающуюся ходьбой, которая появлялась здесь в то же время?

– Женщину, занимающуюся ходьбой?

Пожилые супруги переглянулись, склонив головы набок.

– Вы не могли бы описать ее поподробнее? – спросила женщина.

– Одета в темную неброскую куртку с капюшоном, кажется, в тот раз серую. Ей, скорее всего, за тридцать. А еще, – продолжала Каэдэ, обратившись к своим воспоминаниям, – мне запомнилась прежде всего ее уверенная и энергичная походка, при которой руки она сгибала в локтях под прямым углом.

Ее собеседники снова переглянулись.

– Что-то я не припоминаю, а ты?

– И я тоже ничего.

– Вот как...

Ирландский сеттер ластился к Каэдэ, вертелся у ее коленей.

– Ну все, перестань.

– Извините, что ничем не смогли помочь. Так что мы пойдем.

– Минутку... – Каэдэ собиралась спросить Сики, нет ли у него вопросов, но увидела, что тот стоит поодаль так напряженно, словно готовится к бою.

«Неужели?..»

Между тем пожилая пара уже отошла.

– Слушайте, Сики-кун, вот бы не подумала... вы боитесь собак?

– Пожалуйста, не смейтесь надо мной, – виноватым тоном отозвался все еще бледный Сики. – Просто я не доверяю существам, которые не понимают человеческий язык. Даже в мире детективов собаки, как правило, не заслуживают доверия. Как тот «баскервильский демон», который появляется в одном из детективов с Холмсом, – это же настоящее чудовище...

Да нет же, есть уйма детективов, в которых симпатичные песики играют активную роль, хотела было возразить Каэдэ, но получилось бы слишком длинно, и как только она ограничилась коротким «ясно», заметила еще кое-кого.

На этот раз в их сторону бежал молодой парень в олимпийке и леггинсах. Вот повезло!

– Прошу прощения!

Остановив бегуна возгласом, на этот раз она расспросила его так, как планировала. Однако и он не помнил никакой «женщины, занимающейся ходьбой», и никогда не встречал женщину, которая выделялась бы энергичной походкой.

Несмотря на плотную многослойную одежду, по спине Каэдэ пробежали мурашки.

«Да что же это такое?»

С заходом солнца и на прибрежной террасе, и на пешеходной дорожке не осталось ни души.

И по пути к ближайшей станции, и в торговых рядах возле нее они расспрашивали о «женщине, занимающейся ходьбой» у всех, кто им попадался.

Но результат по-прежнему был нулевым.

Ивата встречался с этой женщиной каждую неделю. Каэдэ тоже видела ее своими глазами. И невольно услышала их с Иватой разговор.

Но почему-то оказалось, что этой самой женщины «не существует».

Если не найти такого ценного свидетеля, в самом ближайшем времени второй запрос на оставление Иваты под стражей будет удовлетворен. В этом случае неизбежным станет не только возбуждение дела, но и, видимо, признание Иваты виновным. Косвенные свидетельства явно указывали, что преступление совершил не кто иной, как он.

Больше нельзя было медлить ни минуты.

На обратном пути в поезде оба долго молчали.

Не только Каэдэ, но, вероятно, и Сики растерялся и не мог собраться с мыслями.

Когда за окном замелькали высотные здания центра, заговорила Каэдэ:

– А ведь есть детективы, построенные по такой схеме. Когда все вокруг уверяют: «Я никогда не встречал этого человека и не видел его». Интересно, мы тоже имеем дело с «женщиной-призраком»?

Считается, что этому жанру положил начало типичный для Уильяма Айриша роман «Женщина-призрак».

– И я как раз сейчас думал о том же самом. Если рассмотреть саму схему, возможно, удастся понять, как в действительности обстоит дело.

– А какие еще примеры можно привести?

– Из известных – пожалуй, рассказ Диксона Карра «Каюта В-13».

– Не знаю такой. Кстати, Сики-кун, с чего это вы завели разговор о детективах Карра, которые вам полагается ненавидеть?

– Да н-нет же, это... – вопреки обыкновению Сики запинался на каждом слове, – это же не книга, а сценарий радиопостановки. Так что можно сказать, что это произведение близко к моей сфере.

– Ясно. И о чем же оно?

– Главная героиня, только что вышедшая замуж, вместе с мужем садится на роскошный пассажирский лайнер. Но на борту муж героини вдруг исчезает. А когда она спрашивает членов экипажа, где он, этого никто не знает. Мало того, все даже отрицают, что супруги сели на корабль вместе: «Вы поднялись на борт одна. С самого начала вас никто не сопровождал...»

– Вспомнила! Я же читала о таком!

Поскольку речь шла о Карре и в особенности потому, что созданного им знаменитого детектива доктора Фелла она читала больше всех остальных, смириться с поражением Каэдэ не могла.

– Это известный сюжет, но в его основу положен не реальный случай как таковой, а скорее, городская легенда, подлинность которой внушает сомнения. Подобные эпизоды фигурируют в разных произведениях.

Голосом, в котором сквозила досада, Сики спросил, что она имеет в виду.

– Мать и дочь, которые прекрасно ладят, приезжают в Париж, где как раз бурлит Всемирная выставка. Но поскольку матери

нездоровится, она засыпает в номере отеля. Ее дочь спешно покидает отель, чтобы найти и привести врача, а вернувшись через несколько часов, обнаруживает, что ее матери в номере нет. Она спрашивает служащих отеля, где ее мать, и получает неожиданный ответ: «Госпожа, но вы ведь с самого начала поселились здесь одна». К кому бы в отеле она ни обращалась, все дают один и тот же ответ. Убитая горем девушка возвращается домой одна, вот и вся история.

– Вспомнил! – перебил несломленный неудачей Сики. – Суть вот в чем: перед поездкой в Париж мать побывала в Индии, где заразилась чумой. Пока дочь ходила за врачом, ее мать скончалась. Но если бы известие об этом распространилось в разгар Всемирной выставки, весь Париж охватила бы страшная паника, и отелю был бы нанесен огромный ущерб. Так что отель провел экстренное совещание с соответствующими властями, после чего труп матери изолировали в отдельном помещении, а со всех причастных взяли подписку о неразглашении, будто ничего и не было.

– В самом деле правдоподобная история, верно?

– Если речь о таком жанре, как «женщина-призрак», – увлеченно продолжал Сики, – не следует забывать еще один пример, а именно серию «У Фурухаты простуда» из телесериала «Фурухата Ниндзабуро». Его подчиненный, будучи в захолустной деревушке, знакомится с красивой женщиной, приглашает ее на свидание и всю ночь водит по разным местам. Но на следующее утро эта красавица вдруг исчезает. И не только жители деревни, но и местные полицейские заявляют: «Такой женщины я никогда не видел» и «А разве вы с самого начала были не один?» – вот такая история. Почти весь третий сезон «Фурухаты» – не что иное как вызов, напрямую брошенный уже существующим схемам, по которым строятся детективы, однако даже среди них этот сюжет можно назвать выдающимся.

Каэдэ была совершенно согласна с ним.

А теперь эта схема стала катастрофой, обрушившейся на Ивату-сэнсэя.

Вот только до сих пор загадки таких «катастроф» разгадывали выдающиеся таланты: доктор Гидеон Фелл из «Каюты В-13», помощник инспектора полиции Фурухата из «Фурухаты Ниндзабуро»...

Но Каэдэ в глубине души понимала: ей знаком человек, который не уступит этим двоим.

Назавтра Каэдэ приняла решение взять второй день отгула по болезни и отправилась к деду в Химонъя.

Проходя через садик по узкой бетонной дорожке и стараясь не задевать зимние камелии, она услышала доносящийся из окна кабинета голос физиотерапевта – того самого, семье которого принадлежал магазин софутто-куриму:

– Дышите глубоко, как только можете... итак, в бой!

В бой?

Вероятно, проводилась некая весьма интенсивная реабилитационная процедура. По мнению физиотерапевта, если правильно оценить физическое состояние и подобрать соответствующие упражнения, укреплять мышцы можно независимо от возраста.

Каэдэ вошла в дом и постучалась в дверь кабинета в конце коридора.

– Фу-у... Канаэ? Каэдэ? – спросил из-за двери дед.

– Это я, Каэдэ.

– Немного подожди, пожалуйста. Ну, Софутто-куримуя-сан, еще разок.

О, голос бодрый.

– Извините, что потревожила. Удачи!

Вместо кабинета Каэдэ зашла в гостиную, расположенную слева по коридору, где Окаппа-сан, возглавляющая группу из нескольких приходящих помощниц по уходу, со словами «вот и хорошо» ставила печать в журнал ухода.

– Вы всегда так заботитесь о моем дедушке.

– Что вы, в последнее время состояние у него значительно лучше. А тот переполох с выдрами случился, похоже, по ошибке. – Окаппа-сан, с улыбкой повернувшись к ней, продолжала: – Вот сегодня, кстати: я провела тест Хасэгава, как обещала, и балл опять высший, – по-прежнему улыбаясь, она стерла мизинцем слезы в уголках глаз.

Известный под названием «теста Хасэгава», а точнее, «Пересмотренный тест для простой оценки умственных способностей по методу Хасэгава», – инструмент, разработанный для проверки состояния когнитивных функций при деменции.

Начинается он с вопросов о дате рождения и местонахождении в данный момент и проверяет память, в том числе способность вспоминать недавно сказанное и вести в уме арифметические подсчеты.

Высшая оценка – тридцать баллов, если же набранное количество баллов меньше двадцати, диагностируется подозрение на деменцию, однако пациенты с ДТЛ, такие, как дед, нередко показывают настолько высокие результаты теста, что удивляют ими даже близких. Но все же «высший балл»...

Вдобавок к симптомам болезни Паркинсона, более выраженным в холода, у деда, бесспорно, наблюдалось и снижение пространственного восприятия. Но высший балл, набранный в тесте на когнитивные функции, скорее всего, означал, что дед по-прежнему обладает незаурядным интеллектом.

Окаппа-сан убрала журнал в сумку, извинилась за то, что уже уходит, и с легким поклоном удалилась в сторону прихожей. Почти сразу вслед за ней из кабинета появился физиотерапевт с безупречной короткой стрижкой.

Итак, до следующего раза... но взглянув на него мельком при входе в кабинет, Каэдэ на миг ощутила странную неловкость от увиденного. Это не был привычный ей добродушный взгляд.

«Как бы так выразиться... Это же прямо-таки...»

Вот именно.

На языке чувств это звучало бы как неподдельная враждебность.

– Добрый день, Каэдэ-сэнсэй.

«Ах, да!..»

– Спасибо вам большое.

– Состояние сегодня опять превосходное. Что ж, прошу прощения, мне пора.

Сквозь улыбку, словно приклеенную к лицу, никаких чувств разглядеть не удалось. Наверняка ее переживания напрасны. Может, он из тех людей, у которых при серьезном выражении лица взгляд кажется пронзительным.

– Уже можно, дедушка?

– Я еще занимаюсь, но заходи.

Войдя в кабинет, Каэдэ увидела, что дед сидит в кресле-реклайнере, продолжая растягивать и снова отпускать поднятую над головой резиновую трубку.

– Извини, что заставил ждать.

– Ну что ты, не беспокойся. Только перенапрягаться не стоит.

Может, для деда это «заминка»?

Закончив упражнение с трубкой, дед вытер пот с лица полотенцем и начал причесываться. Каэдэ радостно наблюдала, как к нему, пусть и отчасти, возвращается прежнее стремление следить за собой. Ему достаточно было аккуратно уложить волосы, чтобы помолодеть с виду на пять лет.

Напоследок дед пригладил волосы слегка трясущейся рукой и встряхнул головой пару раз. Пряди волос на лбу рассыпались, задев переносицу, и у Каэдэ возникло чувство, будто в таком виде дед ей кого-то напоминает.

– Дедушка, ты извини, что я так сразу... – Каэдэ достала убористо исписанный блокнот. – Пожалуйста, послушай сегодня меня, без записи с диктофона. Возможно, кое-что окажется упущенным, но если ты сможешь обойтись без этих деталей и подсказать или посоветовать мне что-нибудь, это будет кстати. Дело в том, что от этого зависит жизнь моего близкого... – почти договорив, в последний момент она замялась. Близкого – кого? Подходящее слово нашлось не сразу. – Моего близкого друга.

А потом...

Она подробно рассказала обо всем так, как помнила: от происшествия у реки, сообщений от Иваты и звонка из полиции до «сбора информации» во время свидания и на пешеходной дорожке.

– «В последний раз ее видели одетой в...» прямо-таки навеивает воспоминания. Итак... – сказал дед с довольно заинтересованным выражением лица, дослушав рассказ Каэдэ и сцепив вместе пальцы рук. – Прежде всего, самый значительный ключ к разгадке этого случая – то, что было при себе у «женщины, занимающейся ходьбой».

– Полотенце для рук, – выпалила Каэдэ так, будто этого и ждала.

С мелькнувшей на лице загадочной улыбкой дед повернул руку ладонью вверх, словно предлагая Каэдэ высказаться первой.

– Куртка с капюшоном на ней была однотонной, темной, без каких-либо отличительных особенностей. Если что-то и выделялось в ее облике, так только одно – яркое полотенце для рук, которым была обернута емкость с напитком. Потому-то я изо всех сил напрягала память. Определенно на полотенце красовался какой-то вымышленный персонаж. Следующее, что всплыло в памяти, – что этот персонаж был зеленый. И вдруг я отчетливо вспомнила его. Это же динозаврик Тираноннон!

– Как ты сказала? Тирано?.. – дед криво усмехнулся.

– Тираноннон. Из образовательной программы для детей. Он такой милый, когда прячется в скорлупу яйца, как рак-отшельник в свой домик. И я задумалась: не означает ли это, что у «женщины, занимающейся ходьбой»... – следя за выражением дедова лица, она попыталась изложить выводы, к которым пришла самостоятельно, – ... есть дети дошкольного или младшего школьного возраста.

– О, замечательно, – пробормотал дед и захлопал в ладоши. – Вот именно. Не знаю, как насчет всемирно известных персонажей, знакомых даже взрослым, но если человек постоянно пользуется продукцией, рекламирующей героя передач, предназначенных для детей, можно с уверенностью утверждать, что у него есть дети, которые смотрят эти передачи. Так что ради удобства впредь будем называть эту женщину «мама-ходок».

– А это приличное прозвище?

У Каэдэ мелькнула мысль, что оно похоже на название любимой манги Иваты-сэнсэя «Папа-кулинар».

– Что касается загадок этого дела, они сводятся к трем. Первая: почему «мама-ходок» видела случившееся во всех подробностях и все-таки ушла отсюда, даже не вызвав скорую? Вторая: почему после случившегося «мама-ходок» даже не попыталась выступить в качестве свидетеля? И наконец, третья...

Каэдэ заранее знала, какой вопрос прозвучит следующим.

– Почему «маму-ходока» не помнит никто, кроме тебя, Каэдэ?

– Да, это удивительнее всего.

– Может быть, сперва я послушаю?

Началось.

– Какой сюжет сложился у тебя из всего перечисленного?

«Эм-м...»

Каэдэ принялась торопливо листать блокнот.

– Мне в голову пришло их два. Сюжет первый: «мама-ходок» – жена или подруга человека, который нанес удар ножом и сбежал. Покрывая преступника, она покинула место преступления и с тех пор там больше не появлялась.

– Ясно, – сказал дед.

– На первый взгляд, вроде бы все логично. Но в таком случае объяснению третьей загадки не уделяется должного внимания. Почему другие утверждают, что не знают никакой «мамы-ходока»?

Слов для ответа не находилось.

А если вот так?

– Сюжет второй, – начиная излагать еще одно возможное объяснение, Каэдэ чувствовала себя лишь немногим более уверенно. – Ивата-сэнсэй выходил на пробежки только утром по субботам. То есть и с «мамой-ходоком» он встречался на пешеходной дорожке только в субботы утром. Можно сказать иначе: «мама-ходок» занималась ходьбой только в субботу утром, так что она ни в коей мере не подлинный завсегдатай, появлявшийся там каждый день. То есть «мама-ходок», строго говоря, не регулярный «ходок», а не более чем периодический.

Казалось, на мгновение взгляд деда стал особенно пронизательным.

– Так...

– Это предположение подтверждено тем фактом, что и первая наша встреча, и встреча в день нападения состоялись в субботу. Понятно, почему пожилая пара с собакой и парень в олимпийке не вспомнили эту женщину. Потому что они видели ее самое большее раз в неделю и яркого впечатления она на них не производила.

– Неплохо. Продолжай.

Подбодренная неожиданными словами, Каэдэ принялась рассуждать:

– Так почему же «мама-ходок» покинула место преступления? Порой истина оказывается на удивление скучной. Иначе говоря, эта женщина просто не хотела ввязываться в неприятности.

– Семьдесят пять баллов, – объявил дед. – «Мама-ходок», которая на самом деле вовсе не «мама-ходок», – прекрасная мысль. Однако и этому сюжету недостает убедительности, а все потому, что... – дед

умолк и поднес к губам чашку с кофе, взятую с приставного столика. – Ивата для тех пожилых супругов является таким же знакомым – в том смысле, что видятся они раз в неделю. И тем не менее они отчетливо помнят его, ведь так? Тем, кто совершает прогулки или пробежки ежедневно, хочется по-своему близких отношений даже с теми, с кем они видятся раз в неделю. И кроме того, причина, по которой «мама-ходок» покинула место, где все произошло, осуждена слишком строго. Полагаю, существует определенный процент людей, не желающих связываться в неприятности в любом случае, насколько серьезной ни была бы увиденная ими ситуация. Но как же так? Ведь в опасности человеческая жизнь. Если хотя бы вызвать скорую и рассказать медикам, как было дело, за это не накажут.

После этих слов Кэздэ осенило: а ведь и правда!

С «мамой-ходоком» она обменялась лишь парой слов, но эта женщина показалась ей отнюдь не болезненно замкнутой, а открытой к общению и приветливой. И потом, разве не поэтому ее бегство с места преступления внушало какое-то странное, не дающее покоя чувство?

– Словом, приходится сделать вывод, что и первый, и второй сюжеты необоснованны. То есть... – дед поднял перед собой длинный указательный палец. – ...помимо них, есть еще история о том, как все было на самом деле, – сюжет «икс».

Сухой ветер, который дул уже несколько дней, вдруг утих, зимнее солнце, заглянув в окно, озарило четкий дедов профиль. Как будто подняли театральный занавес.

И в тот же момент...

Дед произнес:

– Кэздэ, можно мне сигарету?

– «Картинку» я увидел, – затягиваясь так, что огонек на конце сигареты с шипением разгорелся, дед предложил пока отложить разговор о «маме-ходоке». – Начать бы хотелось с нанесения ножевой раны на берегу реки. Это исключительно предположение, но ссора между старшим мужчиной, нанесшим удар ножом, и молодым парнем, который был ранен, могла вспыхнуть в связи с наркотиками. Если учесть, что в вещах парня наркотиков не обнаружили, скорее всего, старший мужчина был торговцем, а парень – клиентом.

«Наркотики...»

Услышав это слово, от неожиданности Каэдэ на миг лишилась дара речи.

– То есть тот парень – наркоман?

– Вспомни, как Ивата-кун рассказывал, что поддерживал раненого парня и заметил, что у того шея вся взмокла. Ненормальная потливость, несмотря на разгар зимы, – один из типичных симптомов зависимости от стимулирующих веществ.

– Да, о таком симптоме я слышала. Но разве это не странно – затевать ссору из-за торговли стимуляторами в таком открытом месте?

– Вот на этом мы и сосредоточимся. Место в тени большой опоры моста через реку подходит для сомнительных сделок как нельзя лучше. Там удобно встречаться, оно хорошо просматривается, оттуда легко сбежать, если нарвешься на скандал, – почти маяк из поговорки, под которым темнее всего. Вот кстати, как раз недавно в новостях сообщали, что на прибрежной террасе реки Т. практически открыто выращивали не что иное, как каннабис. Полагаю, в этот раз полиция отнюдь не случайно выбрала время для сообщения о его выращивании сразу после преступления, о котором мы говорим. И, видимо, проводила патрулирование именно потому, что до нее дошли слухи о торговле наркотиками неподалеку от опоры моста. В полиции ведь тоже не дураки работают. Несмотря на то, что подозревают Иватукуна, наверняка должна остаться и версия с разборками наркоторговцев.

И в самом деле, приходилось согласиться. Потому что вопрос с появлением полицейского, которого никто не вызывал, сразу же прояснился.

– А теперь, учитывая сказанное ранее, задумаемся о том, какова на самом деле «мама-ходок».

«Наконец-то о главном!» – Каэдэ слегка подалась всем телом вперед, словно чтобы не пропустить ни слова.

– Ранее я, помнится, сказал тебе: самый значительный ключ к разгадке этого случая – то, что было при себе у «женщины, занимающейся ходьбой».

– Ну да, яркое полотенце для рук.

– Это наполовину верно и наполовину нет. Главное – то, что спрятано в этом полотенце для рук.

– М-да?..

Дед продолжал без обиняков:

– Там не минеральная вода и не какой-нибудь спортивный напиток, а банка, в которой пиво или тюхай. У этой женщины зависимость от алкоголя, и она не может от него отказаться. Иначе говоря, в этом деле фигурируют две зависимости: от наркотиков и от алкоголя.

– Неужели... так значит, она была...

– А ты разве не заметила? Вспомни, как прошло ваше с ней знакомство. Поздоровавшись с Иватой, она «прикрыла рот обеими ладошками», ведь так?

Каэдэ мысленно так и ахнула.

– Зачем же ей понадобилось прикрывать рот не одной ладонью, а именно обеими? По одной-единственной причине: чтобы не обнаружили, что от нее пахнет спиртным. Неловко говорить об этом, но хотелось бы, чтобы уж к таким-то выводам ты самостоятельно пришла с самого начала, – в улыбке, с которой дед мельком взглянул на нее, чувствовалась лишь капелька ехидства. – Ты ведь во время пробежки смирилась с поражением и прочувствовала вкус пива? Если так, само собой, в состоянии представить себе, каков «потенциал» спиртного.

Ой-ей, как же совестно. Аж две банки пива опустошила.

– Тогда зачем, – возразила Каэдэ, – ходить так энергично? И бодро работать руками, согнутыми в локтях под прямым углом?

– Видимо, она усердствовала только перед Иватой-сэнсэем. А может, в какой-то мере была равнодушна к нему.

– Значит... пожилые супруги с собакой и бегун в олимпийке...

– Разумеется, они знали ее, но воспринимали не как ведущую здоровый образ жизни «маму-ходока», а как алкоголичку, которая нередко пошатывалась, гуляя по пешеходной дорожке. То же самое относится к людям из торговых рядов у станции. Они хорошо знали алкоголичку, которую встречали в своем районе, но понятия не имели ни о какой «маме, занимающейся ходьбой».

– Но если все так и есть, – высказала Каэдэ оставшиеся у нее сомнения, – почему она, увидев все случившееся с начала до конца, не только не вызвала скорую, но и сбежала с места преступления?

– Конечно, тому должна была иметься веская причина, – дед снова затянулся, кончик «голуаз» ярко вспыхнул. – Эта женщина в процессе

развода или только что развелась и теперь борется за право опеки с отцом ее ребенка. Камень преткновения, само собой, – ее алкоголизм. Если она не бросит пить, ее лишат права опеки. Вот она субботними утрами и ходит в больницу, где амбулаторных пациентов лечат от алкоголизма.

– Ясно. Тогда можно понять, почему она занимается ходьбой в первой половине дня.

– В тот день она тоже возвращалась домой из больницы. После возвращения ей, вероятно, предстояло встретить ребенка с занятий. Однако она машинально купила спиртное в комбини у станции или еще где-нибудь, и прикладывалась к нему на ходу. Алкоголизм – страшный недуг. Терпения не хватает даже на каких-нибудь десять минут пути до дому. Так она и стала свидетелем преступления...

– Но если бы она вмешалась, выяснилось бы, что она выпила.

– Мало того, думаю, что и потом она не объявлялась по той же причине. Вся суть, пожалуй, в том, что сразу после случившегося хлынул проливной дождь. Это не более чем домыслы, но... неужели она, спешно вернувшись домой, отправилась за ребенком на машине, несмотря на то, что выпила? А это уже вождение в нетрезвом виде. Тем более невозможно прийти в полицию и дать показания.

И эти «домыслы» вполне логичны.

Но все же... Разве обычно люди не соглашаются выступить в качестве свидетеля – кроме тех случаев, когда слишком сильно рискуют, попавшись на вождении в нетрезвом виде?

– Ну хорошо, дедушка, – и Каэдэ спросила о главном, на чем было сосредоточено ее внимание, – каким же образом можно найти ее?

– Очень простым, – ответил дед. – Достаточно поискать в пределах трех-четырех станций, ближайших к той прибрежной террасе, не проводится ли в тамошних больницах амбулаторное лечение желающих отказаться от алкоголя или снизить его потребление. Если она ездит туда поездом, видимо, парковки рядом нет. Иными словами, высока вероятность, что больница небольшая, – дед с шумом выпустил последний сигаретный дым, словно не желая с ним расставаться. – Утром в эту субботу она наверняка там.

В этот момент огонек сигареты погас.

– Мне ее видно. У этой женщины, которая ждет в приемной, – продолжал дед, – доброе лицо, она чуть-чуть похожа на Канаэ. Ребенок

для нее – смысл жизни. Сама жизнь. И при мысли об Ивате-сэнсэе сердце у нее разрывается от угрызений совести.

Погода выдалась на редкость хорошая.

Держа деда за руку, Каэдэ, как когда-то давно, устроилась рядом с ним на открытой веранде-энгава.

– Каэдэ, посмотри-ка! – дед поднял голову, указывая пальцем на чистое зимнее небо на западе. – Видишь, вон там три облака. Попробуй придумать про них рассказ.

В отличие от того давнего случая, на этот раз в небе не было ни облачка. Но Каэдэ заговорила как ни в чем не бывало:

– Крайнее слева – мой дедушка в молодости, в середине – мой папа, тоже в молодости. А крайнее справа – мама, когда она была молодой.

Пока она сплетала рассказ, каждый вдох становился холодной печалью, каждый выдох – белой печалью.

Так и продолжалось.

И она горько раскаялась в том, что сделала героями рассказа своих родителей.

Выходные, вечер.

– Предлагаю выпить, – объявил Сики, по приглашению которого Каэдэ пришла в семейный ресторан. – Извините, что так внезапно, срочно отпросился с подработки. Ну, кампай!

Похоже, сам Сики уже успел пропустить несколько порций пива. Легкий румянец придал ему какой-то ребяческий вид, и казалось, что он моложе Каэдэ не на два года, как на самом деле, а больше.

«Ночь была молода, и он тоже», – мелькнуло в голове Каэдэ самое известное в истории начало детектива, первая строчка «Женщины-призрака».

– А сэмпая повезло. Так уж получилось, что и женщина, которую нашли в маленькой больнице, дала показания, и раненый парень, который был в тяжелом состоянии, пришел в себя и согласился ответить на вопросы следствия.

Как и полагал дед, по-видимому, причиной случившегося стали все-таки разборки из-за наркотиков. В итоге ожидалось, что в понедельник утром Ивату выпустят.

– Так что, Каэдэ-сэнсэй, – продолжал Сики каким-то натянутым тоном, – я хочу преподнести вам кое-что. Судя по имени, день рождения у вас где-то в конце осени. Хоть и с большим опозданием, но... словом, вот вам подарок.

И Сики небрежным жестом выложил на стол книгу без какого-либо подобия подарочной обертки. Этому сборнику научно-фантастических рассказов Роберта Ф. Янга дал название один из них – «Девушка-одуванчик».

О том, как на выпускной церемонии в начальной школе дедушка подарил ей эту же книгу, Сики она не рассказывала. Значит, это действительно случайное совпадение.

– Это единственный перевод, который мне нравится. В нем девушка с волосами цвета одуванчика, чтобы не бояться жить в одиночестве, преодолевает пространство и время ради встречи с любимым. Ну, вы-то, думаю, наверняка ее уже читали, но, по-моему, было бы неплохо иметь издание с новым переводом. Обложка и перевод вроде бы ничего.

Каэдэ думала, что при виде дорогого ей названия книги обрадуется, а у нее почему-то защипало глаза. Поблагодарив, она произнесла чуть дрогнувшим голосом:

– Сики-кун, какое, по-вашему, выражение из четырех иероглифов самое печальное в мире?

– Эм-м...

Должно быть, такого вопроса он не ожидал. И замер, не закончив привычным жестом поправлять волосы.

– Для меня это... пожалуй, «один на свете».

Ее было уже не остановить.

– Видите ли, я... – слова и мысли хлынули потоком, словно прорвало плотину. – Когда дедушки не станет, я останусь одна на свете.

– А как же?.. – улыбка Сики получилась слегка натянутой. – Вы ведь, кажется, заботитесь о дедушке по очереди со своей мамой?

– Нет. Просто дедушка убежден в этом.

«Не плачь, сдержись».

– Когда мама собралась замуж, она была уже беременна мной. Вот так, с огромным животом, они и планировали сочетаться браком в церквушке среди леса.

– Планировали?..

– М-м. Но когда мама под руку с дедушкой открыли двери церкви и уже собирались двинуться по проходу между скамьями к алтарю, неизвестный с ножом выскочил из тени деревьев, с криком: «Как ты могла бросить меня?» кинулся на маму, ударил ее ножом в грудь и убежал.

Начавшись незаметно, холодный дождь осыпал каплями оконные стекла.

– Говорили, что белое свадебное платье в мгновение ока стало ярко-алым. Долгое время дед так и сидел, обнимая маму и словно оцепенев... мама умерла спустя неделю, а я, бывшая у нее в животе, выжила чудом.

Сики сидел, не шелохнувшись, и молчал.

– Когда я училась в средних классах, папа скончался от рака, а все это я услышала от него прямо перед тем, как он умер. С тех пор я начала бояться мужчин и перестала носить белое.

На обложке книги, лежащей на краю стола, была нарисована Девушка-одуванчик в белом платье.

– После того, как у дедушки развилась деменция, во время галлюцинаций он начал видеть не только маму, но и несколько раз меня, будто бы всю в крови, только на самом деле это была не я, а мама в молодости, но я даже объяснить это не могла.

Бесполезно. Перед глазами все затуманилось.

– Простите. Вы тут ни при чем, Сики-кун.

– Нет, продолжайте, пожалуйста.

С серьезным видом Сики переплел пальцы рук, поставленных локтями на стол.

– С чего бы начать? Так вот... с любимым дедушкой я поссорилась всего два раза. Первый раз это было, когда болезнь отца вернулась, и прямо перед тем, как он умер...

Каэдэ впервые поверяла другому человеку тайну, которую до сих пор хранила в глубине души.

В тот день тоже шел холодный дождь.

Одетая в школьную форму Каэдэ сидела у отца в больничной палате, пропитанной запахами всевозможных лекарств.

– Знаешь, я ведь не подумал... Тебе же скоро пятнадцать. Почти взрослая, да?

Этих слов хватило, чтобы отец прослезился. Однажды он уже пережил четвертую стадию рака, и возвращение болезни потребовало от него немалой решимости. Дни, когда она слабела, у него еще случались.

– Так что бы ты хотела в подарок на день рождения?

Тело отца в постели было исхудавшим, с присоединенными к нему трубками, но голос звучал тверже, чем обычно, – наверное, под действием обезболивающих.

Каэдэ попыталась было объяснить, что ей нужно лишь одно – чтобы отцу стало легче, но потом у нее мелькнула мысль, что это продлит ему жизнь хотя бы до дня ее рождения, и она смело попросила подарить ей брендовый клетчатый шарф.

Ответив, что подарит с удовольствием, отец так посмотрел на Каэдэ, сидящую у его изголовья, будто принял некое решение.

– И еще: есть то, о чем я обязательно должен рассказать тебе прямо сейчас. – Отец сильно закашлялся, потом продолжал: – О твоей матери, которая, как ты привыкла считать, умерла от болезни. Известие ляжет на твои плечи тяжким бременем, но вечно скрывать правду от тебя не годится. Потому что рано или поздно она все равно дойдет до твоих ушей в том или ином виде.

И отец начал рассказывать ей о событиях, произошедших с того момента, как между ним и ее матерью зародились чувства. Они познакомились, когда он был пациентом, а она – медсестрой онкологической палаты. По-видимому, деду их будущее не внушало ничего, кроме пессимизма, и он яростно сопротивлялся их браку.

А потом...

В день свадьбы навязчивый поклонник ударил маму ножом. Этого сбежавшего преступника так и не поймали.

Когда мама на минутку пришла в себя в палате интенсивной терапии, одними губами, не издавая ни звука, она выговорила: «Ребенок».

И еще...

Пока мама была жива, дедушка каждый день совершал охякудомаири божеству-хранителю Химонья.

Дождавшись, когда перестанут литься слезы, Каэдэ спросила:

– «Охякудомаири» – что это?

– Молитва о помощи, обращенная к божеству сто раз. Тесть, то есть твой дедушка, скрывал это, но, видимо, его заметили живущие по соседству люди.

Каэдэ, в то время ученицу средних классов, изумило то, что ее логически мыслящий дед обращался за помощью к божеству. И оттого его поступок вызывал мучительное чувство жалости.

«Но это значит, что...» – Досада понемногу закипала, и поэтому у нее невольно вырвался вопрос, задавать который не следовало. Вспоминая об этом сейчас, Каэдэ понимала, что, наверное, вдруг напустилась на деда, чтобы отвлечь отца от болезни.

– А почему дедушке дорога одна только мама? Почему он вообще не навещает тебя, папа? – от собственных слов ее негодование усилилось, плечи под школьной формой задрожали. – Потому что ты ему не родной? Потому что он был против вашего брака? Или... – останавливаться она не стала. – Или потому, что уже сдался? И ему страшно смотреть, как ты исхудал?

– Перестань, Каэдэ, – так громко, как при этом упреке, сегодня отцовский голос еще ни разу не звучал. – Я категорически запрещаю тебе говорить дурно о дедушке. На этом рассказу конец.

– Нет...

– Я немного устал, мне бы вздремнуть. Шарф я попрошу купить дедушку. Разумеется, я оплачу...

– Не нужен мне никакой шарф!

Каэдэ вылетела из палаты.

Тем вечером дед вернулся домой поздно, когда уже кончился дождь. Как по сигналу, Каэдэ выплеснула на него гнев еще в дверях:

– Дедушка, это ужасно!

– Что такое? Что стряслось?

– Почему ты не бываешь у папы? Да, понимаю: ты директор школы, поэтому занят. Но все равно это ужасно! Может, для тебя он и чужой, а для меня – мой единственный папа. А времени уже нет... времени уже нет!

Ошеломленный дед так и остался стоять, застыв в дверях. Не оглядываясь, Каэдэ взбежала по лестнице на второй этаж и повалилась в стол лицом. Так она повысила голос на обожаемого дедушку в первый раз.

А через несколько дней...

Врач сообщил, что до кризиса осталось два-три дня. Наступил вечер, слезы уже давно иссякли.

Видеть деда Каэдэ почему-то не хотелось, поэтому из школы она нарочно пошла не привычным, а длинным путем. По левую сторону некрутого склона, по которому она поднималась, стояло здание местной пожарной части. По правую выстроились в ряд жилые дома стародавней постройки, потом слева показались деревья с пышной густой листвой, разросшиеся вокруг святилища Хатимана. И вид, и атмосфера были такими, словно с давних пор ход времени здесь остановился.

Каэдэ помнила, как в детстве несколько раз ходила по этому склону за руку с отцом, и теперь пейзаж из настоящего выглядел почти так же, как в прошлом, словно был скопирован из ее воспоминаний.

Если что изменилось, так только ее глаза оказались чуть выше над землей, и...

«Папы рядом нет».

На вершине холма деревья вдруг расступились, как распахнутые ворота, у прохода стоял каменный столб с высеченной надписью «Удзикоэдзю» – «синтоистская община храма». Ей покровительствовало местное божество-хранитель.

Случайно бросив взгляд в сторону территории храма... Каэдэ увидела там деда. Одетый в несвежую рубашку, он ходил туда-сюда между воротами-тории и молитвенным залом-хайдэн уже явно множество раз и продолжал ходить, исступленно печатая шаг по замощенному камнем двору. Этой походкой человека, доведенного до отчаяния, он выражал возмущение абсурдностью мира и собственной беспомощностью.

Прячась в тени деревьев, Каэдэ сторала от стыда за то, что повысила на деда голос. Вместо того чтобы тратить время на посещения ее отца в больнице, он опять совершал охякудомаири. Услышав это слово от отца, Каэдэ разузнала, что оно означает тайные

благоденствия, при этом важнее всего скрывать свое занятие от людей, чтобы они были именно тайными.

Выглянув из-за дерева, Каэдэ снова всмотрелась в лицо деда. Даже издали было видно, что оно излучает гнев.

– Ах ты ж!.. – дед несколько раз повторил несвойственные ему слова, словно выплевывая их. – Ах ты ж!..

Он злился и в то же время плакал.

Все произошло немного раньше, чем предполагал врач.

Той же ночью отец умер.

Каэдэ вздрогнула.

Пронзительный сигнал машины за окном мгновенно вернул ее в настоящее.

А Сики сидел все так же, не шелохнувшись и не поднимая глаз.

– После того, как я узнала про маму, я совершенно перестала читать детективы, которые раньше так любила... понадобилось года три, чтобы вернуться к ним.

Нет, целых четыре года.

– Однажды я вдруг поняла: детективы и не предполагались прекрасными именно потому, что с самого начала это был вымышленный мир. Но... когда я снова начала читать, почему-то мне втемяшилось, что, возможно, в вымышленном мире случилась и мамина история. Может, это было бегство от реальности. А может, психическое отклонение. Но как бы там ни было...

Все становится сюжетом, если его сплести.

Сюжеты – все, что происходит в этом мире.

Они прекрасны, потому что «вымышлены».

И реальность, и детективы, и научная фантастика, и пьесы.

– Я надеялась, что вы поймете, Сики-кун... просто подумалось на минутку...

«Вы слушаете или нет?»

Сики молчал и по-прежнему сидел, не поднимая головы. Но Каэдэ все равно продолжала рассказ.

Во второй раз Каэдэ взбунтовалась против деда... Не далее как на днях.

Собравшись с духом, она заговорила о том, что обдумывала уже некоторое время.

– Знаешь, дедушка... я хотела бы обсудить с тобой кое-что.

– Что же?

– Не пора ли подумать насчет того, чтобы нам жить вместе у меня? По соседству появилась неплохая недвижимость, так что можем перебраться в квартиру попросторнее.

Дед поблагодарил ее за заботу мягким тоном, в котором, однако, отчетливо слышался отказ.

– Ведь в этом случае я буду уже не Химонъя.

– Так ты из-за этого...

– Сколько раз я уже объяснял: Кацура Бунраку Восьмой был «Курамонтё», Хаясия Хикороку – «Инаритё»...

– А Косан был «Мэйдзиро», а Синтё – «Яраитё», и что?

На лице деда мелькнуло удивление. Кабинетом на миг завладело неловкое молчание.

Имена и прозвища мастеров ракуго эпохи Сёва, которых Каэдэ никогда не видела, сами собой врезались ей в память, потому что дед по давней привычке постоянно упоминал их. Но гораздо больше, чем запомненные имена, деда удивил резкий ответ Каэдэ, и вид у него стал слегка обиженный.

А Каэдэ все-таки неумолимо продолжала:

– Дедушка, но при чем тут то, как тебя кто-то называет? – и она, удержавшись от рискованных слов «не торчать же мне у тебя целыми днями», добавила: – Я же беспокоюсь. Хочу быть вместе с тобой, чтобы ты постоянно находился у меня на виду.

– Ты прости, Каэдэ.

На лице деда возникло сложное, омраченное чем-то выражение – то ли на сердце легла тяжесть оттого, что он так прямо отверг любезное предложение внучки, то ли он все-таки обрадовался, пусть и самую малость.

– Ты прости, но мне нравится здесь, в Химонъя. Нравится слышать детские голоса. Нравятся и воробьи, прилетающие из бамбуковой рощи в парке, и лепестки сакуры, прилетающие от святилища божества-хранителя. Нравится сад, хоть он и крошечный и вдобавок прямо-таки кишит насекомыми. Нравится дом, где еще ощущается запах моей жены, хоть с годами он и выветривается. Все не

ладится... почему-то в видениях жена является мне лишь изредка, несмотря на все мое желание встречи с ней. И своего единственного «сына», твоего отца, лучше которого никто не составлял мне компанию за выпивкой, я тоже не вижу. Но возле дома растет маленькая сакура, которую он посадил. А в доме стоит комод, которым пользовалась моя жена. И швейная машинка. И туалетный столик жены, которым теперь пользуешься ты. Просто видеть тебя за ним со спины мне в радость.

У Каэдэ защемило в груди. Потому что раньше она ни разу не слышала от деда, с каким нетерпением он ждет галлюцинаций, чтобы увидеть в них ее бабушку и отца. Но...

– В таком случае, – не отступала Каэдэ, – почему бы мне не пожить здесь вместе с тобой?

– Каэдэ, останься в своей квартире, – с серьезным лицом, как когда-то прежде отец, отрезал дед. – Старики не вправе отнимать у молодежи драгоценное время. К счастью, Канаэ появляется чуть ли не каждый день. Если тело перестанет мне служить или сердце даст серьезный сбой, тогда и переберусь в соответствующее учреждение. Не беспокойся, со всеми формальностями уже покончено.

И дед расцвел ласковой улыбкой, которую в прежние времена, наверное, назвали бы обольстительной.

– Извините, что так долго. На этом все, – слегка воспрянув духом, закончила рассказ Каэдэ.

И тогда все это время молчавший Сики вдруг негромко произнес:

– Что-то вроде дрянного перевода.

– А?..

Длинные волосы полностью скрывали из виду опущенное лицо Сики. Но на скатерть падали капли – одна за другой. Всего на миг он бросил взгляд на окно, в которое бился дождь. Потом снова опустил голову и яростным движением обеих рук вытер глаза.

– Простите. Я не знал.

– М-м...

– Просто вы упомянули слова «один на свете».

– Верно.

– До недавнего времени я понятия не имел, что у Иваты-сэмпая нет ни родителей, ни братьев или сестер, – голос Сики тоже дрогнул. –

А я только и делал, что сидел на родительской шее.

Он шмыгнул носом, и этот звук гулко разнесся по безлюдному помещению.

– Я то и дело отпрашивался с подработки и занимался только театром.

– Вот и хорошо. Ваше место на сцене.

– Знаете, Каэдэ-сэнсэй... – Сики вдруг вскинул голову и уставился на нее. – Помните известную реплику из «Девушки-одуванчика»?

– М-м, конечно.

– «Позавчера я увидела кролика...»

– «...вчера – оленя...»

– «...а...»

Посмотрев друг на друга, следующие слова Каэдэ и Сики произнесли в один голос:

– «...сегодня – вас».

После недолгого молчания они снова встретились взглядами и вместе рассмеялись – наверное, потому, что оба уже наплакались. Еле слышно Сики произнес слова, о которых как раз сегодня она собиралась забыть:

– Каэдэ-сэнсэй, не только позавчера, вчера и сегодня – с тех пор, как мы встретились впервые, я люблю вас.

Эпилог. Загадка преследователя

1

Не одиноки —
Вдвоем мы одно.
Я все же одиночка,
Быть вместе скорей бы!
В мыслях об этом
Проходит весь день.

О том, что хорошо бы втроем собраться дома и отметить оправдание и освобождение, а заодно и победу класса Ивата в школьном марафоне, заговорил не кто иной, как сам Ивата.

– Вообще-то такие торжества организуют не их виновники, а кто-нибудь другой.

От подначки Сики Ивата отмахнулся кратким «отстань» и понес первую тарелку с едой домашнего приготовления на низкий столик в гостиной.

«Хорошо, что мы втроем», – немного успокоилась Каэдэ.

В тот вечер внезапного признания...

Сики сказал, что хочет не то чтобы встречаться, – просто объяснить, какие чувства к ней испытывает. Но все же, оставаясь с ним наедине, Каэдэ ощущала неловкость и беспокойство.

Вот и сегодня, пока они сидели все вместе за низким столиком, она даже не могла посмотреть Сики в глаза. Он тоже чувствовал это, старался не встречаться взглядом с Каэдэ и искал прибежища в выпивке. А Ивата как будто ничего не замечал.

– Секрет приготовления вкусного какуни, – самодовольно объяснял он, – в том, что нужно бланшировать его водой, в которой промывался рис. Она устранил неприятный запах мяса.

Несведущей в готовке Каэдэ не оставалось ничего другого, кроме как восхищаться. Сики вытаращенными от удивления глазами

установился на нежные ломтики какуни из свинины, над которыми поднимался пар.

– Ого... сразу видно, что вкусно, еще до того, как попробовал!

– Ведь правда? И потом, есть еще одна тонкость...

Пока продолжалась цветистая похвальба рецептами, Каэдэ еще раз незаметно окинула взглядом комнату Иваты. Неправдой было бы утверждать, что эта комната не вызывала у нее любопытства – ведь как-никак она впервые очутилась в доме одинокого мужчины.

Находился этот деревянный дом, построенный не меньше пятидесяти лет назад, минутах в двадцати ходьбы от станции Идогая по линии Кэйкю. Под тяжестью трех человек железная лестница пронзительно скрипела.

Почему-то с радостным видом Ивата сообщил, что хотел было перебраться в жилье побольше и получше, да домовладелица не отпустила.

Переведя взгляд на стену, на которой там и сям облупилась штукатурка, Каэдэ увидела на ней несколько старательно и ровно развешанных листов цветного картона с ёсэгаки – надписями, оставленными на память несколькими группами авторов.

«Спасибо, учитель Ган-тян! Класс 2–1».

От самого Иваты Каэдэ знала, что Ган-тян – его прозвище, от «ган», онного чтения первого иероглифа его фамилии.

«Пока не найдете себе девушку, “ганбарэ” – не сдавайтесь, Ган-тян! Класс 5–4».

Какие же они забавные, эти неумелые шутки учеников начальной школы.

«Учитель Ган-тян, мы любим вас! Класс 1–3».

От фраз, крупно выведенных толстым маркером в центре, разбегались во все стороны написанные неуверенной рукой и потому особенно милые пожелания.

У Каэдэ тоже хранился похожий лист от детей, у которых она была классным руководителем, – дорогая сердцу память о «Гарри» и остальных, но такой лист пока у нее был только один. А у Иваты их собралось несколько, и это говорило о том, как его любят в школе.

Но взглядываясь издали в самый крайний лист, Каэдэ заметила нечто странное. Он единственный из всех выглядел пожелтевшим и явно старым. И крупная надпись в центре была сделана искусно,

хорошим почерком, не похожим на младшешкольный. Когда же Каэдэ поняла, в чем дело, ей стало немного неловко за пренебрежение, с которым она отнеслась к этому старому листу картона. Потому что под крупными иероглифами «Братик Ган-тян, поздравляем с поступлением в университет! Спешите к своей мечте!» было написано название детского дома, в котором, по-видимому, вырос Ивата.

– ...Если нашинковать капусту или зеленый лук для начинки гёдза вот так крупно, они приобретут более приятную текстуру. После этого останется только добавить само мисо...

– Сэмпай, да без разницы!.. В смысле, дайте я лучше поскорее съем их.

А Ивата все хвастался рецептами. Конечно, какони и гёдза, то есть «мясо с мясом», были явно мужскими блюдами, тем не менее удовольствие доставляли.

Дед Каэдэ был убежден: можно понять, что за человек перед тобой, если взглянуть на его книжный шкаф. Смутившись, она бросила взгляд на дешевый стеллаж из крашеной фанеры, заменяющий книжный шкаф, и увидела все тома «Папы-кулинара» и пособия по получению учительской лицензии с торчащей из них густой бахромой клейких закладок.

Чувство невозможности расстаться с чем-либо было хорошо знакомо Каэдэ. Но наверняка такой человек, как она, даже представить себе была не в состоянии, сколько испытаний выдержал Ивата.

В другом таком же фанерном стеллаже красовались полные собрания DVD с «Мстителями», «Форсажем» и «Терминатором».

Взгляд Каэдэ не остался незамеченным. В руке Сики, наконец дорвавшегося до еды, остановились палочки.

– «Кинозал Иваты»... вот это ассортимент!

– Ты о чем?

– Да просто так значительно и грандиозно выглядят выстроенные в ряд доступные для понимания экшен-фильмы.

– Насмехаешься, да? – судя по обращенному на Сики сердитому взгляду Иваты, ничего подобного он не ожидал. – Слушай, если речь о кино, лучше всего, когда оно начинается с «бдыщ!», потом сплошняком идут «тра-та-та» и «бац-бац», чтобы потом ты такой «ф-фух...»

– Одни звукоподражания. А глубины-то и нет.

Но Ивата не сдавался:

– А с детективами в целом что, не так? Разве не тем они интересны, что в конце загадка раскрывается с таким же «ф-фух»?

– Нет, не только. В мире детектива есть такой жанр, «риддл стори», который заканчивается без развязки.

На миг Каэдэ показалось, будто Сики смотрит на нее.

«Загадочная история...»

Считается, что этот жанр непросто для писателя: поскольку в нем воображению читателя представляется возможность самому выбрать ту или иную развязку, непродуманное подведение к концу оставляет впечатление «стрекозы с обрезанным хвостом»^[11], то есть, в переносном смысле, незавершенности.

И кстати, что это вообще за стрекоза такая?

«Только не надо предоставлять решать это воображению, лучше потом проверь в Интернете на смартфоне».

Пока она задумалась и отвлеклась, Сики пустился в разглагольствования.

– Переводы я не выношу, но раз уж зашел разговор о «загадочных историях», обязательно надо упомянуть рассказ «Невеста или тигр» Ф. Р. Стоктона. Это не детектив, а литературная классика восемнадцатого века... полагаю, прерваться не повредит, но если вы против, сэмпай, тогда не будем. Можно мне добавки гёдза?

– Не томи, раз начал – договаривай. – Ивата пообещал: – А гёдза приготовлю, – и удалился на кухню.

– Ну, тогда перейдем сразу к финальному спойлеру, – слегка повысив голос, чтобы было слышно Ивате, Сики продолжал: – Однажды давным-давно жил в одной стране юноша, которого постигла запретная любовь к царевне, единственной дочери царя той страны. Но царь, которому стало известно об этом, предал юношу страшному суду. Галереи вокруг арены заполнились до отказа, и там были две двери, одну из которых юноша должен был открыть. За одной дверью ждала прекраснейшая из девушек той страны, и в случае выбора этой двери юноша был бы помилован и смог бы взять эту красавицу в жены. А за второй дверью ждал голодный тигр, самый свирепый в стране. Юноша взглянул на сидящую среди зрителей царевну так, будто молил о помощи. Да... она знала тайну.

– Интересно... и что?

Из кухни донеслось аппетитное шкворчание – должно быть, Ивата обдал гёдза горячей водой.

– Страдания царевны были невыносимы: разумеется, она не хотела, чтобы ее возлюбленного растерзал тигр. В то же время, она не могла допустить, чтобы он женился на девушке, красотой превосходившей ее саму. После долгих и мучительных колебаний она наконец приняла решение. И едва заметным движением руки указала на одну из дверей. Итак... – Сики умолк и после паузы продолжал: – Кто же вышел из двери на арену – невеста? Или тигр? Этим вопросом, обращенным к читателю, рассказ и заканчивается.

– И все? Конец спойлера? – склонив голову набок, Ивата бесцеремонно выгреб гёдза на тарелку кухонной лопаткой. – Да что ж такое, аж настроение испортилось... так прямо и заканчивается? Тогда это вообще никакой не спойлер. Нечего тут спойлерить.

– В этом и весь интерес, разве нет? Но вам всей прелести таких сюжетов, наверное, не понять, – и Сики принялся втягивать Каэдэ в разговор, по-прежнему не глядя ей в глаза: – А вот вы, Каэдэ-сэнсэй, наверняка назвали бы уйму детективов, написанных под впечатлением от этого рассказа.

– Ну, насчет уймы не знаю, разве что «Женщина и тигр» Джека Мофетта.

Эстафету принял Сики, хорошо знающий японских авторов:

– А еще... да вот хотя бы «Женщина или арбуз?» Када Рэйтаро.

– Из чего тут выбирать? Арбуз несколько не страшный.

– «Человек? Медведь?» Икусимы Дзиро.

– А тут выбирай не выбирай, все равно проиграешь.

– Сначала прочитай, а уж потом суди, – напрямик высказался Сики. – У всех этих произведений прочная репутация выдающихся. Ну, так ведь и загадка изначальной «Невесты или тигра» прямо-таки захватывает. Что одержит верх – любовь царевны или ее ревность... невеста или же тигр? Чем больше думаешь об этом, тем меньше понимаешь, верно?

– Нет, если подумать по-нормальному, в одну секунду все ясно.

– Эм-м?..

– Могу утверждать наверняка: из двери, которую выбрал юноша, вышла девушка.

– Что? С чего вдруг такие утверждения? На каком основании?

На лице Сики отчетливо читалось, что какими бы ни были эти основания, они в лучшем случае нелепы.

– Ты небось сходу записал меня к тем, кто в логике не смыслит. – Ивата бодро вскрыл банку тюхая. – Так вот, объясняю. Только сначала хочу кое-что проверить. Там ведь на галерею вокруг арены набилось полным-полно публики.

– Правильно. В рассказе есть упоминание о том, как толпы тех, кому не удалось войти, сгрудились вокруг стен арены.

– И они, стало быть, знали, по какой причине того юношу предали суду.

– Так и есть. Все собрались ради удовольствия поглазеть, как закончится несчастная любовь царевны.

– Если так... все равно из двери вышла девушка.

– Да с какой же это стати?

– Не торопи меня, ладно? Прежде всего, задумаемся как следует о душевном состоянии царевны. Начнем с того, что ограничиваться всего двумя возможными вариантами, любовью и ненавистью, совершенно неправильно. Психология человека не настолько проста. Я убежден, что есть еще один вариант объяснения.

– Это какой?

Почему-то слегка помрачнев, Ивата ответил:

– Чувство самосохранения, – и, шумно глотнув тюхая, продолжал: – Пора принимать решение. Само собой, зрители не только не сводят любопытных глаз с юноши, но и следят за каждым движением еще одного действующего лица – царевны. Юноша украдкой бросает на нее взгляд. После мучительных колебаний царевна незаметно указывает рукой на одну из дверей. Однако! В обычном случае на это движение обязательно должен был обратить внимание кто-то из публики. Ведь царевна сидела среди зрителей.

– Ясно. Так это имелось в виду?

Неужели уже убедил?

Сики усмехнулся, грызя ноготь на большом пальце, словно заявлял: «Еще чего!»

– Точка зрения, присущая только кэтчеру, который продумывает игровые комбинации в зависимости от жестов бэттера.

Однако Каэдэ, которая по-прежнему не совсем понимала, что имел в виду Ивата, одолевала сомнения.

– Минутку, Ивата-сэнсэй, в Интернете наверняка найдется полный текст перевода, – после быстрых поисков в смартфоне она подтвердила: – Так и есть. Вот как об этом жесте написано в рассказе: «Это видел только ее возлюбленный. Все другие взоры были прикованы к человеку на арене». Поскольку так написал сам Стоктон, разве это не значит, что все смотрели только на юношу, и жест царевны вообще никто не заметил?

– Нет, не значит, – отозвался, как ни странно, Сики.

Он со звоном встряхнул единственный оставшийся в пустом стакане кубик льда. Одинокая ледышка напоминала оказавшегося в безвыходном положении юношу на арене.

– Предположим, что, как и пишет Стоктон, все присутствующие не сводили глаз со стоящего на арене юноши. Тогда тем более они, стоило ему взглянуть на царевну, должны были проследить за его взглядом, чтобы узнать, что там с ней такое, верно?

Сики медленно перевел взгляд на ведро с кубиками льда, взял горсть, со звоном высыпал их в стакан и, расплывшись в улыбке, которая выглядела и женственной, и в то же время ребяческой, произнес:

– Видите? Сэмпай и Каэдэ-сэнсэй, сейчас вы вместе со мной перевели взгляд на ведро со льдом. Люди невольно поддаются искушению, стоит при них кому-то вдруг посмотреть в сторону. Ведь и я недавно поддался ему, заметив, что Каэдэ-сэнсэй смотрит на стеллажи, и сам невольно поглядел на них.

И Сики указал на стеллаж с DVD. Стараясь не встречаться с Сики взглядом и смущенно глядя ему куда-то в лоб, Каэдэ сказала:

– М-м... наверное, с точки зрения психологии человека с этим можно согласиться. Но в таком случае почему Стоктон, сознавая, что возникнет неувязка, написал: «Это видел только ее возлюбленный. Все другие взоры были прикованы к человеку на арене»? Ведь тогда получается, что он, строго говоря, солгал.

– Нет, а вдруг... – Сики приложил красивый, как у женщины, палец к своему заостренному подбородку, в голосе его в кои-то веки засквозило возбуждение, – а вдруг это не «описательный текст», а мысли царевны? И «наверняка никто не заметит мой жест, потому что все уж точно смотрят на юношу» – на самом деле то, что думала или хотела думать царевна. Иначе говоря, этот фрагмент текста –

дьявольская уловка, с помощью которой Стоктон напускает туману и вводит в заблуждение читателя. Он нарочно избегает фраз вроде «в тот момент царевна была убеждена, что...» или «в тот момент царевна всей душой желала, чтобы...», которые по-хорошему следовало бы вставить прямо перед этим фрагментом.

«Да ладно!» – так и ахнула Каэдэ.

– Нарративный прием?..

– Он самый. Если вдруг Стоктон сознательно задумал придать образу мыслей персонажа такой вид, чтобы его неверно истолковали, как «описательный текст», тогда рассказ «Невеста или тигр» не просто «риддл стори», а бесспорно первый в мире нарративный детектив. Прочитав этот фрагмент вдумчиво и уловив, что здесь мы имеем дело с образом мыслей персонажа, можно прийти к выводу, что ответ есть лишь один.

Такой версии Каэдэ еще никогда не слышала: заложившее основы «загадочной истории» и ее типичный пример – классическое литературное произведение восемнадцатого века «Невеста или тигр», оказывается, не что иное как нарративный детектив с хитроумно спрятанным текстовым приемом.

– Сики! – Ивата повысил голос, словно потеряв терпение. – Ты что, слушать меня вообще не собираешься? А я, между прочим, только начал объяснять.

– Простите, что встрял, сэмпай. Продолжайте, пожалуйста.

– Ну вот, наверное, теперь уже ясно, что кто-нибудь из зрителей должен был заметить знак, который подала царевна.

Каэдэ и Сики закивали, побуждая его продолжать.

– Думаю, «едва заметный» жест царевны заметил далеко не один зритель и даже не два. Вероятно, таких зрителей нашлись десятки или сотни. И что тогда произошло бы, если бы царевна указала на дверь с тигром и в итоге он растерзал бы юношу? Зрители увидели бы жестокое представление, на которое и рассчитывали, и, может быть, ненадолго удовлетворились бы. Но... по-моему, немного погодя в народе начались бы злые пересуды: «Царевна в припадке ревности скармила любимого тигру!», «Я сам видел, как она подала знак!», «Я тоже видела!», «Злодейка какая!»

Сики поддакнул, добавив, что это неизбежно привело бы к бунту. Ивата продолжал, будто горячо соглашаясь с ним:

– Царевна же была единственной дочерью царя. То есть ее в конце концов выдали бы замуж за аристократа или принца какой-нибудь страны, и она стала бы правительницей. Скормить любимого тигру – такого поступка женщина в ее положении ни за что бы не совершила. Потому что тогда она начисто лишилась бы симпатии народа. Большие шишки обязательно ставят чувство самосохранения превыше всего. Так что в итоге царевна могла указать лишь на дверь, за которой находилась девушка. Этот... как там его... Стокинг...

– Так и думал, что придется повторить. Стоктон.

– Да, этот самый Стоктон вот как раз к такому финалу и вел.

«Вот это да... а Ивата-сэнсэй немножко похож на дедушку».

Нельзя было не услышать в его словах если не определенность, то по крайней мере убедительность. Рассказ «Невеста или тигр» оказался детективом с заранее подготовленной «истиной». Но гораздо больше собственного восторга Каэдэ поразило сказанное Иватой.

«Большие шишки обязательно ставят чувство самосохранения превыше всего».

В этих словах слышалась несвойственная Ивате мрачность. Видимо, сам он когда-то натерпелся от сильных мира сего, пекущихся только о себе.

– Погодите, сэмпай, внесу поправку. – Сики даже палочки отложил, хлопнул в ладоши и продолжил, уловив идею: – Царевне было вовсе незачем опрометчиво скармливать тигру юношу прямо там, на месте. Ведь достаточно просто дожждаться, когда он женится на красавице, а потом подать «едва заметный» знак, чтобы кто-нибудь из слуг совершил тайное убийство.

– Ну, ты!.. – перебил Ивата, будто ему осточертело слушать. – Страху-то, страху такого зачем нагонять? Кому охота читать рассказ, если в конце юношу растерзал тигр? Вот уж это точно не «ф-фух», никакого тебе облегчения.

– А разве я не так говорил с самого начала?..

– Как же достали вы меня с вашими детективами! Все, сегодня больше о детективах ни слова! Ешьте лучше побольше! И читайте «Папу-кулинара»!

Каэдэ нечаянно посмотрела в глаза Сики и расхохоталась. Сегодня их взгляды встретились в первый раз.

Вероятно, Ивата помнил, что Каэдэ предстоит возвращаться домой поездом. И к ее радости, приготовил гёдза без чеснока. Изумительно подсолненные эдамамэ съели моментально, некрепкое спиртное, которое пила Каэдэ, тоже иссякло.

– Пожалуй, мне уже пора...

Едва Каэдэ попыталась подняться, Ивата поспешно вскочил первым.

– Пожалуйста, побудьте еще немного. Слушай, Сики, надо сгонять в магазин.

– Эм-м... мне тоже? – спросил Сики нехотя, но сразу встал и надел куртку. Может, просто обрадовался возможности не оставаться наедине с Каэдэ.

– Ладно, только недолго. Потом рассчитаемся.

– Я угощаю, – в один голос заявили Сики и Ивата.

Недовольно переглянувшись, оба вышли, и сразу же под их ногами закрипела железная наружная лестница. Ритмичный металлический скрип звучал на удивление слаженно.

«А как же, они ведь бывшие бэттери...»

Чувствуя, как напряженное лицо само собой расслабляется, Каэдэ встала, чтобы помыть посуду.

И тут заметила на самой нижней полке стеллажа с книгами единственный предмет, занявший ее целиком и явно выставленный напоказ. Судя по тому, что рядом не виднелось ни пылинки, его поместили сюда совсем недавно.

На трех маленьких бейсбольных битах, разложенных с чередованием концов, покоился мяч.

«А, это же тот самый мяч, который Сики принес на свидание и положил в передачу для Иваты...»

Ивата наверняка дорожил им.

Думая, что напрасно делает это, Каэдэ все же перевела взгляд на старый с виду лист цветного картона поодаль на стене. И вопрос, уже давно не дававший ей покоя, вмиг разрешился.

Это был вопрос, почему Ивата-сэнсэй взял себе за правило по утрам каждую субботу целый час добираться на поезде до реки и бегать возле нее по дамбе.

Безусловно, это место подходило для пробежек как нельзя лучше. Однако если бы единственной целью Иваты была приятная пробежка,

он мог бы найти сколько угодно подходящих мест, расположенных гораздо ближе.

Так почему?

Теперь Каэдэ знала, в чем причина. Вернее, наконец узнала.

Потому что на листе картона с памятными надписями из детского дома после его названия значился написанный хираганой адрес вблизи той самой реки.

Каждую неделю после пробежки у знакомой с малых лет реки Ивата-сэнсэй забирал вещи из автоматической камеры хранения на станции и шел в детское учреждение, проведать своих младших товарищей.

И, вероятно... Нет, наверняка...

«И непременно привозил гостинцы – какие-нибудь домашние сладости. А остатками угощал».

Каэдэ перевела взгляд на передник Иваты, который он оставил у кухонной раковины. Старый, сшитый вручную, расплывшийся по швам и настолько потрепанный, что его можно было бы назвать ветхим.

Как и думала Каэдэ, на переднике было вышито «Братик Ган-тян». Прозвища – вот что не меняется с возрастом. Наверное, даже сейчас сотрудники и воспитанники детского дома продолжают называть Ивату братиком Ган-тяном.

Нет, он вовсе не один на свете. У него есть множество младших «братиков» и «сестричек».

И...

«И у меня. У меня тоже есть дедушка».

А теперь... теперь еще и...

Каэдэ почувствовала, как вспыхнуло лицо – должно быть, от выпитого. В стакан, в котором остался один лед, натаял охладивший горло глоток воды.

В этот момент ее смартфон, лежащий на низком столике, яростно завибрировал.

«Ответить? Честно говоря, спиртное сейчас не помешало бы...»

На экране смартфона высветились слова «Телефон-автомат». Вероятно, звонил один из двоих.

«Смартфон забыл», – подумала она, проводя по экрану.

– Возьмите на свой вкус. Извините, я в этом не разбираюсь.

Ивата или Сики? Сики или Ивата?

Но тот, кто позвонил ей, продолжал молчать.

«Неужели?..»

Каэдэ вмиг протрезвела, по спине скатилась струйка ледяного пота. Бросившись к окну, она слегка отвела в сторону шторы и выглянула наружу.

– Алло!

Она услышала его впервые. Голос того, кто ей позвонил.

Однако этот голос был, видимо, пропущен через программу-преобразователь, потому что звучал механически, не выдавая ни пола, ни возраста, как на сайтах, где выкладывают видео.

– Каэдэ-сэнсэй...

Не отвечая, Каэдэ вгляделась в ночную улицу с односторонним движением, проходившую перед домом. Почему-то интуиция убеждала ее, что неизвестный находится где-то рядом.

– ...пришлось ждать.

Да где же он?

Этой безлунной ночью улицу шириной метров пять с редкими фонарями окутывала почти крошечная темнота. Нет, было в ней единственное светлое пятно.

– Должно быть, вы тоже заждались, Каэдэ-сэнсэй.

Метрах в ста от дома, перед сквериком. Там виднелась смутная, как мираж, телефонная будка.

Помнится, в новостях говорили, что с распространением смартфонов телефонные будки оказались на грани исчезновения. В глазах Каэдэ сама по себе будка выглядела зловещей диковиной из иного мира или большим доисторическим существом с жесткой кожей.

Он там.

Тот человек, который последние несколько месяцев чуть ли не каждый день звонил ей и молчал в трубку.

– Алло, вы слушаете?

Тон резко изменился.

– Не смейте пренебрегать мной!

Способен ли напугать рассерженный механический голос?

– Э-э... м-м... – наконец отозвалась Каэдэ.

Ивата-сэнсэй и Сики-кун предупреждали, что разговаривать с ним ни в коем случае нельзя.

Но, к сожалению, не ответить Каэдэ не смогла. Ей стало страшно.

– Да я не пренебрегаю, просто я же не знаю, с кем говорю.

– Не знаете? Вот как?

Судя по голосу, неизвестный не мог поверить своим ушам.

– Да. Поэтому прошу вас больше мне не звонить.

– Убью.

Почему-то смысл этого слова от Каэдэ ускользнул.

– Простите, как вы сказали?..

– Убью. Не имея в виду то, что говорю...

Каэдэ ощутила, как неистово заколотилось сердце.

– Вы слушаете, Каэдэ-сэнсэй?

– Да...

Ее голос стал сиплым от страха.

«Умоляю! Ивата-сэнсэй, Сики-кун, возвращайтесь скорее!»

– Все уже готово, так что не беспокойтесь. Сегодня звоню, чтобы сообщить.

На этом звонок оборвался.

Из телефонной будки по ту сторону мрака нарочито медленно появилась смутная тень, широко помахала рукой в сторону Каэдэ и снова слилась с чернотой. Казалось, этот некто прекрасно понимал, что с такого расстояния в темноте невозможно определить не только комплекцию, но даже пол или возраст.

2

Знать бы, что думают, видя меня, люди?

Знать бы, что думают, видя мои дела, люди?

По-прежнему видят во мне «неловкость»?

Но им лишь мерещится то, чего нет.

Уж тебе ли не понять:

Никакой «неловкости» во мне нет.

На следующий день после полудня ноги сами понесли Каэдэ к дому деда.

Проходя мимо святилища местного божества-хранителя, она услышала, как деревья вокруг него с шумом закачал мощный порыв ветра. Каэдэ невольно запахла на шее воротник пальто.

Конечно, не только новая волна похолодания была причиной ее постоянного озноба, исходящего изнутри. На всем пути от станции ее не покидало ощущение, будто за ней идут следом, и она то и дело оглядывалась.

Ивате и Сики о неизвестном из телефонной будки она не рассказала – думала, ее отругают за то, что вступила в телефонный разговор, но в первую очередь не желала разрушать драгоценную атмосферу умиротворения.

Вдобавок к назойливым телефонным звонкам и молчанию ощущение, будто за ней кто-то следит, с каждым днем возникало все чаще.

Каэдэ все еще рассчитывала найти способ справиться с ситуацией своими силами. К примеру, как сегодня, обувшись в купленные в период подготовки к марафону кроссовки, чтобы в любой момент припустить бегом. С пальто они совершенно не сочетались, но выбора у нее не было.

Принять меры она пробовала и в отношении телефонных звонков. При условии, что звонят из телефона-автомата или со скрытого номера, достаточно только включить в настройках автоматическое отклонение таких звонков, чтобы вообще не слышать их. Благодаря этому можно было бы перевести дух, пусть и всего на несколько дней.

Но в действительности классный руководитель, на попечении которого находятся более тридцати детей, не может пользоваться этим способом постоянно. Правило, согласно которому все контакты с учителями должны осуществляться при посредничестве школы, – не более чем условность.

К тому же Каэдэ хотела бы избежать ситуаций, когда дозвониться ей невозможно, а с учеником произошел несчастный случай или возникли проблемы, связанные со школьной травлей, не говоря уже о тех моментах, когда родителям или опекунам требуется срочная консультация и они понятия не имеют, что у них включена настройка скрытого номера.

В сопровождении Иваты Каэдэ даже сходила в ближайший полицейский участок. Но в итоге, как она и предполагала, выяснилось,

что поскольку конкретный ущерб не был нанесен и отсутствует какая бы то ни было информация, позволяющая опознать звонившего, предпринять что-либо в нынешней ситуации полиция не в состоянии.

Несколько раз она порывалась поговорить с дедом, несмотря на нежелание тревожить его. Она понимала, что от почти не выходящего из дома деда помощи ждать не стоит. Но когда услышала от него произнесенный мягким тоном совет не беспокоиться лишней раз о том, что будет, к своему удивлению успокоилась.

– Дедушка, я пришла.

Она разулась, чуть не споткнувшись о порожек в прихожей, и заспешила к кабинету в дальнем конце коридора, как вдруг услышала из-за двери слева, ведущей в гостиную, какое-то негромкое позвякивание.

Безжалостно-зловещие картины пронеслись в воображении Каэдэ.
«Ему наверняка плохо!»

В гостиной она застала старшую из помощниц по уходу, Окаппу-сан: добавив в чайную чашку загуститель, та усердно размешивала его.

– Извините... но ведь ваша смена уже давно закончилась.

Окаппа-сан ответила, что ничего страшного, хоть на лбу у нее бисером высыпала испарина.

– Просто моя сменщица не пришла. Да еще самочувствие нашего подопечного сегодня неважное.

Ему все-таки хуже?

Каэдэ приуныла, ведь еще недавно ей казалось, что в последнее время деду заметно полегчало.

Состояние пациентов с ДТЛ так разительно меняется не только изо дня в день, но и в течение одного дня или даже каждый час, как будто подменили самого пациента.

При выраженных симптомах болезни Паркинсона мышцы по всему телу настолько заметно теряют эластичность, что пациент лишается возможности даже как следует глотать. Иногда еда или питье попадают вместо пищевода в дыхательные пути, вызывая аспирационную пневмонию, способную привести к летальному исходу.

Массаж мышц шеи и восстанавливающие голос упражнения под руководством специалиста в ходе комплекса реабилитационных

процедур проводятся как раз для того, чтобы не допускать подобных осложнений.

Если дед, который обычно без труда принимал любую пищу, теперь был в состоянии проглотить только чай с загустителем, это действительно означало, что ему стало хуже.

Вежливо поблагодарив Окаппу-сан и попрощавшись с ней, Каэдэ поклонилась, взяла чашку, направилась к кабинету и постучала в дверь так осторожно, как только смогла.

– Дедушка... можно мне войти?

Сквозь дверь послышался слабый отклик – и не согласие, и не отказ. Но Каэдэ все равно вошла, постаравшись, как смогла, изобразить улыбку.

Как обычно, дед сидел в кресле-реклайнере. Но верхняя половина его тела сильно накренилась вправо.

«Пизанский синдром!»

На Каэдэ накатила тоска.

Как видно из названия, при пизанском синдроме заметно усиливается наклон тела в сторону – как у Пизанской башни. Из-за резкого снижения способности к пространственной ориентации сам дед считал, что сидит прямо.

– Теплый чай готов. Только он с загустителем.

Сохраняя безучастное выражение лица, дед слегка покачал головой, словно отказывался. Одна из характерных особенностей пациентов с ДТЛ – «застывшая маска», при которой выражение лица практически не меняется.

Неясно было даже, узнал дед Каэдэ или нет. Но она решилась рассказать о том, что случилось вчера, хоть и понимала, что причинит ему беспокойство. Она считала, что размышления о чем-либо позитивно влияют на деда.

Поделившись с ним новой теорией, согласно которой «Невеста или тигр» – на самом деле нарративный детектив с конкретным решением, она заметила, как дед слегка улыбнулся, а может, ей просто показалось.

«К слову о тиграх...»

Ей вспомнилось, как однажды после особенно яркой галлюцинации дед с серьезным видом рассказывал, как к нему в

кабинет приходил синий тигр. Все-таки у него определенно деменция...

От признания этого прискорбного факта у Каэдэ потемнело в глазах. И она, словно чтобы отделаться от мрачных мыслей, невольно заговорила быстрее.

Когда она призналась, что неизвестный не только уже изводил ее раньше безмолвными звонками, но и произнес загадочные слова: «Все уже готово», в глазах деда как будто мелькнул гнев, но опять-таки у нее могло просто разыгаться воображение. Слушая ее, дед согласно кивал, но порой казалось, будто он, задремав, клюет носом.

«А вдруг... вдруг дедушка таким и останется?»

Обычно у пациентов с ДТЛ не наблюдается резкого ухудшения состояния. Но поскольку болезнь то прогрессирует, то отступает с каждым месяцем, неделей и днем, их близкие неизбежно впадают в уныние.

Когда пациентам с ДТЛ становится хуже, тех, кто их окружает, охватывает чувство раздражения, будто песок при попытке удержать его в руке утекает между пальцами. Все потому, что если и дальше так пойдет, с быстрым и необратимым ухудшением состояния пациента они навсегда лишатся шанса на общение и взаимопонимание с ним.

Раздался сигнал домофона, вместе с ним послышался голос Глупапаши – специалиста, отвечающего за восстановление речи.

Только теперь Каэдэ заметила, что луч заходящего солнца, заглянув в окно, осветил по-прежнему неподвижное лицо деда.

«Безнадежно. Наверное, это ему в тягость...»

Бросив взгляд на часы, стоящие на комод, Каэдэ обнаружила, что говорит сама с собой уже почти час.

– Дедушка, я только уберу зимние вещи и пойду домой.

На миг ей показалось, что дед шевельнул рукой так, будто благодарил ее. Но и это движение, видимо, было не чем иным, как дрожью рук – симптомом болезни Паркинсона.

Тщательно свернув и сложив стопкой несколько жакетов и свитеров, Каэдэ выдвинула ящик комода. Он был забит почти полностью, но в нем, к счастью, еще нашлось место – как раз чтобы втиснуть все зимние вещи.

Вот и хорошо. Есть чему порадоваться, хоть это и мелочь. Не все же так плохо.

Правильно все, что происходит прямо сейчас.

Доставать весеннюю одежду было еще рано, но Каэдэ все же выложила один из любимых дедушкиных кардиганов.

Нигде сакура не цветет так красиво, как в округе. Совсем скоро они вдвоем, как в давние времена, смогут увидеть цветущую сакуру у святилища местного божества-хранителя.

Из ящика туалетного столика в углу кабинета Каэдэ вынула щетку, наскоро пригладила волосы, взглянула на себя в зеркало и кое-как изобразила улыбку.

В дверь постучали, одновременно со стуком послышался голос Глупапаши.

– Эм-м... прошу прощения, можно?

– Да, конечно.

Мягкий голос обволакивал, проникал в душу.

– Я заметил в прихожей – хорошие у вас туфли.

– Что вы...

– Наверняка и моей дочке такие пойдут. А вы как думаете, Химонья-сан?

Шутливым тоном он явно рассчитывал рассмешить деда. И конечно, сегодня никакого ответа от него не дождался. Но, наверное, есть какие-то другие способы общения с пациентом, когда ему нездоровится.

Мягко похлопывая себя ладонью по чисто выбритой голове и улыбаясь точно так же, как обычно, Глупапаша спросил:

– Так-так, чем же нам сегодня сначала заняться?

Каэдэ невольно подумала, что он настоящий профессионал. Слегка приободренная, она снова улыбнулась. Поклонившись Глупапаше, она покинула дом деда нехотя, с ощущением, будто кто-то тянет ее сзади за волосы, не желая отпустить.

Заметив вышедшую из дома Каэдэ, мужчина отступил в тень ограды нарочно медленно, чтобы не привлекать внимания. И пробормотал так тихо, что даже сам едва смог расслышать: «Каэдэ-сэнсэй...»

А потом с той же осторожностью, что и всегда, привычно последовал за Каэдэ.

К тому времени, как Каэдэ вернулась к себе в Гумёдзи, уже совсем стемнело.

Отперев дверь подъезда, она тяжелыми шагами вошла в лифт и прислонилась к стенке кабины. У нее невольно возникло такое чувство, будто вместе с дедовым меняется и ее самочувствие.

Размышляя, не принять ли сегодня вечером неспешную ванну, она вышла из лифта и увидела какой-то предмет конической формы, висящий на ручке двери в ее квартиру. И едва успела сдержать рвущийся из горла вопль, зажав рот руками.

Так, минуточку.

Это же...

Что это вообще такое?

При свете лифта за спиной она опасливо подошла и присмотрелась...

На дверной ручке, подвешенный за ленту вниз головой, висел роскошный букет черных роз. С их цветом резко контрастировало белоснежное кружево, в которое был завернут букет.

Связанные вместе стебли находились вверху, расходящиеся конусом цветы были обращены вниз. В таком виде, если принять стебли за голову, букет выглядел, как невеста в свадебном платье, а если призвать на помощь мрачные фантазии – как труп повешенного.

«Кукла» из черных роз.

Вот и Каэдэ сегодня была в черном пальто. Случайно ли это совпадение?

И что имел в виду человек, звонивший ей из телефонной будки, когда сказал, что «все уже готово»?

Она незаметно бросила взгляд по сторонам, но в общем коридоре никого и в помине не было.

В многоквартирных домах, если не считать элитных жилых комплексов, где всегда есть охрана, автоматически запирающиеся двери ненадежны, так что при желании проникнуть в здание может кто угодно. Вот почему Каэдэ с согласия владельца поставила на входную дверь своей квартиры двойной замок.

«То есть...»

Тот, кто принес сюда букет, уже ушел, или он все еще...

«Вот именно».

Или он все еще здесь, совсем рядом. Ей понадобились вся решимость, чтобы посмотреть, что у нее за спиной. Сунув руку в карман пальто, она крепко, как оружие, сжала лежащий там смартфон. Потом, собираясь с духом, сделала глубокий вдох и резко обернулась.

Никого.

Она и опомниться не успела, как по всему телу проступил пот. И тут вдруг вспомнила кое-что в связи с черными розами.

Торопливо вытащив смартфон, она проверила, что они означают на языке цветов. И в точности как ей запомнилось, на экране возникло два значения, противоречащих одно другому.

«Ты только моя» и «ненависть».

По коридору гулял сквозняк, букет покачивался. Свет из лифта и свет от экрана смартфона падали на его «голову» с разных сторон.

4

Смех на твоём лице увидеть я хочу,
Плач на твоём лице увидеть я хочу,
Гнев на твоём лице увидеть я хочу
Вблизи, чтоб чувствовать твоё дыхание.

Провести эту ночь дома Каэдэ была не в состоянии. К счастью, как раз шли праздничные выходные. Позвонив Мисаки и попросившись к ней, она услышала сказанное в ответ приказным тоном: «А я как раз открыла бутылочку дорогого вина. Вот это чутье у тебя!.. Ничего не надо объяснять, приезжай скорее».

Почти сразу Каэдэ стало ясно, что возможность выпить вместе – просто предлог, чтобы избавить ее от неловкости. Не желая доставлять подруге беспокойство, о преследователе она не упомянула ни словом, а Мисаки, хоть и заметила, что ее что-то тревожит, допытываться не стала, и этой деликатностью, призывами «пей!» и шутками вроде «камамбера полно, хоть торгуй», растрогала ее до глубины души. Пожалуй, впервые во взрослой жизни у Каэдэ появился человек, которого она могла назвать близким другом.

Утром она направилась напрямик к деду.

Разумеется, ей хотелось рассказать ему про букет, но прежде всего не терпелось узнать, не стало ли ему хоть немножко лучше.

Пройдя по некогда выложенной камнями, а теперь бетонной дорожке, она взялась за ручку входной двери.

– Дедушка...

В этот момент ей и зажали рот мягкой тканью. И почти одновременно схватили в мощные, как тиски, объятия. Нестерпимый жар, который мог исходить только от мужчины, вмиг распространился по ее спине. Она уловила запах, который откуда-то был ей знаком.

– Извините, что заставил ждать, Каэдэ-сэнсэй, – произнес неприятно ласковый голос прямо ей в ухо, мочки которого коснулись чьи-то мокрые губы.

Из ее груди, чуть не раздавленной чудовищной силой, вырвался всхлип.

– Вот так, не говорить и не двигаться.

В том, как он это произнес, было что-то несерьезное, как в игре «Поднять флажок» – «не поднимать красный, не поднимать синий!»

– Если поняли, медленно кивните, пожалуйста. Не сделаете, как я говорю, – убью.

На этот раз, в отличие от телефонного разговора, смысл слова «убью» дошел до нее моментально. По-прежнему скованная страхом, Каэдэ еле заметно кивнула. Одна рука, обхватившая ее тело, прочная и твердая, как засов, сразу опустилась. И тут же по затылку Каэдэ прошла легкая волна боли.

– Кто пользуется хлороформом и так далее, тот фильмов посмотрелся. В конечном счете это надежнее.

Немного погодя от ее рта убрали что-то похожее на мягкую ткань.

«Давай!»

Приготовившись закричать во весь голос и позвать на помощь, Каэдэ вдруг поняла, что растеряла все слова.

«Как же это...»

Как надо шевелить языком, чтобы выговорить «помогите»? Потом оказалось, что язык онемел и вообще не двигается. Не только язык – онемели челюсти, и верхняя, и нижняя. Нет, онемело все тело.

По саду разнесся какой-то грохот.

Последнее, что увидела Каэдэ, пока ее поле зрения постепенно суживалось, – покотившийся по бетонной дорожке шприц.

Сон или явь?

– А-а... э-э... и-и... у-у... э-э... о-о... а-а... о-о... – доносился откуда-то издали дедов голос.

Голос, старательно выполняющий упражнения для восстановления речи.

– А-а... э-э... и-и... у-у... э-э... о-о... а-а... о-о...

«Как хорошо, голос бодрый. Дедушка, сегодня тебе явно легче».

Каэдэ попыталась выдохнуть с облегчением, но несмотря на все старания, как следует выпустить воздух ей не удалось.

Что это за странная сдавленность дыхания?

– Ка-а... кэ-э... ки-и... ку-у... кэ-э... ко-о... ка-а... ко-о...

Может, она еще дремлет? Веки тяжелые.

Даже слишком.

При попытке открыть глаза оказалось, что поднять веки что-то мешает.

– Ка-а... кэ-э... ки-и... ку-у... кэ-э... ко-о... ка-а... ко-о...

Руки не шевелились. И ноги тоже.

– Са-а... сэ-э... си-и... су-у... сэ-э... со-о... са-а... со-о...

Правая щека касалась прохладной и немного пружинистой поверхности пола.

Нос улавливал сразу два запаха. Один, похожий на мыльный, был запахом антибактериального спрея, которым обрабатывали напольные покрытия в доме деда.

В этот момент Каэдэ поняла, в каком положении оказалась, – так внезапно, будто пробудилась рывком, упав во сне со скалы.

У нее завязаны глаза и заткнутый рот вдобавок заклеен скотчем. Запястья связаны за спиной, ноги связаны на уровне не только щиколоток, но и коленей. Повернув голову, она догадалась, что лежит на полу в дедовой гостиной.

«А другой запах – это...»

Легкий, который она когда-то прежде уже улавливала где-то. Неприятным этот запах вовсе не был. Но его почти полностью заглушал более резкий запах антибактериального спрея.

– По сравнению со вчерашней вашей дикцией прямо не узнать. Поболтали с кем-нибудь? – донесся из соседнего кабинета удивленный

голос Глупапаши.

– Нет, ничего такого. Пожалуй, дойдем сегодня до строчки «ра».

– Напрягаться ни к чему, – мягко упрекнул деда Глупапаша. – Упражнений на артикуляцию будем делать столько же, как обычно. Позвольте, горло вам помассирую.

Послышался треск натягиваемых резиновых перчаток.

«Куда же девался тот мужчина, который напал на меня?»

А может, она очнулась раньше, чем он рассчитывал. Но когда он вернется, неизвестно.

И возможно, вернется только затем, чтобы сразу же ее убить.

«Если как-нибудь... если как-нибудь дать понять тем двоим в кабинете, что я здесь...»

Убеждая себя сохранять спокойствие, она попробовала оценить свое положение.

Повязка на глазах полностью закрывала все поле зрения. Пальто с нее, видимо, сняли. Там, где правый бок соприкасался с полом, сквозь черный вязаный свитер и тонкие брюки ощущалось несколько каких-то твердых предметов.

Догадавшись, что это такое, Каэдэ впала в отчаяние. Ее связали не только по рукам и ногам. Все ее тело обвито веревками. Значит, даже перевернуться на другой бок будет чрезвычайно сложно.

В ее распоряжении оставалось единственное средство – голос. Ей вспомнилось, как в каком-то детективе она читала, что от кляпа во рту и ленты, которой заклеен рот, в любом случае можно избавиться, если есть время.

«Поспеши, но не суетись...»

Языком, к которому уже немного вернулась подвижность, Каэдэ принялась увлажнять плотно втиснутый в рот кляп.

Из кабинета донесся голос, спрашивающий про состояние горла.

– М-м, так приятно... Так бы и пожил еще. Хотя уже пора.

– Что вы, рано еще об этом думать.

Вот и Каэдэ искренне надеялась, что дед пробудет в этом доме как можно дольше.

В кабинете, где беседовали эти двое, дверей было две. Одна вела сюда, в гостиную, а другая – в коридор до прихожей. Если Глупапаша выберет последнюю, то покинет дом, так и не обнаружив ее, Каэдэ.

– Заварить еще чаю? Судя по тому, что я слышал, сегодня загуститель можно не добавлять.

– Нет, чаю достаточно. Вы не против вместо этого еще немного пообщаться со стариком?

– Ну конечно же. Ведь как я всегда повторяю, разговоры – лучший из методов реабилитации.

Немного погодя из кабинета послышались совершенно неожиданные слова деда:

– Знаете, моей внучке досаждают преследователь.

– Что?..

В возгласе Глупапаши проскользнуло такое изумление, словно его застали врасплох.

– Вашей внучке?.. Каэдэ-сэнсэй?

– Да. И если поначалу он просто звонил и молчал, то в последнее время начал ходить за ней по пятам.

– Ну, возможно, не мне заводить такие разговоры, но... по-видимому, подобным действиям свойственно усугубляться. Не лучше ли было бы как можно скорее заявить в полицию?

– Нет, в полицию уже обращались. Но поскольку какая бы то ни было информация о звонившем отсутствует и конкретный ущерб не был нанесен, в полиции сказали, что они предпринять ничего не могут.

– Хм-м. Тоже можно понять, но... как же бесит эта явная бюрократия.

– Вот и мне так подумалось. Но посмотрим на это дело с другой стороны: если бы удалось логическим путем установить личность преследователя и вдобавок прояснить ситуацию с конкретным ущербом, полиция могла бы предпринять что-нибудь.

– В самом деле... Знать бы еще, возможно ли это.

– Посмотрим, получится или нет. Ну, можно ведь просто послушать, как игру в умязакновения.

– Любопытно.

– Прежде всего, назовем преследователя Икс. Что касается пола, это почти наверняка мужчина. Ведь когда друг Каэдэ, Ивата-сэнсэй, погнался за ним, этот Икс удрал так быстро, что поймать его не удалось. А вы как думаете?

– Да, пожалуй, мужчина. Если преследует такую красивую женщину.

– Кроме того, Каэдэ говорит, что понятия не имеет, кто такой этот Икс. Вряд ли среди ее друзей или товарищей по работе есть человек с такой внешностью. Безусловно, вероятность не равна нулю, но чтобы продолжать игру, предположим, что Икс – посторонний человек. Пока все складывается?

– Думаю, да. Потому что если преследователь – кто-то из друзей или коллег, обычно это заметно.

– Но в этом случае сразу возникает другой вопрос.

– Другой вопрос? Хм...

– Не догадываетесь?

– Простите, вообще не представляю.

– Вопрос вот какой: почему Икс знает номер смартфона Каэдэ?

– Ха-ха... а ведь и правда!

– В наше время номер мобильного телефона молодой женщины относится к сугубо личной информации. Однако Икс без труда сумел раздобыть его. Так каким же образом?

– Нет уж, Химонья-сан, не томите, объясните, пожалуйста.

– На свете есть только одно место, где контактная информация Каэдэ написана большими черными знаками. Икс открыто, никого не стесняясь, посмотрел на нее и запомнил. Это место – вот оно: приклеенная к стене памятка с контактной информацией для экстренных случаев. Рядом с такими людьми, как я, которым требуется уход в домашних условиях, на всякий случай обязательно должны быть подобные памятки. Иначе говоря, Икс – один из тех, кто вхож в этот дом.

Каэдэ слушала продолжающийся в кабинете разговор, и сердце у нее в груди колотилось все отчаяннее. Неужели кто-то из людей, которые бывают в этом доме, и есть преследователь?..

От усердных движений языком кляп мало-помалу начал размягчаться.

А тем временем дед снова заговорил. Каэдэ изо всех сил напрягла слух.

– Вы как будто испугались.

– Так и есть. Сердце у меня пошаливает. Пожалуйста, не надо меня больше так пугать.

– В таком случае успокойтесь, а потом будьте добры подумать: какой сюжет сплели бы вы, Глупапаша, из вышеизложенного?

– Э-э... сюжет? То есть?

– Если попросту, кто он, этот Икс?

– Хм. Даже не знаю, можно ли говорить такое...

– Не смущайтесь.

– Но предупреждаю: это не более чем мое дурацкое мнение. Икс ведь мужчина, так? А помощницы по уходу, начиная с Окаппы-сан и заканчивая консультантом, который здесь появляется редко, – женщины. Другими словами, если принимать во внимание только бывающих в этом доме мужчин, список сильно сокращается.

– Молодец. Называть такое мнение дурацким – самоуничижение высшей степени. На самом деле оно вполне логично.

– Если уж говорить прямо, мужчин здесь бывает всего двое: я, специалист по нарушениям речи, и физиотерапевт. Или же Глупапаша и Софутто-куримуя-сан.

– Совершенно верно.

– Но что касается дальнейших сокращений списка, такому человеку, как я, остается лишь сдаться без боя.

– Ну, это вряд ли. Но поскольку я церемоний не развожу, теперь моя очередь. Прежде всего, Икс чрезвычайно быстро бегают. А вы, уж извините, сердечник, которому перевалило за шестьдесят, так что «хороший бегун» – это не про вас. С другой стороны, Софутто-куримуя-сан явно крепкого сложения и вдобавок помогает родителям в их заведении. Говорят, большие бидоны с молоком очень тяжелые.

– Значит, все-таки...

– Вдобавок работа физиотерапевта требует огромной физической силы. Нередко приходится выдерживать всю тяжесть тела пациентов с избыточным весом. Так что очевидно, кто на самом деле Икс.

– Вот она, обманчивая людская внешность... Нет, не хочу свысока отзываться о других.

– Понимаю. Но это же я спросил ваше мнение, так что не переживайте.

Пот, проступивший по всему телу Каэдэ, вмиг стал ледяным. А потом, словно ей в макушку ударило током, она вдруг вспомнила, откуда ей знаком второй запах.

«Это же была ваниль...»

Запах ощущался слабо, но именно он защекотал ей нос при встрече с физиотерапевтом.

Несмотря на всю опасность положения, в котором она очутилась, почему-то в голове Каэдэ возник образ «человека с запахом ванили» из книги Эллери Куина.

Как же так? С виду такой искренний и серьезный Софуту-куримую-сан оказался ее преследователем. Но если вспомнить его необыкновенную быстроту и силу объятий, остается лишь согласиться. И если с минуты на минуту он появится здесь...

Каэдэ представила это и ужаснулась.

– ...Вообще-то есть еще одна причина, по которой Софуту-куримую-сан внушает подозрения.

– Вот как. Я бы послушал, если вы не против.

– С виду он кажется честным, а мне сказал явную ложь.

– Ложь?

– Как известно, здесь в саду водятся сверчки-судзумуси, которые издают стрекот приятного тембра. И он пожелал записать эти звуки с помощью смартфона.

– Кстати, я ведь тоже записал их на цифровое устройство.

– Однако есть одно «но». В новом определителе насекомых, который принесли мне в подарок недавно приходившие в гости дети, сказано, что сверчки-судзумуси издают настолько высокочастотные звуки, что записать их на смартфон невозможно. По-видимому, сделать запись этого красивого пения можно только с направленным высокоточным ИКМ-рекордером или высокоэффективным записывающим устройством вроде вашего, если вдобавок подобраться к сверчку как можно ближе.

– А-а... Этого я не знал.

– И тем не менее он сказал, что поставит запись пения сверчков на телефон как звук в режиме ожидания, а это явная, неприкрытая ложь. И для этой лжи должны быть какие-то причины. Что вы о них думаете?

– Хм... ну, к примеру, это ложь, чтобы усыпить вашу бдительность, Химонья-сан.

– Да, эту версию стоит учесть.

– В таком случае, как я сказал с самого начала, надо заявить на преследователя в полицию, пока его действия не усугубились.

– Нет, Глупапаша-сан, до этого еще далеко.

– В смысле?

– Выводы, которые я поначалу сделал из имеющихся у нас немногочисленных сведений, определенно совпадали с вашими. Но... обдумав это дело с другой точки зрения, я в конце концов пришел к совершенно иным заключениям.

– К каким это иным?

– Ну, для начала углубимся в причины, по которым он солгал о якобы сделанной записи пения сверчков. Даже если он усыпил бы мою бдительность или снискал благосклонность, вряд ли это принесло бы ему много выгоды. Если вдуматься, вред от разоблачения этой лжи оказался бы гораздо значительнее.

– И то правда. Раз солгавшему веры нет.

– Тогда как насчет другого предположения? Несмотря на все старания, он так и не смог найти в саду среди травы поющего сверчка. Я отчетливо видел его, только подобраться ближе не мог, и он, чтобы не расстраивать меня, сделал вид, будто записал его пение.

– Так неужели этот сверчок?..

– Ну разумеется! Сверчок был моей галлюцинацией. Действительно, физиотерапевт солгал. Но эта ложь проистекала из присущей ему доброты.

– Ха-ха... вот, стало быть, как? Ну, а что же это за иные заключения, к которым вы пришли?

– Сейчас объясню. Но сначала можно попросить кое о чем?

– Прямо сейчас? О чем же?

– Извините, нельзя ли мне сигарету?

– Хм, сигарету? Так вы, значит, курите?

– Только изредка. Они вон там, в ящике туалетного столика. Синяя пачка с надписью «голуаз». И зажигалка, наверное, там же. Извините, буду признателен, если поможете прикурить... ф-фух. Вы уж извините, спасибо.

– Не за что. Ну, к продолжению рассказа.

– К продолжению рассказа? То есть?

– Не дразнитесь. Рассказа о том, какие еще выводы вы сделали о личности преследователя.

– Ах да, верно. Обратимся к «конкретному ущербу», который Каэдэ потерпела из-за преступных действий Икса, хотя сама Каэдэ, по видимому, об этом не подозревает. Обычно большинство преследователей стремятся заполучить вещи объекта своих

преследований. Ф-фу-у. Икс тоже не исключение. Он крал имеющие отношение к Каэдэ вещи среди бела дня.

– Да, действительно поведение, типичное для преследователя. Но каким образом из него следуют ваши иные заключения?

– Так вы не спешите и послушайте. Навестив меня вчера, Каэдэ привела в порядок зимнюю одежду, сложила ее в ящик вон того комода. И вместо нее выложила вот этот красный кардиган. Как он, идет мне? Я вот думаю, не слишком ли он яркий даже для весеннего.

– Вам так идет, аж завидно.

– Вот и хорошо... Нет, нехорошо, уже готово.

– Что-то случилось?

– Да мне вдруг показалось, что любимый кардиган уже пропах табаком.

– Эм-м... извините, если неправильно понял... вы что же, развлекаетесь, вынуждая меня нервничать?

– Вам просто почудилось. Ф-фу... Итак, на чем мы остановились? Ах да, на зимней одежде. Убирая ее, Каэдэ так обрадовалась, что в ящике комода хватило места. Но в комоде всегда недоставало места, чтобы удобно разложить все зимние вещи. До недавнего времени там лежало кое-что еще.

– Кое-что еще?... Если речь о вас, Химонья-сан, значит, какие-нибудь старые книги?

– К сожалению, нет. Там лежали многочисленные фотографии, которые Каэдэ вставляет в рамки. Когда мы, пациенты с ДТЛ, смотрим на снимки людей или изображения пейзажей, зрительные галлюцинации накладываются на них. Вот почему Каэдэ, беспокоясь за меня, убрала снимки в ящик комода и, видимо, сама напрочь забыла о них. Ох, Глупапаша-сан, я не слишком задерживаю вас?

– Становится все интереснее. По такому случаю я бы хотел дослушать.

– Вот и замечательно. Преследователи стремятся заполучить не только такие предметы, как снимки, но и органику, имеющую отношение к объекту их преследований. Например, обрезки ногтей. Или пластиковую бутылку, на которой осталась слюна. Или даже... да, и волосы. Ну, что скажете?

– А почему вы спрашиваете меня?

– Ф-фу-у... Простите, я о том, понятен ли вам смысл сказанного ранее.

– Понятен. Как всегда, я в восторге от вашего красноречия.

– Благодарю. Так вот, вон там туалетный столик, которым пользуется Каэдэ. Обычно перед тем, как уйти домой, она причесывается наскоро перед ним, а потом уходит. Но тут я заметил нечто странное. Через несколько дней после прихода Каэдэ я внимательно рассмотрел ее щетку в лупу, неспешно изучил ее и обнаружил, что на ней почему-то не осталось ни единого волоска. Один раз такое вполне могло случиться. Но сколько бы раз я ни повторял попытки, результат оказывался одинаковым. Помощницы по уходу убирают за мной, но им хватает дел и без наведения порядка на туалетном столике Каэдэ. Так что мне не осталось ничего другого, кроме как прийти к выводу, что волосы со щетки Каэдэ похищал Икс.

– Ха-ха-ха, так значит, волосы Каэдэ-сэнсэй похищал Софуту-куримую-сан!

– Нет, однозначно утверждать еще слишком рано.

– И что это значит?

– Ноги у Икса настолько сильные, что он без труда обогнал двадцатисемилетнего учителя, увлекающегося бегом, так что можно с уверенностью предположить, что у него есть опыт продолжительных занятий легкой атлетикой.

– Следовательно, этим Иксом может быть только Софуту-куримую-сан.

– Это не совсем так. Если уж мы заговорили о быстроногих мужчинах, то мне довольно давно известно, что подобный опыт имеется, к примеру, у вас, Глупапаша-сан.

– А?..

– Помните, как ранней осенью вы здесь нахваливали меня? Вы превозносили мои обширные познания во всевозможных областях и сравнивали меня с чемпионом в десятиборье. Ну, что скажете? Только не говорите, что забыли.

– Я помню. Но послушайте, я же просто упомянул десятиборье для примера. Это сравнение я считаю уместным, более того, употребление слова «десятиборье» еще не дает оснований считать человека имеющим опыт занятий легкой атлетикой.

– Нет, суть не в этом. А в произношении.

– В произношении?

– Именно.

– С вами все хорошо? А то что-то ваша речь становится бессвязной.

– Ладно, тогда потренируюсь в присутствии профессионала. Вы не против послушать?

– Как пожелаете.

– Дзис-сю кёги... дзис-сю кёги... дзис-сю кёги... дзис-сю^{[12]*}...

– И долго вы намерены продолжать? М-да... понятия не имею, что вы пытаетесь выразить таким образом. Но, по-моему, с голосом и дикцией у вас сегодня все хорошо.

– Попросите кого угодно прочитать это слово из четырех иероглифов – «десятиборье». Точно так же, как «Десять заповедей» Моисея большинство людей читают как «дзюккай», а не «дзикай», вероятно, почти все прочитают слово «десятиборье» как «дзюсюкёги». Полагаю, лишь тому известно, что правильное чтение «десятиборья» – «дзиссюкёги», кто располагает хоть каким-нибудь опытом занятий легкой атлетикой.

– Хм. А как же вы?

– А я просто знаю это.

– И что в этом подозрительного? Вот и я просто знаю. Мне известно, что «десятиборье» читается как «дзиссюкёги», поскольку это общедоступное знание, а опыт занятий легкой атлетикой у меня полностью отсутствует.

– Что ж, разумеется, и такая вероятность существует. Тогда еще вопрос: почему это от вас сегодня так сладко пахнет ванилью?

– Эм-м...

– Это же от протеинового напитка. Говорят, особой популярностью пользуются ванильные.

– Вот насчет этого не знаю. И нет, просто я обожаю мороженое. Ванильное – моя слабость. Хотя у меня и диабет, я по-прежнему съедаю в день одну-две порции.

– О-о, впервые слышу. Если вы так любите ванильное мороженое, разве эта тема не должна была всплыть сама собой, когда речь зашла о Софуту-куримуя-сан?

– Ну-у, по логике, пожалуй, да. Но я просто как-то растерялся и забыл.

– Тогда другой вопрос.

– Они у вас еще не кончились?

– Вчера, пока Каэдэ была здесь, вы вошли и вдруг заявили: «Я заметил в прихожей – хорошие у вас туфли».

– Я правда так подумал, потому и сказал.

– В таком случае, почему вы назвали их «туфлями»? Обычно про предназначенную для спорта обувь такого вида говорят «кроссовки».

– Эм-м... просто это...

– Если затрудняетесь с ответом, я объясню. Обычным людям, не имеющим опыта занятий легкой атлетикой, так с ходу, на глаз, не отличить обычные кроссовки от специальных беговых. В сущности, даже Ивата-сэнсэй, у которого пробежки вошли в привычку, впервые увидев обувь Каэдэ, перепутал ее с простыми кроссовками. А вы, едва взглянув на кроссовки Каэдэ, оставленные в прихожей, сразу же назвали их «туфлями», как сокращенно называют беговые туфли. Непохоже, чтобы вы пропускали пробежки даже теперь.

– Если и так, разве это обязательно о чем-то говорит?

– То есть?

– Допустим, я действительно имею опыт занятий легкой атлетикой, вдобавок до сих пор довольно успешно тренируюсь. Но само по себе это еще не снимает подозрений с физиотерапевта. Будьте добры сравнить непредвзято мой и его возраст, а также телосложение и внешность. В итоге окажется, что наибольшие подозрения внушает все-таки молодой и энергичный физиотерапевт.

– Нет. Икс – это не он.

– Да ладно, как вы можете это утверждать?

– В нескольких отдельных случаях я снимал со щетки отпечатки пальцев. Это далеко не общеизвестный факт, но отпечатки пальцев на удивление просто можно снять с помощью того, что обычно есть на туалетном столике. Взять немного основы под макияж на тот конец ухочистки, к которому прикреплены перышки, и легонько приложить их к ручке щетки. Затем осторожно наклеить на ручку щетки канцелярский скотч – и увидишь размеры проступивших на нем отпечатков.

– Что-то я не совсем понимаю. И что же все это означает? Что проступившие отпечатки были моими?

– Напротив.

– Напротив?..

– Сколько бы попыток я ни предпринимал в те несколько дней, на щетке обнаруживались только отпечатки Каэдэ. Поскольку физиотерапевт перчаток не надевает, если бы он брал щетку, на ней остались бы отпечатки. То есть Икс – единственный человек, который, бывая в этой комнате, надевает перчатки.

– Так это он?

– Да, он самый. Преследователь Каэдэ – это вы.

Чпок. Чпок.

Чпок. Чпок.

В наступившем молчании слабое и однообразное пощелкивание резины, которую раз за разом оттягивали, зажав пальцами, и снова отпускали, гулко отдавалось в ушах Каэдэ.

Невероятно.

Преследователь, ходивший за ней по пятам, тот самый Икс... не кто иной, как казавшийся таким славным Глупапаша.

Острый страх, вызванный известием, что ее волосы похищали, и страх от неожиданного открытия, что ее преследователем оказался знакомый старше ее чуть ли не на сорок лет, двумя невидимыми веревками сдавили сердце Каэдэ.

Нет, не только...

Гораздо более реальный страх, о котором даже думать не хотелось, закрадывался в душу.

Почему дедушка, разоблачая преследователя прямо в его присутствии, держится настолько спокойно?

Если ответный удар будет нанесен физически...

«Мы обречены. И дедушка, и я».

Значит, единственное, что ей остается, – выбраться наружу и позвать на помощь. Если лопнет хотя бы одна из веревок, обвиняющих все тело, почти наверняка получится перевернуться. А если выкатиться по полу в коридор и добраться до прихожей...

«Нет, не так».

Дедушкина кровать здесь, а возле ее изголовья – кнопка экстренного вызова медицинской помощи. Стоит только нажать эту кнопку, и... нет, кнопка слишком высоко, не дотянуться.

«Ах, да – туалет!»

Если каким-нибудь образом попасть в туалет, вторую такую же кнопку, находящуюся там, можно нажать, даже не поднимаясь с пола. А туалет совсем рядом с этой гостиной, соседний по коридору. И хотя глаза у нее завязаны, ей известно, куда двигаться.

Прислушиваясь к происходящему в кабинете, Каэдэ принялась тереться правой стороной тела об пол, чтобы лопнула веревка.

– Хм-м... Само собой, к такому заключению способен прийти только тот, кто помешан на детективах. И что теперь? Как любитель «неожиданных преступников», хотите принудительно выставить преступником меня?

– На самом деле так все сложилось случайно. Однако ваши необоснованные подозрения напрасны.

– В этой версии как будто бы есть смысл, и все-таки она абсурдна.

– В самом деле?

– А разве нет? Вы же просто доказали, что человек, который забирал волосы со щетки Каэдэ-сан, – специалист по нарушениям речи, и не более. А я люблю порядок, хоть с виду и не скажешь. И чтобы хоть чем-нибудь помочь вашей семье, я старался сразу убирать любой мусор отовсюду, где его замечал. Но думал, что меня поблагодарят, а не назовут преследователем.

– Тогда почему волос не было вон там, в корзине для мусора? И ни единого волоска ни в большом мусорном ведре в гостиной, ни в угловом на кухне. Ну, что? Куда исчезли волосы?

– Наверное, вы сами выбросили.

– Ясно, кто бы сомневался.

– Во всяком случае, отсутствие волос или отпечатков пальцев еще ничего не доказывает. Может, в тот день волосы как раз не выпадали. Что касается отпечатков пальцев, то объяснение их отсутствия тем, что щетку трогал специалист по нарушениям речи, попросту притянута за уши. Моих отпечатков на щетке нет именно потому, что я ее не трогал. Полагаю, обычно люди так и думают.

– М-да, все это начинает напоминать игру, Глупапаша-сан.

– И мне она начинает нравиться, Химонья-сан.

– Ф-фу-у... Я уже накурился. Прошу не считать за труд затушить окурок и *на этот раз* выбросить в мусор его.

– Сомнительное выражение, но я не против.

– Итак... раньше я об этом заговаривать не решался.

– Так это вы такому плану следовали?

– Вам знаком термин «отпечатки перчаток»? О, по лицу видно, что нет. Конечно, в этом случае не удастся выявить такой отчетливый рисунок, как с помощью отпечатков пальцев, но по отпечаткам перчаток легко определить, пользовался кто-либо перчатками или нет. А, так ведь, пожалуй, незачем утруждаться таким замысловатым образом. Потому что при обыске в вашем доме полиция наверняка сразу же найдет и волосы Каэдэ, и снимки. Да, забыл сообщить вам нечто важное. Вы тут недавно сказали, что «раз солгавшему веры нет». Но вы ведь тоже солгали. В тот раз, когда говорили, что ваша дочь была в восторге от пения сверчков, записанного на цифровое устройство, – это же была ложь.

– Что?.. Нет, минуточку. Я-то пользовался не смартфоном. А цифровое устройство последней модели подходит для записи звуков каких угодно насекомых. Вы же сами недавно так говорили. Солгал Софуту-куримую-сан, а не я.

– Нет. Вы тоже лжете.

– Ничего не понимаю.

– Об этом тоже было написано в определителе насекомых, который мне подарили те дети: сверчки-судзумуси никогда не поют, собираясь в стаи. То есть они поют в одиночестве, сидя по одному в высокой траве, на расстоянии друг от друга. А сверчки, которых я нашел, сидели втроем на одном листочке. Этого просто не могло быть. Другими словами, и эти сверчки были моей галлюцинацией. Софуту-куримую-сан солгал по доброте душевной. А ваша ложь иного рода. Она грязная и призвана скрыть истинную суть. Дорогое цифровое устройство предназначалось для того, чтобы без разрешения записывать голос Каэдэ. Ручаюсь, вся его память забита записями ее голоса. Ах, да: начнем с того, что никакой вы не Глупапаша. И никакой дочери у вас нет. И когда вы напропалую гордились красотой волос своей дочери, на самом деле вы хвалили волосы Каэдэ.

– Да кто ты вообще такой?!

– Просто старик с деменцией.

Тон Глупапаши – нет, Икса, – мгновенно изменился до неузнаваемости.

«Осторожнее, дедушка!»

Каэдэ отчаянно терлась правым боком об пол, но веревка никак не лопалась. «Наверное, сейчас пригодились бы длиннющие яркие ногти, какими щеголяют некоторые ее ровесницы», – думала она. Словно в насмешку, она, пытаясь вытолкнуть кляп, почти доставала кончиком языка до ленты, которой был заклеен рот, но теперь громкие крики о помощи наоборот казались ей неудачной затеей.

«Он такой сильный...»

К ней на миг вернулось ощущение чудовищной силы, с которой в саду он вцепился в нее.

– Игра еще продолжается, Химонъя-сан?

– По-моему, она скоро закончится. А вы хотите спросить о чем-нибудь еще?

– В игре веду я. И у меня такое чувство, что я, не напрягаясь, ловко ускользну.

– А-ха-ха, а вот и нет. Не так давно был допущен промах.

– Не так давно?

– А вы вспомните: я начал разговор словами «моей внучке досаждают преследователь». Обычно в таких случаях первым делом возникает вопрос: «Кто он?». Или же «что это за человек, в каких отношениях с ней, друг или коллега?» – словом, важно то, что особый интерес представляет именно личность виновника. Вы же перескочили этот этап и вдруг заговорили о том, что лучше заявить в полицию. Вот тут вы и промахнулись. Можно сказать, крупно промахнулись. Когда не знаешь сути дела даже в общих чертах, обычно мысли о полиции не возникает. Значит, эта суть дела в общих чертах известна вам лучше, чем кому бы то ни было.

– Ясно. Наверное, игра и в самом деле скоро закончится.

– Собственно говоря, вот сейчас я не отказался бы от еще одной сигареты. Ну, поскольку уже пора, обойдусь.

– Минутку, при чем тут «пора»?

– А вы успокойтесь и послушайте, это же такой шанс! Итак, под конец игры попробуем по аналогии оценить цели преследователя Икс. На днях вы звонили Каэдэ из телефонной будки и сообщили следующее: «Все уже готово, так что не беспокойтесь». А вот что это такое «все», которое уже «готово»? Извращенная страсть преследователей порой принимает такие трагические формы, как совместное самоубийство по принуждению, но, к счастью, здесь, по-

видимому, не тот случай. Потому что если иначе взглянуть на угрозу, сказанную вами Каэдэ по телефону: «Убью. Не имея в виду то, что говорю...» – то можно сделать вывод, что убивать ее не входит в ваши планы. Если так, тогда «все готово» означает «готово к браку». Не удивлюсь, если сейчас ваш дом украшен волосами и снимками Каэдэ, а на самом видном месте висит свадебное платье. Вы намерены навсегда запереть Каэдэ в своем доме и жить там с ней. Вот что такое для вас «брак».

– Поразительно, Химонья-сан. И обидно умирать в такой тесной комнате.

– Хм, о чем это вы? О ближайшем будущем? Или о настоящем?

– А если о втором, что тогда?

– Тогда вам следует остановиться. Говорил же я недавно, что уже пора. Другими словами, пора приехать полиции.

– Что?!

Должно быть, он вскочил. Загрохотал опрокинутый стул.

«Это же дедушка. Он все продумал заранее».

Оба они спасены – при этой мысли жалкие остатки сил разом покинули Каэдэ. Больше их было незачем тратить.

Затаив дыхание, она стала ждать приезда полиции. И слегка приподняла голову, чтобы не упустить ни слова, сказанного в кабинете.

– Когда это вы вызвали полицию?

– Прямо перед вашим приходом. Могла бы уже приехать, но, видимо, задерживается.

– В этой комнате нет смартфона. Как же вы ее вызвали?

– Как раз заходила Канаэ – и очень удивилась, узнав, что Икс – это вы. Поэтому сказала, что вызовет полицию сразу же.

– Канаэ?

– А вы разве не знаете ее? Это моя дочь, она иногда заглядывает ко мне.

О-о, не может быть. Как глупо. А ведь он только что блистал умом.

«Дедушка, хватит. От этого слишком горько. Мама... мама!»

– Как отец скажу, что Канаэ с малых лет была светлой и яркой, как подсолнух, и очень любила петь гостям. В соседней гостиной теперь все переделали для моих ограниченных возможностей, а раньше это была комната в японском стиле. Там была даже перегородка-фусума,

разделяющая комнату пополам, и когда собирались наши родственники, Канаэ незаметно пряталась за ней и шептала мне через перегородку: «Папа, я здесь. Открой фусума, только медленно». Вскоре кассетник за перегородкой начинал играть вступление к традиционной песне энка. А я медленно отодвигал фусума, словно занавес. «Всем спасибо за ожидание! Пятилетняя Канаэ с трогательным и проникновенным исполнением песни “Зимний пейзаж в проливе Цугару”». Канаэ пела, а все наши родственники громко хлопали, ах-ха-ха. Сколько раз мне пришлось открывать этот занавес! А песня почему-то звучала всегда одна и та же – «Зимний пейзаж в проливе Цугару». Потому-то и на своей свадьбе Канаэ пела ту же песню... нет, не помню, пела она ее на свадьбе или нет. Ну, в чем дело? А? Что это у вас такое странное лицо?

– Это я смеюсь.

– Почему?

– Почему бы и нет, тут не захочешь, а засмеешься. Ведь в этой игре победа была за мной с самого начала.

– О чем вы говорите?

– Ничего не вышло, Химонья-сан. Хоть вы и похожи на умного, вы все-таки выживший из ума старый хрыч.

– Выживший из ума... хрыч...

– Поскольку вы, видно, гордитесь своей логикой, что, если я опровергну ее тем же логическим путем? Контактную информацию Каэдэ-сэнсэй я действительно увидел в памятке для экстренных случаев тут на стене. Тогда вот вопрос: почему в той же памятке не указана контактная информация Канаэ-сан? Она же ваша дочь и, вероятно, часто бывает в этом доме. И все же контактной информации вашей драгоценной дочери здесь нет. Ну, что? Разве это не удивительнее отсутствия отпечатков пальцев на щетке?

– А я и не замечал.

– Вы забыли, как я подловил вас во время упражнений? Я спросил: «Поболтали с кем-нибудь?» – и вы ответили уклончиво: «Ничего такого». Однако перед тем, как войти к вам в комнату, я отчетливо слышал, как вы увлеченно болтали с тем, кого уже нет на свете. А вы – ну надо же! – оказывается, просили позвонить в полицию галлюцинацию дочери. Это же умора.

– Минутку... Хм, не хочется признавать, но вполне могло оказаться, что я разговаривал с галлюцинацией Канаэ. Однако было бы ошибкой утверждать, что ее уже нет на свете. На самом деле моя дочь Канаэ явно существует в этом мире.

– Ох и насмешили, аж до колик, ах-ха-ха, перестаньте! Дайте хоть дух перевести! Ведь играть пришлось так долго и вдобавок изо всех сил удерживаться от смеха.

– И что это значит?

– Сейчас напрямик все объясню. Человека по имени Канаэ в этом мире *больше нет*. Двадцать семь лет назад, в день свадьбы, я собственными руками убил Канаэ, эту негодную предательницу... так что полиция, увы, не приедет.

У Каэдэ вырвался беззвучный вопль.

«Мама!»

Наказывая себя за то, что чуть не лишилась чувств, она крикнула снова.

«Папа!»

В тот же момент из кабинета послышался зловещий глухой стук. Должно быть, дед, локоть которого соскользнул с подлокотника кресла, ударился о стену.

Не помня себя, Каэдэ кричала, насколько позволял заклеенный лентой рот:

«Мама! Папа! Преступник... преступник здесь!»

– Вот только головокружений не надо. Пока вы не выслушаете меня, игра не закончится. Так вот, насчет Каэдэ, которая в последнее время становится все больше похожей на Канаэ... Наверное, про такое сходство и говорят «вылитый». Настолько похожей, что мне не под силу держать себя в руках. Да, меня даже обуяла ненависть. Так что во всем виновата только Каэдэ... Ах да, извините, что говорю о ней непочтительно. Но мы ведь будущие супруги, так что уж простите меня за это. Э, ну что такое? Не слышу ответа... Стоило вам только проиграть, и вы сразу сникли. Угу. А где же сейчас Каэдэ? А я отвечаю: Каэдэ сейчас лежит все еще без чувств совсем рядом, в соседней комнате. Я стану заботиться о ней, пусть только будет послушной. Она же все-таки любит меня. А вы спокойно умрите первым, Химонья-сан.

Чпок, чпок – снова послышалось пощелкивание резины перчаток.

Каэдэ была настолько зла, что не могла даже плакать.

«Не прощу. Ни за что не прощу. Этого человека...»

Похоже, времени, чтобы нажимать кнопку экстренного вызова в туалете, уже не осталось. Не оставалось и ничего другого, кроме как громко позвать на помощь, была не была. Высунув язык сбоку от размякшего кляпа, Каэдэ старательно принялась отрывать от губ ленту.

– Ну-ка, выполним речевые упражнения еще разок. Поскольку это просто восстановление речи, никто ничего такого и не подумает, даже если заметит отпечатки перчаток вокруг вашего рта. Сначала я вложу вам в рот с обеих сторон указательные пальцы... Да, готово. Итак, поехали. «А-а... э-э... и-и... у-у... э-э... о-о... а-а... о-о...» В чем дело, почему вас не слышно? Ладно, тогда другое упражнение. «Ка-а... на-а... э-э... ка-а... на-а... э-э...» Ай-яй-яй, и это не выходит? Куда же девалась ваша недавняя бодрость? Тогда попробуем сменить упражнение еще раз. «Ка-а... э-э... дэ-э... ка-а... э-э... дэ-э...» М-да, с речью дела совсем плохи. Что ж, перейдем к массажу шеи? Э, да вы слюни распустили. Сменю перчатки.

Чпок, чпок.

Лента наконец отделилась от рта Каэдэ с правой стороны.

Еще немного. И еще...

Чпок, чпок. Чпок.

– Итак, позвольте заняться вашей шеей. Ай-яй, ведь только недавно разминал ее, а мышцы опять напряженные. Придется приложить больше усилий, так что вы уж потерпите, будьте добры. Это... не... надолго...

Лента отклеилась. Втянув через узкую щель побольше воздуха, Каэдэ крикнула:

– Кто-нибудь, помощи!..

И сразу же кто-то вертикально приложил к ее губам теплый палец.

– Тише, Каэдэ-сэнсэй. Это Сики.

Как только с глаз Каэдэ была убрана повязка, длинные мягкие волосы защекотали ее щеки.

– С-сики-кун!.. Де... дедушка!..

– С ним все в порядке. Не стоит недооценивать вашего дедушку.

«Ба-бах!» – раздался гулкий грохот упавшего тела и стула. И сразу же Икс в кабинете завопил во весь голос:

– А-а, больно! Руку... руку сломаешь!

– Это японское дзюдзюцу, или джиу-джитсу, было распространено в викторианской Англии. Кажется, Холмс называл его «баритсу», вот только неясно, владел он этим захватом или нет.

– Прекрати, старый хрыч! Ты у меня поплачешь!

– Попытки вырваться бесполезны, этот болевой прием действует безотказно. В такие дни, как сегодня, когда я чувствую себя неплохо, давно усвоенное мастерство оказывается особенно кстати. Вот как недавно, когда мы с физиотерапевтом, Софуту-курумуя-сан, мерялись силами на руках. Конечно, он старается обращаться со мной осторожно, но в тот раз я впервые победил. Чем очень его расстроил.

Вот оно что... Теперь понятно, почему во взгляде, который в тот день метнул в нее Софуту-курумуя-сан, выходя из кабинета, ей померещилась враждебность...

Но на самом деле ее не было.

Просто в глазах случайно отразилась досада из-за того, что он проиграл деду.

– Кончай хвалиться... жить надоело?

– Чем больше вырываешься, тем больше. Ну, Ивата-сэнсэй, как успехи?

Голос Иваты раздался одновременно с грохотом окна:

– Здесь! Все удалось записать...

– М-м, как же это замечательно – пользоваться высокоэффективным записывающим устройством!

Сики гладил Каэдэ по голове.

– Я же говорил, что можно было войти и через дверь.

Голос Икса зазвучал просительно:

– У-у-умоляю, отпустите!

– Ну уж нет. А то не станешь слушать мои логичные объяснения.

Голос деда звучал так твердо, словно он и не заламывал до сих пор противнику руку.

– Я тоже подозревал, что Канаэ, возможно, порождение моих галлюцинаций. Поэтому каждый раз, когда приходила Каэдэ, я говорил ей что-нибудь вроде «сегодня вы с Канаэ опять разминувшись» и следил за выражением ее лица. И когда видел, как она вымученно улыбается, думал, что все-таки... Тогда отсутствие номера Канаэ в памятке для экстренных случаев указывало на страшное прошлое. И если развить эту мысль, призвав на помощь воображение, нельзя исключить

вероятность, что Икс преследует уже вторую в роду «Девушку-одуванчик». Но... люди все-таки слабые существа.

– Кончай болтать. Отпускай давай.

– Я надеялся, что и сегодня Канаэ придет, как всегда. И когда она в самом деле появилась, я попросил ее позвонить в полицию и не мог отделаться от мысли, что все улажено. Но, как ни печально, я подумал и о том, что Канаэ вполне может оказаться галлюцинацией, поэтому попросил прийти также Сики-куна и Ивату-сэнсэя. Что же насчет вопроса о том, существует на самом деле Канаэ или нет... – дед помолчал, подыскивая слова. В голосе послышался лишь едва заметный намек на слезы. – Вопрос о том, существует она или нет, спорным не представляется. Итак, сейчас я вправе сплести один из двух сюжетов. Сюжет первый: я сломаю тебе руку прямо здесь, не сходя с места.

– Какой еще сюжет? Кого ты из себя корчишь, старый хрыч? Ну давай, если можешь!

Голос Икса звучал и страдальчески, и с напускной бравадой.

Но дед будто и не слышал его.

– И еще один – сюжет о том, как благодаря силе воле не поддаваться мстительности. И без того мой разум слабеет с каждым днем. Если я сломаю тебе руку... это буду уже не я, – дед без колебаний продолжал: – Не сломаю, – и твердо добавил: – Не стану ломать.

Сколько... сколько же в нем силы.

Непреклонной силой воли дед разогнал затаенные обиды, словно завесу сиреневого дыма^[13].

Раздался глухой стук – видимо, стоило деду ослабить захват, как Икс оттолкнул его. Сики вскочил, готовый броситься в кабинет. Но тут Икс снова взвизгнул:

– Ай, больно! Теперь еще ты... прекрати! Мне же давно за шестьдесят перевалило!

Похоже, Иксу досталось от Иваты.

– Да кто бы говорил!

Голос Иваты: похоже, противника он лупил, чуть не плача.

– Это тебе за дедушку!

– Помогите!..

– А это – это за человека, которого я люблю!

«Ивата-сэнсэй... Ивата-сэнсэй...»

Немного погодя из кабинета донесся голос Сики, обратившегося к своему бывшему кэтчеру:

– Сэмпай, довольно. Простые люди вправе проводить задержания, но если вы перестараетесь, вас обвинят в нанесении телесных повреждений.

Сирены полицейских машин и скорой помощи наконец возвестили окончание игры.

Несмотря на готовность к такому повороту, Икс продолжал сыпать проклятиями.

В этот момент послышалось: «Канаэ...».

Голос деда звучал мягко, совсем не так, как еще недавно, в разговоре с Иксом.

– Напрасно я противился. Но теперь все, поднимите оба головы.

Видимо, очередную галлюцинацию вызвали воспоминания о прошлом.

– Вы, похоже, знаете толк в спиртном. Ну так вот, у меня есть виски «Бейкер-стрит», купленный во время медового месяца. Припас для особого случая... куда же я его...

Его голос звучал все мягче и ласковее. Каэдэ сразу заметила это.

Скорее всего, перед глазами деда возникли не только ее родители в молодости, но и ее бабушка.

– Нет, не вставайте, я принесу. Есть один секрет в том, как разбавлять его. Ха-ха, что это с вами? Нет никаких причин ссориться и драться. Я не вправе разлучать людей, которые любят друг друга. В сущности, тогда, перед свадьбой, я поначалу сопротивлялся, ведь так?

Так Каэдэ впервые услышала об этом от него.

Очнувшись в постели и увидев прямо над собой лицо Сики, Каэдэ вздрогнула.

– Удалось поспать немного? – на его лице играла ребяческая улыбка, неизменно располагающая к нему людей. – На всякий случай лучше бы остаться на эту ночь в больнице.

– А дедушка?

– Он крепко спит в соседней палате. Должно быть, устал.

Некоторое время слышались только сигналы, которые через равные промежутки подавала медицинская аппаратура. Сегодня вечером здесь, в палате экстренной помощи, было пусто.

– Интересно, у Иваты-сэнсэя все хорошо?

Сики зашептал:

– Показания в полиции даю я. Ему в последнее время хватило общения с ней.

Каэдэ выпростала руки из-под одеяла, потянулась и откинула голову на белую подушку.

– Послушайте, Сики-кун, а скажите-ка мне...

– Что сказать?

– Откуда вы оба узнали, где я?

Сики почесал кончик носа.

– После того, как какой-то человек глазел на вас у реки, мы с сэмпаям поговорили, а потом, посоветовавшись с дедушкой, стали по возможности сопровождать вас повсюду – я в будние дни, сэмпай по выходным.

– Так вот почему в последнее время у меня усилилось чувство, будто за мной постоянно ходят по пятам...

– Наверное, это из-за нас. Но я-то старательно учился слежке перед тем, как сыграть полицейского, так что был уверен, что не попадусь. И если вы почувствовали, что за вами следят, то это из-за сэмпая. – Сики приглушенно засмеялся. – А вчера от Химонья до Гумёдзи за вами шел я, то есть прямо перед тем, как появился букет.

Тишину в больничной палате разорвала сирена скорой. А как только она затихла, по коридору разнеслись дребезжание каталки и торопливые шаги.

– Знаете, Каэдэ-сэнсэй, – Сики посерьезнел, – я искренне считаю священным служением работу не только врачей, но и учителей, как ваша или сэмпая, или уход за пожилыми людьми. Может, потому, что сам я зарабатываю на жизнь сомнительным ремеслом актера, я отношусь к людям этих профессий с глубоким уважением. При этом я вовсе не принижая свою работу. Просто считаю, что у каждого своя роль.

– М-м.

– Вот потому-то, поневоле столкнувшись с таким случаем, я испытал странное чувство неловкости и тревоги. И... – Сики бросил снисходительный взгляд на дверь, за которой по-прежнему раздавался шум, и снова посмотрел на Каэдэ. – Я устроил что-то вроде опроса для консультанта и помощниц по уходу. И выяснил одно весьма примечательное обстоятельство: тот человек только выдавал себя за специалиста по нарушениям речи.

– Что?..

– Когда возникает необходимость обеспечить престарелому человеку уход на дому, консультант по уходу собирает и возглавляет команду из слаженно действующих специалистов по нарушениям речи, физиотерапевтов и помощников. Однако на удивление часто случается, что все они, как правило, работая в разных учреждениях и подчиняясь разным ведомствам, до встречи в доме подопечного не знают друг друга в лицо.

Этой лазейкой он и воспользовался. Сначала он позвонил в офис консультанту по уходу и, подражая голосу дедушки, сообщил, допустим, что дорогостоящих процедур по восстановлению речи уже достаточно, а потом явился к самой дедушке с объяснением, что его предшественника срочно перевели на другую работу, поэтому с нынешнего дня его будет заменять он. У всех же полным-полно дел. По правде говоря, недоразумения из-за недостаточной согласованности действий хоть и редко, но случаются. Но подобных случаев злого умысла, вероятно, еще не бывало.

Крепко сжав угол подушки, Каэдэ засмотрелась в окно больничной палаты. Знать бы, о чем думают сейчас все эти люди там, под бесчисленными ночными огнями?

Во все времена находятся те, кто вынашивает злодейские, чудовищные планы, которые даже не приходят в голову обычным людям. Должно быть, в видениях, которые являются дедушке, ему предстает иной, гораздо более прекрасный мир.

Сначала получился снимок твой,
Но нет, не замечаешь ты, похоже.

Потом был «парный снимок» нас с тобой,
Но нет, не замечаешь ты, похоже.

«Это про снимки с УЗИ».

Каэдэ бережно закрыла маленький дневник, с которым не расставалась и который успокаивал ее всякий раз даже при беглом чтении. На обложке искусным, как и у деда, почерком ее матери было написано: «Канаэ – тому, кто у нее в животе».

Купаясь в теплом свете солнца, посаженная ее отцом в саду сакура сорта «сомэй-ёсино» уже распускалась.

Сидя на веранде, дед гордо объявил:

– Вчера Канаэ приходила. Узнала, что здесь сакура расцветает раньше, чем у храма местного хранителя, и обрадовалась.

Каэдэ, устроившаяся рядом с ним, отвернулась, чтобы скрыть разом нахлынувшие слезы облегчения. Должно быть, плохие воспоминания и впрямь легко изглаживаются из памяти благодаря механизму психологической защиты.

Вот и дед, хоть и помнил во всех подробностях случившееся недавно, напрочь забыл о смерти ее матери и был твердо убежден, что именно мать Каэдэ вызвала полицию.

Нет, возразила самой себе Каэдэ: возможно, на самом деле дед все понимает, только делает вид, чтобы не тревожить ее.

Она посмотрела на профиль деда, четкие очертания которого смягчило множество морщин.

Сегодня ему значительно лучше.

Принесенную ему, видимо, в подарок кастеллу дед уплетал за обе щеки, даже забыв про кофе.

– Вообще-то это не Канаэ, а Ивата-сэнсэй с недавних пор зачастил сюда.

– А?..

Об этом Каэдэ услышала впервые.

– Аж лбом об пол бился, так просил посвятить его в тайны детективов, начиная с самых азов. И тут как раз явились за книгами те славные ребята, все трое. «Вау, учитель Ган-тян!» – «Что это вы такое делаете?» – и засмеялись, а тот совсем сконфузился. Ну, первым делом я сказал, чтобы он прочитал Эдгара По.

– А, понятно. Так эту кастеллу, наверное...

– Да, ее Ивата-сэнсэй принес. И откуда только узнал, что я страшный сластена? Почему-то все сладости, которые он мне приносит, отчаянно сладкие, – и дед с озорным видом подмигнул. – Наверное, и у него, несмотря на внешность, есть дедуктивные способности.

Каэдэ на миг прикрыла глаза.

Сладости домашнего приготовления настоящие, значит, и Ивата-сэнсэй не галлюцинация, а на самом деле заходил в гости. Каэдэ представилось, как он читает первый в мире детектив «Убийство на улице Морг» Эдгара По, и от улыбки по всему его лицу разбегаются морщинки.

Но на самом деле курс лекций по детективам – лишь предлог: Ивата всерьез беспокоится за дедушку, и дедушка, конечно, заметил это...

«О, нет!»

Задумавшись об Ивате и остальных, она чуть не забыла о важном деле.

– Дедушка, ты не посмотришь это письмо? Вот только кто его отправил – неизвестно.

С согласия деда Каэдэ вскрыла конверт со старательно выведенным на нем адресом. Надев очки для чтения, дед взглянул на конверт, и при виде почтового штемпеля его губы тронула еле заметная улыбка.

– Это от Мадонны-сэнсэй.

После неспешного чтения дед старательно сложил письмо слегка дрожащими руками.

– По-видимому, она стала куратором клуба плавания. И теперь с нетерпением ждет, когда наступит лето.

Каэдэ искренне порадовалась за Мадонну-сэнсэй, хоть ни разу не встречалась с ней. Спросить, на каком острове она работает в школе, Каэдэ не решилась.

– Да, кстати... – она вспомнила еще об одном поводе для радости. – Я только что ходила к идзакае «Харуно». Конечно, она еще закрыта, но на стене уже собралась целая коллекция ёсэгаки от завсегдатаев. Таких, как: «жду вас, хозяйка», «с нетерпением ждем никоми с новым вкусом», и еще много в том же духе.

– Вот и я как раз хотел сообщить об этом, – дед бросил оставшиеся от кастеллы крошки воробьям, которые прилетели из соседней бамбуковой рощицы.

Склевав сладкое угощение, воробьи сразу улетели в сторону идзакаи «Харуно». Прямо как почтовые голуби, доставляющие мысли.

«Доставляющие мысли...»

И Каэдэ решила завести разговор о том, что ей уже давно требовалось обсудить.

– Послушай, дедушка...

– Что такое?

– Я...

На этот раз слезам даже не понадобился повод, чтобы заструиться по щекам.

– Я... я, кажется, впервые встретила того, кто мне нравится.

На лице деда возникла улыбка – постепенно, как в замедленной съемке. Такой удивительной улыбки Каэдэ не видела уже давным-давно. От нее дед прямо-таки помолодел на добрый десяток лет.

– Вот как?

Он немного помолчал, словно обдумывая услышанное, и повторил:

– Вот как?

И снова засмотрелся на зацветающую сакуру.

– Чрезвычайно сложный случай, верно?

По-прежнему обаятельно улыбаясь, он приложил палец к своему гордому носу.

– Ведь оба они такие хорошие. «Невеста или тигр?» Даже я на твоём месте совсем извелся бы. Но нельзя ли мне послушать эту непростую историю?

– Я как раз хотела попросить выслушать меня, дедушка. И дать мне совет.

Дед обрадованно повторил:

– Вот как...

А потом все-таки произнес те самые слова:

– Каэдэ, можно мне сигарету?

Эта история – художественное произведение. Все совпадения имен и названий с реально существующими лицами и организациями

случайны. Повесть «За завесой сиреневого дыма», завоевавшая Гран-при двадцать первого литературного конкурса «This Mystery is Amazing!», была исправлена и дополнена, а также получила новое название перед выходом в виде отдельного издания.

Библиография

Косака Кэндзи. Понятно о деменции с тельцами Леви. Коданся, 2014.

Косака Кэндзи и др. Знаете ли вы? Деменция с тельцами Леви. Медика, 2009.

*Оно Кэндзи*ро, *Михаси Акира.* «Я увидел лошадь с рисунком, как у жирафа, и от этой галлюцинации пришел в себя». Медика Кэа Пурасу, 2020.

Хигути Наоми. Что случилось с моим мозгом: восстановление при деменции с тельцами Леви. Буккуманся, 2015.

Утикадо Хиротакэ. Деменция с тельцами Леви: Точные основные сведения и уход. Икэда Сётэн, 2020.

Ямада Масахито. Справочник по диагностике и лечению деменции с тельцами Леви. Фудзи Медикару, 2019.

Сэтогава Такэси. Сон на рассвете: Новая волна иностранного детектива. Хаякава Сёбо, 1987.

Сэтогава Такэси. Исследование грез. Воображение шрифта и образов. Хаякава Сёбо, 1993.

Сэтогава Такэси. Мастерство кинематографа. Синсёкан, 1998.

notes

Примечания

Публиковалось на русском под названиями «Девять миль» и «Прогулка под дождем». – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

2

Дословно – «протирающий окна».

3

При перестановке слогов в слове «дежавю» (, kishikan) получается «чувство Сики» (, shikikan).

«(«Папа-кулинар») – манга из более чем 165 томов про офисного работника, увлекающегося приготовлением еды, считается одной из самых длинных в истории.

В Японии фильм получил название «Для нас нет завтра».

6

Используется созвучие японских слов «неисправность» (, *koshō*) и «черный перец» (, *koshō*).

7

От яп. и англ. *aoi* и *corner* – «синий угол» ринга.

Японский десерт, напоминающий мягкое мороженое, обычно в вафельном рожке.

9

Задача на форсированный мат в сёги.

Окаппа – стрижка «боб».

По версии, распространенной в Интернете, японское выражение «стрекоза с обрезанным хвостом» (, shi-rikiretonbo, в переносном смысле – нечто незавершенное) происходит от не имеющих пятки, то есть якобы недоделанных плетеных сандалий дзори, ремешки которых напоминают крылья стрекозы.

Произношение японского слова «десятиборье» (, jissshukyōgi).

Использовано созвучие слов «затаенная обида» (, shien) и «сиреневый табачный дым» (, shien).